ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2003

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: mspskniga@co.ru
http: //www.msps.ru

Журнал зарегистрирован в министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.

Редакционный совет:
А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
М. Мертес (ФРГ)
Б.Н. Миронов
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
А.М. Салмин
Ю.П. Сенокосов
Л.П. Скопцов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*
Заместитель главного редактора *Ю.А. Гиренко*
Ответственный секретарь *А.А. Захаров*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*
Редактор: *Ольга Скрипалёва*
Верстка: *Ольга Козак*
Фото: *Олег Начинкин*

Издание осуществлено при поддержке
Региональной общественной организации «Открытая Россия»

Содержание

№ 3 (26) 2003

К читателю 5

Семинар

Взаимозависимость Европы и США
Питер Манделсон 7

Дискуссия 12

Заметки с семинара
Юрий Гиренко 23

Тема номера

Россия между Европой и Америкой
Доминик Моизи 27

Только "Клуб трех" может сделать Европу единой
Тимоти Гартон Аш, Михаэль Мертес, Доминик Моизи 32

Россия: новые парадигмы безопасности
Дмитрий Тренин 35

XXI век: вызовы и угрозы

Ближневосточная демократия и новые миссионеры
Адам Гарфинкл 40

О глобализации
Андрей Цуканов, Людмила Вязмитинова 45

Концепция

Судебно-правовая реформа
Тамара Морщакова 49

Дискуссия

Реформа власти?
Михаил Краснов 54

Политические институты России
Алексей Салмин 59

Свобода и культура

Наша нынешняя неудовлетворенность
Крейн Бринтон 65

Новые практики и институты

Лоббизм в американской политической системе
Пола Фриер 71

Личный опыт

Игорь Князев: "Хотели, как лучше – и получилось!"
Зоя Ерошок 75

Идеи и понятия

Демократический аудит
Даниель Таршис 77

Из зарубежных изданий

"Commentaire"
Жан Клод Казанова 81

За европейский взгляд на глобализацию
Паскаль Лами 82

Другая страна

Выборы по-украински – еще раз о самом главном
Михаил Афанасьев 88

Книги

Поиски идентичности
Ирина Бусыгина 93

Региональное книжное обозрение
Александр Капишин,
Инга Старостина 96

Контрапункт
Александр Архангельский 99

Наш архив

Этика в политике,
или о необходимости подавать пример в публичной жизни
Альваро Хиль-Роблес 103

Nota bene

Сибирь выбирает свободу
Игорь Князев 108

В оформлении этого номера использованы работы художников из Австрии, Бельгии, Германии, Польши, Португалии, России, США, Швейцарии.

К читателю

Ю.П. Сенокосов, главный редактор журнала «Общая тетрадь»

Какая политическая стратегия предпочтительнее сегодня для России, сказать трудно. После семидесятилетнего эксперимента с ленинской формулой власти «классовая политика есть концентрированное выражение экономики» приходится решать двуединую задачу. Наращивать свободную предпринимательскую активность и одновременно преодолевать политический кризис, развивая гражданские инициативы и включаясь в политику. Поскольку причина кризиса очевидна — коррумпированность и неэффективность власти, а также наше не проясненное до конца отношение к политике и экономике.

Западные специалисты проводят обычно между политикой и экономикой следующее различие. К политике они относят сложившиеся правила игры, соответствующие им льготы и привилегии, а к экономике — ресурсы, колебания спроса, предложения и тому подобное. И, исходя из этого, считают, что политические проблемы могут решаться в терминах «да» и «нет» (даже в случае компромисса), а экономические всегда оцениваются на уровне «больше-меньше». И при этом говорят, что когда экономическое неравенство закрепляется в чрезмерных привилегиях или льготах, превращаясь тем самым в политическую проблему, преодолеть его можно, только прибегая опять же к политическому решению. Ибо иначе проблема привилегий не разрешима.

Вопрос: так что же тогда представляет собой политик в отличие от предпринимателя? Очевидно, это тот же собственник, но особого рода. У него обостренное чувство собственной страны, региона, города. То есть это чувство в основе своей, скорее, символическое, тогда как предпринимателя интересуют реальная прибыль и собственность. И в случае политика приватизировать ее нелепо, ибо присвоение этого типа собственности в принципе от-

рицает политику, превращая ее в разновидность экономического бизнеса.

Товар и деньги в наше время действительно не имеют границ. А политическая власть, как и прежде, определяется противоборством интересов социальных групп, а также развитием страны и мира в целом. Иначе она теряет всякий смысл.

Представим себе, что политическая основа нашей федерации исчезнет. Во что превратится тогда экономика, и как начнут вести себя люди? Если система политических отношений и ее правовая база, определяющая природу и суть политического, внезапно развалится.

Но я уверен, что наши политики, финансисты, предприниматели, военные будут стремиться к проведению согласованной политической и экономической стратегии страны, понимая одновременно, что сфера общественной, гражданской жизни намного шире их личных и бюрократических интересов и что именно от ее состояния зависит успех реализации их собственных амбиций. Внешние воздействия, работа мысли, вынуждение обстоятельствами и формирование правовых представлений на этическом уровне относятся в равной степени к политике и экономике.

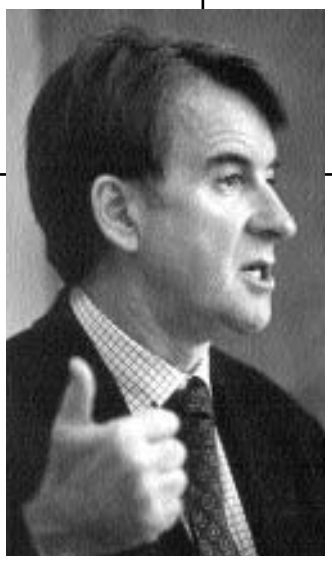
«Счастлива та страна, которой удастся начать движение к рыночной экономике и политической демократии, а затем и на деле, и в головах людей достаточным образом отделить одно от другого с тем, чтобы экономика развивалась сама по себе, а демократия оставалась стабильной даже во времена спада и экономического кризиса»*. Я думаю, лучше не скажешь.

«Великий» эксперимент советской власти провалился, и, напоминающая сегодня Сизифа, Россия пытается вновь втащить скатившийся камень на вершину горы. Но я убежден, что на этот раз, отказавшись от ленинской формулы власти и развивая гражданские инициативы, мы его втащим, и он больше не скатится.

В природе вещей, что люди рождаются политиками либо предпринимателями, и, тем не менее, опасны и те, и другие, если общество оставляет их без необходимого контроля.

** Ральф Дарендорф. После 1989. Размышления о революции в Европе. – М.: Ad Marginem, 1998. – С.105.*

Взаимозависимость Европы и США*



Питер Манделсон, член Британского парламента, бывший министр по делам Северной Ирландии

Я считаю, что Россия вместе с Британией, Францией, Германией и Соединенными Штатами Америки должна идти по пути прогресса на основе общих экономических интересов и общих политических целей и идеалов. Она должна настроиться на более широкое видение такого мира, в котором обеспечивается свобода слова, проводятся демократические выборы, где правосудие осуществляется независимым судом, а уважение к правам человека становится обычной практикой.

Иными словами, в этом мире должны действовать все составные элементы открытого общества, о котором сегодня утром говорил Джордж Сорос. Нашими общими целями могут быть свобода торговли, свобода слова и свобода от терроризма. В Европе, включая Россию, нам надо действовать не в качестве сателлитов Америки, а в качестве ее партнеров по международному сообществу. Мы должны развивать и наращивать то, что удалось создать после последней мировой войны и, конечно, после окончания холодной войны, чтобы сформировать более сбалансированные и более зрелые отношения между активно действующими на международной арене Соединенными Штатами и Европой в лице Европейского союза. Повторяю, активно действующими на международной арене Соединенными Штатами вместе с объединенной Европой, связанными более равноправными отношениями, чем те, которые имели место в прошлом. Хотя есть и альтернативный вариант, к которому стремится кое-кто в Европе. Это превращение Европы в соперника Америки, создание многополярного мира, с соперничающими между собой центрами силы: Америкой, Европой, Россией. Когда делается упор на то, что разделяет нас, а не позволяет действовать сообща. Такая альтернатива не представляется мне конструктивной для международной системы.

А теперь несколько замечаний о Европе в контексте событий в Ираке. Разумеется, мы можем по разному относиться к вопросу о правомерности действий военных в Ираке. Насколько это было легитимно и оправдано с точки зрения

** Выступление на семинаре Школы в Голицыно 7 июня 2003 года.*

международного права? Наши точки зрения по этому поводу могут не совпадать. Хотя я лично не сомневаюсь, что без Саддама Хусейна мир выглядит намного приятнее, поскольку в нем одним тираном, угнетающим свой собственный народ, стало меньше. Поэтому вряд ли Европе, включая Россию, пошла на пользу попытка помешать действиям американских руководителей. Все мы видели по телевидению, как в Багдаде граждане Ирака свергали с пьедестала гигантскую статую Саддама. Впервые за многие десятилетия его жители свободно делились своими мыслями перед камерами и микрофонами журналистов. Я думаю, многим европейцам в этой связи следует задать вопрос: «А что сделали мы для того, чтобы дать этим людям возможность говорить свободно впервые за много лет?».

Говоря о Европе в целом, тем самым я хочу сказать, что ее вклад был не очень существенным. Учитывая к тому же, что сейчас возникли новые проблемы, связанные с послевоенным восстановлением Ирака. Опыт иракских событий и позиция Европы по отношению к этим событиям обнажили серьезные проблемы, стоящие перед нами и требующие своего разрешения. Оказалось, что мы гораздо более разъединены, и перед лицом угрозы не в состоянии четко определить нашу позицию и, конечно, как объединение европейских государств мы выглядим гораздо слабее по сравнению с Соединенными Штатами, чем это было в прошлом. Я не хотел бы в будущем видеть такую Европу. Такая Европа меня не интересует. Мне интересна Европа, у которой есть свои собственные ценности, которая защищает их, предлагает эти ценности остальному миру и действует в соответствии с тем мировоззрением, о котором я сказал выше. Только в такой Европе мы сможем объединить наши усилия, соединим наш суверенитет и вместе займем более сильную позицию в мире, чем по одиночке и действуя разобщенно. Я думаю, на всех нас в Европе лежит ответственность за осуществление этой монументальной и широкой программы.

Надо честно признать, что мы уже не обладаем в мире прежней мощью, и поэтому нас в меньшей степени, чем раньше, принимает в расчет единственная сверхдержава, которая поставила перед собой задачу сделать мир лучше. Мы, европейцы, скомпрометировали себя из-за отсутствия единого центра принятия решений и четко определенных целей. Из-за отсутствия совместного анализа ситуации в сегодняшнем мире и стоящих перед нами угроз, а также инструментов, необходимых для их предотвращения, мы не можем определить, что мы должны сделать для мира, не можем оценить имеющиеся у нас возможности и найти средства для поиска решения проблем и устранения угроз. А между тем, это очень важно. Если мы не хотим, чтобы Европа имела второстепенный статус в иерархии более сильных стран мира. Если не хотим, чтобы европейские страны стали своего рода «парализованными» в сравнении с США, неспособными на решительные действия, в отличие от Америки, которая всегда знает, чего она хочет, и решительно проводит в жизнь свою политику. Все это имеет значение еще и по следующей причине. Без союзников, к которым я отношу в том числе и Россию, Америка не сможет добиваться своих целей и проводить свою политику столь же успешно, как при былом сотрудничестве со своими надежными партнерами. Америке нужны союзники. Америке нужен европейский опыт, ей нужна европейская история, наше мастерство, наше богатство, наше понимание ситуации на Ближнем Востоке, в Азии, других частях мира. И в не меньшей степени Америке нужны российские политические и дипломатические активы. У нас есть возможность выбора: мы либо разрешим наши

проблемы и трения в отношениях с Америкой и будем работать вместе, либо останемся на задворках. Позволяя Америке идти вперед в одиночку, создавать прагматические альянсы с нужными ей странами в различных частях мира, определять свои проблемы и вести себя, как барин, который выбирает холопов для решения того или иного вопроса, не обращая внимания на ООН и другие международные организации. Вряд ли это можно назвать прогрессивным интернационализмом, к которому все мы стремимся в качестве основы новой международной системы. Если мы в Европе намерены сделать правильный выбор и стать союзниками Америки, нам предстоит разрешить целый ряд сложных проблем. Дальше я остановлюсь на трех таких проблемах.

Первая проблема. Хотим ли мы в Европе и в мире вообще создать или воссоздать баланс сил? Или мы хотим создать истинный союз? Потому что смысл всех рассуждений о многополярном или многостороннем будущем для Европы состоит не только в том, что мы хотим стать сильнее. Конечно, мы всегда хотели бы быть сильнее. Вопрос же заключается в том, как мы собираемся употребить нашу потенциальную мощь? Собираемся ли мы контролировать действия американцев или помогать им? Следовательно, все зависит от того, как мы относимся к Америке — это добропорядочная или опасная для мира сверхдержава? Нам надо определиться. Точка зрения моего правительства в Соединенном Королевстве ясна. Мы хотим сотрудничать с Америкой, потому что у нас общие ценности, убеждения, мировоззрение и цели. Мы выступаем против одного и того же. И согласны с министром иностранных дел Германии, в выступлении которого недавно прозвучала мысль о том, что США можно считать силой добра. Но мы — реалисты, понимающие, что отношения и партнерство Европы с Америкой всегда были непростым делом. В прошлом в этих отношениях всегда присутствовал элемент соперничества, даже тогда, когда они выступали в качестве партнеров. То есть между ними были разногласия, и их приходилось разрешать путем диалога, путем нахождения компромисса. Мы не стремимся к однополярному миру, в котором все страны будут покорно следовать воле Америки, соглашаясь со всем, что надумает та или иная американская администрация.

Я хочу сказать вам — будьте реалистами, вряд ли в обозримом будущем Европа станет такой сильной, что не позволит США осуществить задуманное. У Европы не хватит сил. Она не сможет применить право вето на то, что намерена сделать Америка для осуществления собственных интересов и интересов международного сообщества, какими их видят американцы. Поэтому в Британии мы не видим реальной альтернативы созданию коалиции с Америкой, через которую мы могли бы оказывать влияние на ее политику.

Но есть и другая точка зрения. После событий в Ираке стало ясно, что Германия и Франция выступают фактически с голлистских позиций, они поддерживают идею баланса сил с США и считают, что Европа может заставить Америку принимать во внимание ее точку зрения и как-то изменить американскую позицию с тем, чтобы обеспечить безопасность и процветание всего мира. Боюсь, что это — старый европейский подход к международной политике, который мы постоянно и безуспешно применяли до 1945 года. Этот подход обеспечил своего рода баланс сил между Советским Союзом и США после 1945 года; тогда СССР приобрел значительный политический вес. Но хочет ли Россия вернуться сегодня к тем же подходам и создать какой-то баланс сил с Америкой? Выступить в качестве соперника США? Пойдет ли это на пользу вашей стране и всему миру? Думаю, что

нет. Стремится ли к этому Президент Путин, который достаточно успешно налаживает международные связи, свидетелями чему мы были недавно в Санкт-Петербурге, на встрече Большой Восьмерки.

Я считаю… что мы вместе, признавая лидирующую роль Америки, будем разрешать такие серьезные вопросы, как международный терроризм

Вторая проблема — в каком мире вы хотите жить? Какой мир хотите создать? Мир, в котором сохраняется нынешнее положение вещей? Или — другой, лучший мир, построенный на принципах прогрессивного интернационализма? Признаюсь, я несколько разочарован. После всего, что произошло в конце 1980-х и начале 1990-х годов, после падения Берлинской стены, когда все мы мечтали об объединенной Европе, что, собственно, произошло? Ведь мы мечтали о новом мировом порядке, который придет на смену враждебности. Обидно, что сейчас об этом почти не говорят. Или говорят без прежнего энтузиазма.

Между тем, мир на самом деле изменился. Он значительно изменился уже после второй мировой войны, когда была создана Организация Объединенных Наций и система предотвращения ядерного уничтожения. И сегодня мы можем сделать наш мир гораздо более цивилизованным, процветающим и безопасным. Когда народы могут вместе участвовать в процессе глобализации, вместе строить свое благосостояние в контексте более справедливых и равных условий, чем в прошлом. Мировой общественности предстоит выполнить огромную программу. Надо не только бороться с терроризмом, не менее важно уничтожить корни терроризма. Перед нами стоят грандиозные задачи. Поэтому мне несколько странно, что в Европе сейчас раздается так много голосов, призывающих к некой отстраненной позиции, пацифизму и чересчур либеральному отношению к мировой системе. Говорят о сохранении или восстановлении старых правил управления мировой системой. Скорее всего, потому, что боятся Америки и ее мощи. Вместо того, чтобы повернуть себя в сторону будущего и задуматься о том, как можно использовать эту мощь и те возможности, которые появились в мире после холодной войны для построения нового мирового порядка совместными усилиями. Меня это не радует. Я лично считаю, что мы либо перестраиваемся, либо нас с вами перестроят. Мы можем ничего не делать, и тогда Америка будет действовать в одностороннем порядке, либо мы вместе, признавая лидирующую роль Америки, будем разрешать такие серьезные вопросы, как международный терроризм. Но к этим вопросам надо подходить рационально, с хорошо продуманной повесткой дня.

Третья проблема. Если мы хотим создать новую международную систему, новый международный порядок, поддерживаемый США, Европой, Россией, Китаем, которые будут сообща обеспечивать свое развитие и безопасность, при каких обстоятельствах мы можем вмешиваться в дела других стран? Многие в Европе хотели бы понять, какие угрозы возникают со стороны тех стран, в которых государственная власть используется в личных целях, в которых царят коррупция и эксплуатация собственного народа, создается или приобретается оружие массового поражения — ядерное, химическое, бактериологическое, и в которых находят свое убежище террористические международные организации. Слишком ма-

ло в Европе правительств, которые трезво оценивают ситуацию и ясно видят стоящие перед нами угрозы. Это меня озадачивает. Конечно, мы не можем на сто процентов согласиться с доктриной безопасности Президента Буша. В Британии мы не согласны с отдельными аспектами этой доктрины. Однако из этого вовсе не следует, что мы должны закрывать глаза на существующие угрозы и отказываться защищать себя от них. В Европе даже после событий 11 сентября очень многие так и не поняли, каким образом меняется наш мир.

Ведь, когда идет речь о нашей собственной жизни, мы весьма предусмотрительны. Например, после аварии на Чернобыльской АЭС стали раздаваться требования о закрытии атомных станций. Почему же в таком случае мы не предпринимаем превентивных мер в отношении распространения ядерного и другого оружия массового поражения, чтобы оно не попало в руки потенциальных террористов. Нам надо задать себе вопрос, устраивает ли нас то, что через три года Иран, например, может получить ядерное оружие. Должны ли мы что-нибудь предпринять в связи с этим? Устраивает ли нас, что через несколько лет ядерное оружие появится у Северной Кореи, которая находится рядом с Россией. Устраивает ли нас такое развитие событий? Может быть, следует принять меры заблаговременно?

Ведь превентивные меры не обязательно означают использование военной силы. Я не призываю вводить войска на территории всех стран, где правительство представляет собой какую-либо опасность или где создается ядерное оружие. Есть и другие средства, которые можно использовать до того, как мы начнем думать об использовании военной силы: экономические, правоохранительные, дипломатические. И все же полностью исключить использование военного вмешательства в чрезвычайных обстоятельствах для предотвращения угроз, как этого требуют некоторые в Европе, мне представляется неправильным.

Итак, перед нами три проблемы. Собираемся ли мы начать новое соперничество и будем стремиться к балансу сил, при котором в одном лагере будет Америка, в другом — Европа, в третьем — Китай, или мы построим международное сообщество, основанное на союзе? Устраивает ли нас сегодняшний мир? Или нам следует вместе совершенствовать его и строить то, что я называю прогрессивным интернационализмом — движением в сторону общего блага и общей системы безопасности. И, наконец, готовы ли мы принимать заранее предупредительные меры, прогнозировать угрозы и устранять их, или же будем дорого платить за нашу халатность? Я выношу эти проблемы на ваше обсуждение. И надеюсь, вы согласитесь с тем, что они не только британские. Они важны для всех, в том числе и для России. В Европе мы также должны постоянно обсуждать их с целью выработки общей политики в области международных отношений и безопасности.

Я считаю, что общий подход Европейского союза и России к построению международного сообщества и такого мирового порядка, каким я его себе представляю, является обязательным условием для достижения успеха. Только совместная работа ЕС и России в Совете Безопасности ООН может способствовать оживлению деятельности этой организации. Если же Россия будет строить свою внешнюю политику на основе временного союза с Францией и Германией применительно к какому-то частному случаю, как это было в связи с Ираком, это не будет способствовать усилению роли вашей страны и не пойдет на пользу ни вам, ни нам, ни трансатлантическому союзу. Мы должны идти по другому пути — пути сотрудничества.

Дискуссия

Владимир Рыжков, *депутат Государственной Думы РФ.* — За несколько дней до семинара я звонил Питеру в Лондон и не мог сразу дозвониться. Его помощница сказала, что он очень занят, потому что готовится к выступлению в парламенте по поводу событий в Ираке.

Пользуясь случаем, обращаю ваше внимание — когда у нас выступают британские парламентарии, хотя не так часто, как нам хотелось бы, — на то, что мы слышали сейчас пример британской парламентской риторики. И я готов предположить, что примерно то же самое он говорил и ставил сходные вопросы в палате общин, когда выступал в качестве представителя лейбористской партии. Но вот что мне бросилось в глаза — мы сейчас перейдем к обсуждению — как сильно эта риторика отличается от того, что мы слышим от наших политиков и от наших дипломатов. Вспомните язык и терминологию, которую они используют. Чаще всего говорится о праве — в терминах процедур и права. То есть обсуждается вопрос, а где доказательства того, что у Ирака было оружие массового поражения. Питер же говорил совершенно в другой плоскости. Он говорил, что есть страны, о которых мы знаем, что в них есть или может появиться такое оружие. Например, Северная Корея, где запустили реактор и готовятся сделать атомную бомбу. А наши политики и дипломаты говорят, что должна быть вторая резолюция ООН, а раз ее не было, то войну начинать было нельзя. И Питер задает вопрос: а что сделали вы? Он достаточно мягко это формулирует, а я сформулирую жестче. А что сделала Россия, что сделала Франция, что сделала Германия, чтобы не было Саддама. Чтобы сегодня, как он сказал, мы могли видеть иракцев, которые на улицах свободно выражают свое мнение. Именно в этом, мне кажется, главное отличие: Россия, Франция и Германия стоят на легалистских позициях и говорят, все должно быть по процедуре. Все должно быть по праву. И если хотя бы одна страна — постоянный член Совета Безопасности — не согласна с иракской операцией, то ее быть не должно. А британцы говорят о другом. Они спрашивают нас: хорошо, мы согласны относительно процедуры, а что предлагаете вы? По-существу. Что можно и нужно делать с такими режимами?

С одной стороны, сказал докладчик, Америка хорошая страна, мы в это верим. Но с другой стороны, не можем тупо следовать за Америкой. Мы должны, сказал Питер, иметь свое мнение, но при этом оставаться партнерами, вести диалог и так далее.

Вопрос к россиянам, которые находятся в этом зале, а также к украинцам, грузинам, болгарам, белорусам, эстонцам. А для вас Америка — это страна с хорошими намерениями или это империя зла, которая стремится доминировать в мире? И еще вопрос: мы должны использовать ООН, чтобы противостоять США или быть партнерами с ними? Я дополняю вопросы докладчика своими вопросами, а теперь — дискуссия. Питер произнес речь, и у нас есть возможность, как задать ему вопросы, так и прокомментировать его точку зрения.

Максим Терляев, *пресс-атташе Ульяновской городской думы.* — Г-н Манделсон сказал о том, что США являются одной из ведущих держав в мире, и с ними нужно считаться, либо эта страна будет делать все, что захочет. Для меня эта ситуация напоминает большую-большую комнату — это наш мир, — в котором живет много, много людей. И у одного человека есть ружье, в данном случае у Соединенных Штатов. Да, сейчас этот человек использует ружье в положительных целях. Арестовали Милошевича, убрали Хусейна. Но дальше-то что? Если сменится, на-

пример, курс, что будет делать этот человек с ружьем? Ведь он может начать стрелять и в соседей. Поэтому Организация Объединенных Наций – это, кстати, в ответ на ваш вопрос, должна, с моей точки зрения, все-таки сдерживать Америку. Сдерживать этого человека с ружьем.

Владимир Рыжков. – А как вы считаете? Америка – это сверхдержава с благими намерениями?

Максим Терляев. – Сейчас это сверхдержава с благими намерениями. Но что будет дальше – неизвестно.

Питер Манделсон. – В американской истории, американском характере, поведении Америки или тех, кто составляет политическое руководство этой страны, я не нахожу никаких указаний на то, что Америка может использовать свою военную мощь против собственных друзей, союзников или соседей. Я не нахожу причин для беспокойства. Ни в истории Америки, ни в ее поведении. По-моему, нет никакой вероятности, ни со стороны ее нынешней администрации или будущих президентов и правительств, что они могут применить военную силу против своих соседей, друзей или тех, кто могли бы стать друзьями Америки. Вы можете говорить о самых кошмарных сценариях, описывать свои жуткие сны, и спрашивать, что надо делать? Я отвечу – проснуться, вернуться в реальность, понять, что все это было только сном. Надо вернуться в реальность. А в реальности Америка создает союз с Европой через структуру НАТО, создает систему партнерства с Россией через Совет Россия–НАТО. Невозможно, чтобы такая реальность стала плохим сном. Когда же эти обстоятельства изменятся, в чем я не уверен, тогда нам надо будет еще раз собраться и подискутировать на эту тему.

Александр Хрусталев, *помощник депутата, Законодательное собрание Ленинградской области.* – Г-н Манделсон, вы великолепно говорили, позиция понятна, но мы в своих рассуждениях постоянно возвращаемся к Ираку. Вы знаете, когда говорят о том, что сейчас иракцы могут на улицах высказывать свое мнение, то – да, это так. Но когда я смотрел на их лица по телевидению, у меня не было сомнения, что памятники свергали одни, а грабили совершенно другие. Это были одни и те же люди. Я был против войны, пото-

му что не очень приятно, когда в таком непростом регионе начинается еще одна война. А когда война началась, то, мне кажется, у любого здравомыслящего человека была только одна мысль, чтобы она как можно быстрее закончилась. И с наименьшими потерями. И как реальный человек, я понимаю, что она должна была закончиться победой коалиции Великобритании и Америки. А потом началось все то, что меня особенно тревожит, потому что всех нас волнует, что будет в перспективе. К чему придет эта страна?

Вопрос у меня такой. Считаете ли вы, что политика США должна опираться на волевые решения своих лидеров? Или она должна строиться с учетом мнения международного сообщества? А, отвечая на вопрос Владимира Рыжкова, скажу так: все считают Америку сильной державой. Точка. С намерениями. Точка. А какие это намерения — еще только будет ясно.

Владимир Рыжков. — Александр, еще один вопрос на уточнение. Питер говорил, что в мире есть страны, от которых исходит угроза. И приводил примеры: Иран, Северная Корея. И мы знаем, что в мире есть десятки стран, которые не могут управлять своей собственной территорией. И поэтому там бандитизм, наркомания — все, что угодно. Между тем, после 1945 года — и это тоже известно — никто не в праве осуществлять военную интервенцию, чтобы внутри страны не происходило. В этом на самом деле и состоит сейчас расхождение между частью европейцев и американцами. И в этом же фундаментальное расхождение между нами и Америкой. Мы по-прежнему считаем, что интервенции не должно быть. Хотя сами иногда, например, в отношении Грузии ведем себя не совсем последовательно. А как вы считаете, имеет право международное сообщество на интервенцию или нет?

Александр Хрусталев. — Конечно, не должно иметь. Интервенция — это крайний шаг, хотя и он, разумеется, не допустим с точки зрения международного права. Но мне лично, когда идет речь о такой стране, как Северная Корея, — страшно.

Питер Манделсон. — В вашем комментарии прозвучало, что вы против войны. Вы против любой войны? При любых обстоятельствах? Даже, когда враг грозит вторжением в вашу страну? Или когда есть угроза использования ядерного оружия против ваших городов и вашего населения. И вы будете сидеть, сложа руки? Я бы сказал, что правительства и политические лидеры обязаны обеспечивать безопасность своих граждан. Иначе, зачем России нужна армия? Россия сохраняет свой военный потенциал, чтобы отразить нападение. Бывают обстоятельства, когда надо прогнозировать возможную угрозу нападения или использования оружия массового поражения — ядерного, химического или бактериологического. В некоторых странах могут готовить компоненты такого оружия. Примером может быть Иран. В Иран сейчас поставляются компоненты, которые могут стать основой создания ядерного потенциала. Нет ничего более опасного, чем появление еще одной ядерной державы на Ближнем Востоке, регионе, известном опасной напряженностью и конфликтами. Россия, как и другие страны, взяла на себя ответственность за положение на Ближнем Востоке, безопасность живущих там людей и безопасность всего мирового сообщества. Все мы несем свою ответственность. Ответственна ли Россия за разоружение Северной Кореи? Я не имею в виду, что Россия должна ввести туда свои войска. Я имею в виду, что в этом вопросе возможно более тесное сотрудничество с Соединенными Штатами и, может быть, с Китаем. Следует уговорить или заставить руководство Северной Кореи отказаться от своей программы ядерного вооружения. Почему это не должно быть обязательством России? Вы говорите, что вы против войны. Я понимаю, что вы имеете в виду. Вы не против защиты и обороны вашей страны, защиты ваших граждан. И вы не отрицаете необходимости принятия превентивных мер с целью не допустить распространения ядерного вооружения, губительного для мира.

Будущее Ирака... Скажу просто. Будущее Ирака будет неспокойным, сложным, болезненным и потребует много времени и

сил. Из вашего опыта в России вы знаете, какое это трудное дело — создание демократии, гражданского общества, создание соответствующих институтов и механизмов для реализации демократической практики после многих десятилетий, в течение которых широким слоям общества в этом было отказано. Не думаю, что следует ожидать чудес и мгновенных трансформаций в Ираке. Помните, я сказал, что хотя бы начало уже положено. Да, были грабежи и мародерство после свержения режима Саддама Хусейна. Но я бы предпочел три дня мародерства самому жестокому и отвратительному режиму на Ближнем Востоке за все время после второй мировой войны. Это — относительно невысокая цена.

Теперь о том, все ли правильно сделали американцы? Нет, конечно. Временная американская администрация не могла разрешить проблем с размещением своего контингента, не говоря уже о вопросах послевоенного обустройства Ирака. У всех свои недостатки. Мы живем в несовершенном мире. Но это несовершенство гораздо менее значимо, чем все то, что мы имели в прошлом, когда Саддам правил этой страной.

Андрей Захаров, *вице-президент Фонда развития парламентаризма в России (Москва).* — Я бы хотел возразить уважаемому докладчику. Мир наш достаточно сложен, чтобы его можно было интерпретировать однозначно. Он поддается, как минимум, двум интерпретациям. А на самом деле их множество. И все зависит от того, какой интерпретации придерживаться.

Понимаете, все было бы очень просто, если бы мы обладали критерием объективной истины. Тогда мы могли бы сходу определять, какой режим несет угрозу человечеству, а какой нет. Я согласен с вами в том, что Россия должна прилагать усилия по сдерживанию и разоружению режима в Северной Корее. Но одновременно вынужден заметить, что в мире есть целый ряд ядерных держав, которые также хотелось бы сдерживать. В частности, Пакистан. Но я чтото не вижу, чтобы его кто-то активно сдерживал.

По поводу Ирака. Я думаю, что здесь произошла подмена двух вопросов. Вопрос первый: какой это был режим? Отвратительный или нет? Он, безусловно, был отвратительный. Но есть другая тема. Речь должна идти не о том, чтобы критиковать США или Британию за свержение Саддама Хусейна. Критиковать их надо за то, какой санкцией они пользовались. Если истин много и если, к несчастью, мир наш разделен на национальные государства, то единственный способ приблизиться к истине — это искать консенсус, получать санкцию международного сообщества.

Проблема безответственности. Хотел бы в этой связи напомнить недавнюю историю с Югославией. Многие считали, что Милошевич несет угрозу миру. Другие так не считали. И в результате обвинение этого диктатора во многом оказалось высосанным из пальца, потому что не все вещи можно доказать. Получается, что наполовину оно было изобретено пропагандистской машиной союзников, которые бомбили Югославию. Факт остается фактом. И еще — если мы посмотрим на то, как была переделана карта этого региона после войны. Ответственно ли было создавать в середине Европы мусульманский анклав? Косово — мусульманское образование и де-факто является независимой территорией. Ответственно это или нет. Я хотел бы попросить вас прокомментировать эти вещи.

Питер Манделсон. — Конечно, мир не прост. Нужно принимать во внимание конкретные обстоятельства — на Ближнем Востоке, на Балканах, повсюду. Готовые решения не проходят. Не всегда сразу ясно, что следует делать. Но в своем выступлении я имел в виду некий основополагающий склад ума, наше стремление к какой-то цели при создании нового мирового порядка. Для обеспечения нашей безопасности в XXI веке требуется соблюдение каких-то принципов, требуется определение точки отсчета, как, например, в случае наших отношений с Соединенными Штатами. Я не нахожу, что в вашем анализе вы противоречите основным моим постулатам. Я думаю, что вы согласны со мной в том, что нам тре-

Александр Родченко. Портрет матери. 1924

буются отношения сотрудничества с США. Мы должны выступать как партнеры, а не как соперники. Я думаю, что правильно вас понял.

Таким образом, мы подходим к весьма неоднозначному вопросу о применении фундаментальных подходов, включая принцип принятия превентивных мер, в конкретных ситуациях. Как я уже говорил, есть иерархия мер, которые мы можем принимать, переходя от чисто политических мер к средствам интенсивной дипломатии, полицейским мерам по задержанию поставок компонентов ядерного оружия или самого оружия массового поражения. Если же мы не можем предпринять какие-то предупредительные действия, то нам всем вместе надо продумать действия физического вмешательства. Это не должно делаться в одночасье. И не приниматься в одностороннем порядке одной страной, утверждающей: «Это наша точка зрения. Вы обязаны ее принять, действовать вместе с нами, или отойдите в сторону и не мешайте». Я считаю, что если мы в Европе и России не определим нашу ответственность, если не признаем существующие угрозы, то мы как бы зарываем головы в песок, и тем самым, даем дополнительный шанс США действовать самостоятельно. Им ведь ничего не остается делать. Получается так, что мы сами даем им возможность действовать по их усмотрению, потому, что они обладают силой. Если мы не будем выполнять наши обязательства как члены международного сообщества, мы открываем зеленую улицу любителям односторонних решений в Вашингтоне, позволяя им действовать по их усмотрению. Я не хочу жить в таком мире. И не хочу, чтобы у нас с Америкой были такие отношения. В определенном смысле мы пытаемся убедить Америку действовать вместе с нами, действовать согласованно и с учетом нашей позиции. А это означает, что и мы как ответственные члены международного сообщества готовы действовать вместе с ними, так как мы разделяем одни и те же ценности. Я еще раз повторяю, что в Европе, к сожалению, многие не видят нависших над миром угроз. Не хотят их видеть. Они хотят спрятаться — по двум причинам. Во-первых, не хотят брать на себя ответственность. И, во-вторых, полагают, что и без них Америка справится. Зачем идти на риск?

Не думаю, что это конструктивный, творческий и интеллектуальный подход к международным отношениям. В определенных ситуациях мы можем соглашаться или не соглашаться, но ясно, что нам надо еще упорнее работать вместе, изучать ситуацию и определять общие цели. В отношении Ирана, Ирака, Северной Кореи. Мне кажется, что до сих пор лидеры крупнейших стран, важнейшие члены международного сообщества еще не начали слаженно действовать для того, чтобы сформулировать общую позицию. В этом заключается серьезная проблема.

Андрей Нарейко, *депутат Национального собрания, Республика Беларусь.* — Уважаемый г-н Манделсон, мне очень понравился ваш доклад. И я хотел бы задать вопрос, который уже задавал в этой аудитории, но не получил на него ответа.

В результате иракского конфликта, кроме того, что Соединенные Штаты выиграли войну, они понесли и небольшое поражение. Поражение это связано с тем, что республика Беларусь восстановила свое членство в парламентской ассамблее ОБСЕ. После того как образовалась немецко-французская коалиция, и немцы и французы поддержали Беларусь. Беларусь это, безусловно, порадовало. Но одновременно и озаботило нас как депутатов и руководство республики. Ни для кого не секрет, что парламентская ассамблея ОБСЕ и парламент Европы работают под непосредственным влиянием Соединенных Штатов. Доходит до смешного. Когда белорусская делегация приезжает по приглашению в Страсбург, ей говорят: проходите в зал и садитесь. А где садиться, когда нет соответствующей таблички. Говорят, вы знаете, в зале американцы и должны скоро уехать — тогда мы табличку поставим, и у вас будет совершенно определенное место. Я считаю, что такая позиция выглядит, по меньшей мере, смешно. Тем более, что это организация, которая занимается безопасностью в Европе, и

США не имеют права диктовать свои условия. Так вот, проблема в развитии этой ситуации. Будут ли и дальше после иракского конфликта Соединенные Штаты продолжать воздействовать на европейские структуры? Или Франция и Германия будут лидировать. Как будет дальше развиваться ситуация в европейских структурах?

Питер Манделсон. — Мне непросто говорить конкретно о Беларуси и ее представительстве в международных организациях. Я не знаком с частными сторонами данного вопроса. Но я хотел бы сделать два замечания. Во-первых, Америка исходит из объективного анализа ситуации в той или иной стране. Когда имеет место некоторая гибкость, в зависимости от того, как настроена та или иная страна: проамерикански или антиамерикански. С одной стороны, США могут сказать, что эта нация выступает за свободные выборы, свободу слова, свободную прессу, права человека и так далее. Все это — объективные критерии, в соответствии с которыми мы даем оценку данному обществу. С другой же стороны, как и другие страны, Америка часто исходит из собственных национальных интересов, из того, насколько данная страна поддерживает Америку и с ней соглашается. С учетом такого настроения Америка может пересмотреть оценку, сделанную на основе объективных критериев. Но Америка не единственная страна, отличающаяся такой непоследовательностью и предвзятым мнением. То же самое можно отнести и к другим странам мира. Британия тоже далека от совершенства. Россия, может быть, тоже.

Но есть и более общее замечание. Это — второе, что я хочу сказать. Вы задали вопрос об отношении США к Европейскому союзу. Если заглянуть в историю, Америка всегда последовательно выступала за единство Европы. После второй мировой войны, после первых шагов в направлении создания Европейского сообщества и затем союза, Америка сказала, что это хорошая идея и что нужно поддержать солидарность западноевропейских стран. Без Америки мы бы не смогли дать свободу странам Центральной и Восточной Европы и не смогли бы обеспечить объединение Европы. Без Америки мы не смогли бы все это сделать. Давайте признаем это и поблагодарим ее за то, что она сделала для обеспечения всех этих демократических процессов на Европейском континенте. Сейчас же Америка как бы затрудняется определить свое отношение к Европе. С одной стороны, она нуждается в сильной Европе. Она хотела бы, чтобы Европа больше заботилась о себе и выделяла больше средств на оборону, становясь центром силы и принимая на себя часть американских военных расходов. В этом плане Америка продолжает приветствовать европейскую интеграцию. Но в то же самое время ее беспокоят другие процессы, происходящие в Европе. И она задается вопросом, почему во многих европейских странах, не во всех, но во многих, так силен антиамериканизм? Ведь по логике вещей европейцы должны быть настроены против Саддама Хусейна, а они обрушились на Буша. Почему они ополчились против односторонних действий Америки, а не против диктатора? Все это вызвало некоторое недопонимание в Америке. Мне кажется, что нам надо начать процесс как бы сначала и сделать заявление о трансатлантическом взаимопонимании. Нам надо обновить наши «брачные отношения». Необходимо еще раз оценить то, что нас объединяет, что у нас общие интересы, которые мы имеем в разных частях света, и вернуться к обсуждению тех условий, на основе которых можно оживить трансатлантическое взаимопонимание и отношения. Нужно начать новую эру в международных отношениях, заключить соглашение между Европой и Америкой, в котором будет оговорено, что мы признаем вашу роль лидера, но хотели бы, чтобы вы прислушивались и к нам. Вы, конечно, будете действовать по вашему усмотрению, но нам хотелось бы, чтобы вы привлекали и нас и использовали то, что у нас есть предложить в экономической, политической и дипломатической сфере. Мы признаем, что вы будете защищать американские интересы, но мы хотели бы, чтобы вы действовали через международные организации, через ООН, и на основе международного права. В против-

ном случае будет дестабилизировано всё международное сообщество. Это, как мне кажется, новые условия нового соглашения по поводу новых отношений Европы и Америки, в которых должны участвовать все заинтересованные страны.

Алексей Клешко, *депутат Законодательного собрания Красноярского края.* — Уважаемые коллеги, честно говоря, меня очень напрягает та дискуссия, которая у нас завязалась вокруг Ирака. Осуждая войну, осуждая американцев, давайте все же пытаться оценивать все происходящее более реально.

Недавно я перечитал выступления Черчилля, которые издавались на русском языке. И чему поразился? Десять лет, все тридцатые годы, Черчилль говорил о том, что Британии и Европе нужно готовиться к войне. Но никто в Европе не хотел этого слышать. Более того, и в самой Британии — тоже, если мы вспомним, что руководителя этой страны встречали аплодисментами, когда было подписано соглашение с Германией, которое предрешило судьбу Чехословакии. Нам это нужно помнить и понимать, когда мы обсуждаем то, что происходит сегодня.

А теперь о тех вопросах, которые поставил г-н Манделсон. На мой взгляд, если мы говорим о модернизирующемся мире, то нет противоречия в том, что нужно действовать превентивно, но при этом действовать по правилам. Лига наций, по словам Черчилля, распалась не потому, что принципы, которые были положены в ее основу, не верны, а потому, что государства отказались следовать этим принципам. И мне кажется, что, извлекая уроки из того, что произошло в Ираке, в Косово и так далее, наша задача состоит не в том, чтобы это осудить и заклеймить, а в том, чтобы понимать, что мир меняется. Но вместе с этим меняющимся миром должны меняться не принципы, а правила. Поэтому я за то, чтобы достигались соглашения и шел диалог по поводу правил, а не по поводу — бомбить Ирак или не бомбить, вводить туда войска или не вводить. То есть по поводу того, как относиться к цивилизованной части мира, которая способна договариваться, реагируя на существующие угрозы. С этой точки зрения диалог, который США предложили восьмерке относительно изъятия оружия массового поражения, безусловно, продуктивен. Только путь договоренностей по поводу правил есть цивилизованный путь. Другого ничего не придумано. И теперь вопрос.

Насколько я понимаю, далеко не все британское общество восприняло поддержку Блэром позиции США по поводу Ирака. И сейчас такое же не однозначное отношение в Британии к евро. На ваш взгляд, каким может или должен быть люфт между общественным мнением и позицией элиты по принципиальным вопросам, чтобы элита получила согласие общества на то, что она провозглашает в качестве главных целей?

Владимир Рыжков. — Я добавлю к этому. Блэр все-таки сильно рисковал, когда занял четкую позицию по Ираку. И насколько я знаю, в самой лейбористской партии не было полного согласия относительно этого. Что сейчас происходит в британском обществе и в вашей партии? Какие изменения в политике последовали за иракской войной?

Питер Манделсон. — Важно понять, что Британия разделилась в связи с вопросом об Ираке и британской политике применительно к действиям Америки. Разделились мнения британцев по всей стране, мнения мужчин и женщин, мнения политических партий, элит и простых граждан, мнения дипломатов. В конце концов, согласно результатам многочисленных опросов общественного мнения, большинство поддержало совместную американо-британскую операцию. Главным вопросом во время всего периода перед началом интервенции был вопрос об однозначной и ясной легитимизации военных действий со стороны Совета Безопасности ООН.

Здесь возникла следующая проблема: в ноябре резолюция была принята единогласно. Я имею в виду Резолюцию 1441, в которой говорилось, что Саддам Хусейн по-прежнему обладает оружием массового поражения, необходимыми компонентами и ингредиентами для его создания, что представляет смертельную угрозу для соседей Ирака и противоречит положениям приня-

тых ранее резолюций Совета Безопасности. В резолюции было также заявлено, что Саддам Хусейн должен немедленно выполнить требования Совета Безопасности, в противном случае Ирак ждут серьезные последствия. Резолюцию подписали Франция, Россия и другие страны. Когда же дошло до дела, Саддам не выполнил требований Резолюции, ожидая, что в Ирак вновь направят инспекторов. Что тогда делают Франция, Германия, Россия, Сирия и другие страны-члены Совета Безопасности? Ничего... Они говорят, что нужно дать еще время. И действительно, можно было бы дать еще время для обеспечения соответствия требованиям ООН, если бы он хотел обеспечить это соответствие. Но он этого не хотел. Саддаму нужно не время было давать, а требовать изменения его позиции. Но те страны, которые голосовали за Резолюцию 1441, не стали голосовать за следующее предложение. Они поступили непоследовательно, выставили на посмешище ООН и Совет Безопасности и сыграли на руку Саддаму Хусейну, он стал думать, что может рассчитывать на поддержку России, Франции и Германии и игнорировать Америку при молчаливой поддержке этих стран. И это было ужасно, потому что это непосредственно привело к войне. Америка, естественно, уже не могла отступить, а Британия оставить ее в одиночестве. Если бы Америка стала без союзников обеспечивать резолюцию ООН, мир был бы парализован. Можно было бы распрощаться с идеей о каком-либо новом мировом порядке.

Представляется весьма важным расценивать положение вещей через призму ООН. Если мы хотим сделать эту организацию действенной, если хотим, чтобы Совет Безопасности и вся система ООН пользовались доверием, если мы хотим добиться такого положения, когда слова ООН и резолюции Совета Безопасности что-то будут значить, мы должны быть готовы поддержать ООН, осуществить ее волю, выполнить ее резолюции. Иначе все рассыплется. Над всем этим стоит поразмышлять. Если международная система действует согласованно и последовательно, быть членом такой системы выгодно и удобно. Это относится и к Америке. Америке самой надо быть последовательной. Последовательной в выражении своей позиции в ООН, последовательной в своих отношениях с союзниками, последовательной в соблюдении принципов международного права. Последовательной в своей готовности предпринимать какие-то действия в случае необходимости. Мы много требуем от Америки. Но ведь это — сверхдержава. И если мы хотим, чтобы Америка действовала вместе с нами, прислушивалась к нашей точке зрения, мы должны быть вместе с Америкой, когда требуется действие.

Владимир Орехов, *депутат Сейма, Литва.* — Есть хорошая пословица — «Лучше плохой мир, чем война». Учитывая сегодняшнюю обстановку, учитывая современный технический прогресс, я полностью разделяю вашу позицию в том, что, если зло угрожает тысячам людей, оно должно быть устранено, в том числе и физическим, военным путем. А дальше, как вы правильно сказали, предстоит трудный путь демократизации иракского общества. Мы должны упреждать зло — это моя позиция и позиция литовского парламента. Но мой вопрос будет в мирной плоскости.

Сегодня в Европе есть определенное несоответствие в понятиях между разными странами. В этой связи, не тяжело ли бремя новых ассоциированных членов для европейского сообщества, не слишком ли быстро Европа стремится расширить и дальше свои границы, принимая в 2007 году новых членов? И к этому же: как быстро будут проведены европейские выборы в Европейский парламент, и будет ли президент Европейского союза ограничен в своих полномочиях?

Питер Манделсон. — Вы хотите спросить, что будет с Конвентом Жискар д'Эстена? Есть хорошие предложения, они уже включены в повестку дня, и к ним следует, конечно, прислушаться и принять на межправительственной конференции. Когда страны-участницы Евросоюза вновь будут обсуждать все эти вопросы с самого начала. Но чем все это закончится, сказать, разумеет-

ся, трудно. Нам нужно соответствовать определенным принципам, в основном двум. Первый принцип касается баланса между исполнительной властью в Евросоюзе — это Еврокомиссии — и ролью и авторитетом стран-участниц, что представлены в Евросовете. Это примерно то же самое, что баланс между советом директоров кампании и акционерами. Когда совет директоров должен вырабатывать стратегию и ясно понимать, куда вести кампанию, чтобы она была доходной и успешной. Это роль Еврокомиссий. А с другой стороны, у акционеров есть свои права, и если они считают, что совет директоров ведет себя не правильно, ведет кампанию к банкротству, то у них есть право навязать свою стратегию. Настоять на других решениях. Конечно, это не совсем точная параллель, но, мне кажется, что в любом случае требуется определенный баланс ответственности и полномочий внутри Евросоюза. И еще один аспект — он касается самих акционеров, стран-участниц Евросоюза. Как вы понимаете, есть большие страны, которые принимают решения, часто навязывая свою волю более слабым странам. Это неправильно. Это не в духе Евросоюза. Я имею в виду первоначальные замыслы создания этой организации. Так что когда 25 стран будет в Евросоюзе — там будут и Мальта, и Кипр, — то они могут наложить вето на любое предложение. Значит, они должны обладать такими же возможностями, как Испания, Франция или Германия. Нужно учиться работать вместе. Но это отнюдь не исключает важную роль малых стран. У них будет вето, в конце концов. Я думаю, это и есть ответ на ваш вопрос.

Юрий Сенокосов, *директор издательской программы Московской школы политических исследований.* — Пожалуй, я вернусь к началу, к основному пункту нашей дискуссии — о нашем отношении к Америке, к тому, что это за страна. Соглашаясь с докладчиком и в развитие того, на чем он делал акцент, добавлю, что я — за лидерство, но против гегемонизма. Поскольку у США как ведущей современной державы есть склонность к гегемонизму, меня это настораживает. Хотя одновременно я понимаю — и докладчик об этом тоже говорил, что страх который испытывают сегодня американцы, связан с Ираном, потому что у Ирана может появиться в ближайшее время ядерное оружие. Но тем самым мы невольно оказываемся заложниками собственного прошлого, когда именно США и Советский Союз изобрели ядерное оружие для взаимного устрашения. (Это к вопросу о том, чего не надо делать сегодня, чтобы не пожалеть завтра.) Так что когда Америка, испытавшая шок 11 сентября, ждет, что может снова повториться то же самое, но уже в бóльших масштабах, с использованием оружия массового поражения, мне это понятно. Как понятно и ее стремление остановить террор или, вернее, противопоставить ему демократию и навести порядок в мире, призывая европейские страны, обладающие ядерным оружием, присоединиться к ней. Если здраво размышлять, то я думаю, американцы правы. Однако, когда есть собственное ядерное оружие, невольно появляется желание посоревноваться. Показать себя: что если вы способны на что-то, то и мы способны. И в результате все оказываются в плену вечных человеческих страстей, подозрительности, страха. Короче, если размышлять так, как размышляет Питер, то это вполне здравый путь осмысления той реальной проблемы, перед которой мы сегодня оказались. Проблемы угрозы применения ядерного оружия странами, которые едва ли, в отличие от европейцев, понимают, что это такое на самом деле.

Владимир Рыжков. — Позволю себе в завершение нашей сессии тоже сказать несколько слов.

Для меня эта сессия была очень интересной во многих отношениях. Я вспоминаю в этой связи слова Гарольда Бермана, нашего эксперта, который, выступая в этой аудитории, сказал, что он разделяет политическую философию Аристотеля, согласно которой, наилучшей формой правления является сочетание трех принципов: монархического, аристократического и демократического. Монархического, когда есть один сильный лидер, в наши дни он

может называться президентом или премьер-министром; аристократического, когда есть элита, политический класс, осознающий свою ответственность за страну и обсуждающий актуальные проблемы, а также требовательное и интересующееся политикой общество. Общество, которое требует от элиты и от лидера определенных решений и поведения. И внимательно наблюдая за тем, что происходило на родине Питера накануне войны и во время войны, я должен сказать, что Британия это ярко продемонстрировала. Например, кто из вас возразит, что Тони Блэр — это не сильный лидер, способный пойти как против мнения части своей партии, так и против мнения значительной части британского общества? Или, кто будет спорить с тем, что в Британии не сработал и второй принцип — аристократический? Я неслучайно сказал в самом начале о том, что сегодня нам был продемонстрирован образец парламентской риторики. Поскольку британская палата общин и палата лордов многие дни обсуждала иракский кризис. И многие аргументы, я думаю, Питер это подтвердит, которые звучали сегодня здесь, звучали и там. Как и многие контраргументы. И, наконец, — демократический принцип. Где как не в Лондоне и в других британских городах массы людей выходили на улицы и выражали свою позицию? Кто как не британцы требовали от правительства и от премьер-министра, чтобы все делалось в рамках международного права и Организации Объединенных Наций.

А теперь сравним это с российской ситуацией. Кто принимал решение о российской позиции по Ираку? Семь человек, фамилии которых вы знаете. В парламенте это не обсуждалось. Единственное, что сделала Государственная Дума, приняла резолюцию в поддержку позиции президента. Практически без дискуссии. Что происходило на улицах? Вы тоже прекрасно знаете. Ничего. За исключением одного митинга, организованного мэрией Москвы и партией «Единая Россия». Но когда на этом митинге у стен американского посольства митингующие требовали прекращения войны, именно в этот день иракский народ уже свергал изваяния Саддама. Война закончилась. И в этом вся разница. В механизмах лидерства, в отсутствии дебатов в парламенте и в апатии общества.

Поэтому сегодня, я думаю, мы вправе себя спросить. А у нас работает такая модель принятия решений? Может быть, в этом причина того, что у России пока нет ясного представления об угрозах, нет ясного представления о том, как на них реагировать, и именно это привело к тому, что мы лавировали. Возможно, и наверняка Путин оказался мудрее Ширака, потому что он не стал создавать антиамериканский фронт в ООН. Но он и не оказался столь пассивен, как китайцы, которые остались почти незамеченными, что, собственно, всегда было свойственно их культуре.

Таким мне представляется один из уроков нашей сессии. Нам была продемонстрирована ясная британская позиция. Мы можем с ней соглашаться или не соглашаться, но согласитесь, что она абсолютно ясная. И вообще сегодня был удивительный день у Школы, удивительный день у Ассоциации выпускников, когда в первой половине дня мы слушали Джорджа Сороса и вели диалог с ним, а сейчас вели диалог с Питером Манделсоном. Я всех вас поздравляю.

Перевод с английского
Сергея Шмакова

Заметки с семинара

Юрий Гиренко,
кандидат исторических наук

Это было беспрецедентно.

Формально говоря, в конце мая и начале июня в подмосковном поселке Голицыно проходило не одно мероприятие, а четыре, не связанные между собой: друг за другом собирались «младшая группа» Просветительского центра «Московская школа политических исследований» (то бишь, набора 2003 года); федеральный класс Школы 2003 года; Ассоциация выпускников Школы; «старшая группа» Центра (набор 2002 года). Но фактически — из-за единства места, в силу особого голицынского духа, а более всего стараниями Лены Немировской и ее команды — вся цепь событий, происходивших здесь с 27 мая по 11 июня, выстроилась в последовательный ряд, чему не могли помешать никакие препятствия — ни смена участников, ни чередование экспертов, ни мелькание тем (тем более что и участники, и эксперты, и темы во многом пересекались)...

Это продолжалось как никогда долго — больше двух недель подряд. 16 дней интеллектуального напряжения, труда, удовольствия. Свыше полутора декад общения, которое не только доставляет удовольствие, но и поднимает над собой.

Людской поток, «протекавший» через Голицыно в те дни, нарастал и мелел, в соответствии со сложной драматургией этого необыкновенного семинара в четырех частях. Из полутора сотен участников, присутствовавших на открытии первого семинара Центра, ко второму дню осталась треть. Через четыре

дня, когда начался федеральный семинар Школы, это количество утроилось. Затем знаменитый голицынский коридор едва вместил всех, кто съехался на собрание Ассоциации — в одно время и в одном месте сошлись и «кинетические» выпускники 1993–2002 годов, и потенциальные выпускники — слушатели этого года; всего более трех сотен. А затем произошел отлив: второй семинар Центра, где опять осталось полсотни участников. Отлив, завершение...

Это было художественно.

Семинар открыл Йонас Риддерстрале — шведский интеллектуал, соавтор экономического бестселлера «Funky Business», профессор по должности, экономист по профессии и артист по призванию. Он говорил о новом видении мира, в котором (если использовать выражение Курта Воннегута) «свобода воли взяла всех за горло». И как говорил! Во время выступления Рид-дерстрале, казалось, языковой барьер исчез даже для тех, кто не знает ни одного английского слова. Пафос, ирония и самоирония; глубина и яркость; уверенность пророка и умение вести диалог — все это соединилось в его четырехчасовом интеллектуальном шоу и дало эмоциональный заряд всему семинару...

Дело шведского экономиста продолжил российский артист. Рафаэль Клейнер, народный артист России и настоящий мастер слова, давал молодым лидерам уроки риторики. На самом деле, он не столько учил, сколько показывал, насколько значимым и весомым может быть слово; как важна гармония формы и содержания. Артист, читающий со сцены Сократа, Чаадаева, Мамардашвили; придающий философской мысли художественное звучание, он как никто другой чувствует необходимость такой гармонии!..

Был, разумеется, и непременный Александр Согомонов, завершавший своими «играми разума» каждый голицынский день. Чуть более бесшабашный на федеральном семинаре; чуть более приземленный на семинарах Центра, но неизменно яркий, глубокий, самобытный...

Эстетика июньского Голицына настолько подействовала на участников, что в завершающей части, где собрались самые «закоренелые» школьники, прошедшие множество семинаров и пропитанные духом Школы, в кулуарах родилось два поэтических проекта — и был затеян третий! Проняло...

Это было концептуально.

Владимир Рыжков, заслуженный парламентарий и авторитетный политик, краса и гордость Школы — выпускник ее первого года, многолетний эксперт, постоянный автор «Общей тетради» предложил для обсуждения проблему правительства парламентского большинства, включив актуальную тему в контекст современной российской политии. Его сессия и мастерская выявили, что корень решения не только этой проблемы, но и в целом политической модернизации страны в радикальном осовременивании нашей политической культуры.

Тему подхватил Алексей Салмин, анализировавший итоги десятилетней трансформации российского государства и общества. Маститый политолог показал основное внутреннее противоречие нашей элиты, мешающее ей адекватно отвечать на вызовы современности: разрыв между ее «функциональной» и «рефлективной» частями; между теми, кто вырабатывает сегодняшние политические решения, и теми, кто занят осмыслением глубинных социальных процессов.

Еще глубже в анализе культурных противоречий развития России ушел еще один из «отцов-основателей» Школы Виталий Найшуль. По его мнению, состоянием культуры общества определяется не только политическая жизнь, но и экономика. А в культурном смысле все мы остаемся «детьми Брежнева» — при-

надлежим позднесоветскому времени «заката империи»; отравлены его тлетворным духом. Уже по окончании своей сессии, в кулуарах, Виталий Аркадьевич признает, что в этом утверждении был сильный элемент провокации (к слову сказать, вполне удавшейся — дискуссия разгорелась жаркая), но в целом оно основано на глубоком убеждении. «Брежневское время уйдет, когда кардинально изменится школьная программа», — говорит президент Института национальной модели экономики. Он же прочертил историко-культурную траекторию развития России: от культурно-гомогенной Московской Руси к гетерогенной империи; от многообразной аграрной империи к столь же многоликому, но индустриальному СССР; от Советского Союза к некому новому состоянию — индустриальному, но культурно однородному...

Экономическую тему в более приземленном ключе продолжил Андрей Илларионов — советник президента России, оставшийся на государственной службе независимым интеллектуалом; он не устает анализировать пути экономической модернизации России и — чем дальше, тем больше — выходит на политическую дорогу. Его «формула роста», как отмечали многие слушатели, сейчас больше походит на политический лозунг, чем на наукообразную экономическую программу. Теперь то, о чем Илларионов говорит уже третий год подряд, сведено к чеканной формуле из семи пунктов, каждый из которых — и все они вместе — кричат об одном: нужна гарантированная экономическая свобода! Политико-экономическая «формула успеха» по Илларионову фактически замкнула в единый концептуальный ряд политические построения Рыжкова, политико-культурологические выкладки Салмина и культурно-экономические парадоксы Найшуля. Это не единая идеология, но целостный взгляд на наши актуальные проблемы и на путь превращения России сегодняшней в Россию современную.

Кроме того, на семинаре (то есть, на семинарах) много говорилось об истории — что не может не греть сердце автора этих строк. История развития ин-

ститутов доверия была темой сессии Джеффри Хоскинга. История, как фактор политики, рассматривалась Дианой Пинто. История не покидала серию выступлений экспертов, рассматривавших «узел», в который завязаны Россия, Европа и Америка. Кульминацией же этой серии была презентация Доминика Моизи «Россия между Европой и Америкой»*. Поэт от политики, профессор Моизи достиг истинной гармонии формы и содержания, которую воспевал Рафаэль Клейнер. Изумительная внятность мысли — и точность ее выражения; предельная ясность формулировок; беспощадная четкость позиции в отношении всех «фигурантов» — будь то гостеприимная Россия, всемогущая Америка или родная Европа — все это Моизи...

Это было событие.

Собственно, каждый из уже названных своим появлением и выступлением был событием. А ведь кроме них был еще великолепный сэр Бернард Ингам, на сей раз говоривший не о масс-медиа, а о Европе, но столь же язвительный и глубокий. И обаятельный Крис Доннели, в последний раз выступавший в качестве советника Генерального секретаря НАТО. И великий русский социолог Юрий Левада...

А еще был Питер Манделсон — «блэрмейкер»; человек, придумавший «новый лейборизм» и фактически обеспечивший возвращение лейбористов к власти после двадцатилетнего перерыва. Он выступал дважды, и первая его презентация, где он излагал официальную позицию своей партии и правительства по международным вопросам, не поразила воображения. Зато когда Манделсон заговорил о своем родном — о публичной политике, идеологии и технологии, отношениях политика и общества... Политически искушенная аудитория выпускников Школы, входящая в состав «старшей группы» Просветительского центра, слушала его, затаив дыхание. Это был образец современного политика, ощущающего пульс времени и живущего в соответствии с ним.

И был Джордж Сорос. Человек-государство, человек-эпоха. Он приехал в Голицыно в момент, когда российская общественность вовсю обсуждала его решение свернуть программы финансирования российских проектов через институт «Открытое общество». Приехал поговорить с просвещенной публикой об открытом обществе и его перспективах. Насколько получился разговор? Судить не очевидцам — для нас слишком значимым был сам факт приезда, выступления, диалога**.

Это — было.

Голицыно, Школа, семинар. Об этом нельзя подробно рассказать — или воспроизвести слово в слово все, что говорилось за голицынским овальным столом и вне его (что невозможно), или ограничиться штрихами — возможно, сумбурными, но искренними. Уникально — как всегда. Долго и многолюдно — как никогда. Содержательно, полезно, необходимо — как надо. Второе десятилетие Школы началось. Продолжение следует...

---

* *Выступление Д. Моизи публикуется в этом номере «Общей тетради».*

** *Выступление Дж. Сороса и второе выступление П. Манделсона будут опубликованы в серии брошюр Школы «Голицынские лекции».*

Россия между Европой и Америкой

Доминик Моизи, заместитель директора Института международных отношений (Франция)

При анализе современных мировых проблем радует меня очень немногое. К чему не обратись, появляется чувство неуверенности. Ситуации, которые были привычными и понятными, внезапно стали невероятно трудными для объяснения. Вчера мы жили в мире, который был, скорее, черно-белым. Сегодня, похоже, он окрасился в различные оттенки серого.

Что касается России, то десять лет назад мы спорили, будут ли для нее в этот революционный момент по-прежнему иметь определяющее значение столкновения западников и славянофилов. Сегодня у меня нет сомнений, какой путь выбрала Россия. Только вот Запада, о котором раньше спорили, больше не существует! Поэтому сейчас – впервые после 1945 года – имеет смысл спросить: не возникла ли опасность раскола Запада на две части – американскую и европейскую? А это имеет фундаментальные последствия и для России. Должна ли Россия выбирать одну сторону Запада в противовес другой? Либо она может стать мостом между ними? Или надо как-то комбинировать эти подходы? Но тогда, как сесть между двумя стульями? Делая шаги то к Европе, то к Америке, Россия рискует стать жертвой, как собственных внутренних противоречий, так и противоречий между двумя версиями Запада.

Несколько дней назад я был в Вашингтоне на семинаре, посвященном состоянию современно мира. Там были не только американцы, но и европейцы, азиаты, представители Ближнего Востока. Тем не менее, в дискуссиях по всем вопросам повестки дня, естественно, доминировали американцы. Значение Европы как предмета обсуждения сильно уменьшилось: это для нас Европа расширяется, для американцев она сокращается. Европа становится больше географически, количественно, но ее становится качественно меньше и для американцев, и для остального мира. Американцы сегодня обеспокоены терроризмом, как мы вчера были обеспокоены коммунизмом. Они смотрят на Азию со смешанными чувствами амбициозности и некоторой неуверенности – как на вероятного будущего соперника. А от терроризма до Азии совсем недалеко! В представлении европейцев, разумеется...

Что более всего беспокоит меня в этой ситуации? Американцы сейчас имеют стратегическое видение мира, которое не нравится европейцам. А сами европейцы при этом пребывают на пике кризиса своей идентичности. Они не знают своих географических границ. Не знают, какие институты понадобятся им завтра. То есть кризис идентичности усугубля-

ется кризисом легитимности. А вот американцев все это, по большому счету, не волнует. Противоречие не только в том, что у Америки есть стратегия, а у Европы нет: европейцев беспокоит то, что делают американцы; в то время как американцам все равно, что делает Европа.

Как мы дошли до жизни такой? Одна из главных причин — эволюция России. Мы существовали как единый Запад потому, что было такое «нечто», как Советский Союз. И весьма успешно определяли нашу идентичность в негативном ключе: мы знали, кто мы, потому что понимали, кем не хотим быть. Мы не хотели быть такими, как Советский Союз — ни по демократическим, ни по экономическим соображениям. Когда же СССР рухнул, и появилась Россия, совершенно иначе позиционированная в международных отношениях, мы должны были определить себя в позитивном ключе. И я должен сказать, что за последние десять лет нам не удалось это сделать. Чтобы понять, почему Запад перестал быть внятным, надо иметь в виду две исторические даты: 9 ноября 1989 (падение Берлинской стены) и 11 сентября 2001 (атака на Нью-Йорк и Вашингтон). В результате этих двух событий Америку и Европу стали меньше объединять интересы и больше разделять эмоции. Во-первых, исчезла советская угроза, а во-вторых, Америка вступила в войну — а Европа нет. Не говоря уже о том, что между этими двумя датами развернулся мощный процесс глобализации, который воспринимается как процесс американизации мира. Потому-то в последние несколько лет мы видим, что глобализация спотыкается и растет антиглобалистское движение.

Таким образом, два Запада разделены эмоциями, а также методами и видением. Что касается методов, то сегодня везде стало гораздо больше Америки, чем когда-либо. Больше Америки в мире — и меньше Европы в Америке и в мире. Того, к чему многие привыкли, больше нет, и, возможно, уже не будет. Все мы — свидетели роста Американской империи. В каком-то смысле Америка всегда была империей, но без имперской воли. Сегодня она уже не отказывается быть империей; Американская империя становится империалистической. Американцы беспокоятся о своей уникальной роли и мощи в мире.

Ее новая роль сформирована сочетанием особых обстоятельств и людей. В Америке сейчас доминирует альянс нестандартной личности президента Буша-младшего, религиозного наследия президента Картера и идеологического наследия президента Рейгана. И этот альянс взял верх в ситуации, когда Америку объединил шок 11 сентября. Внезапно нам явилась империя, главной целью которой является защита себя от окружающего мира — путем изменения этого мира.

И здесь кроется главное противоречие! Еще вчера Запад был объединен против советской угрозы, стремясь, говоря глобально, к сохранению *status quo*. В этом был смысл доктрины сдерживания: сохранить мир таким, каков он есть, пока Советский Союз не рухнет под грузом своих собственных противоречий. Ну а СССР был ревизионистом, стремящимся к изменению мира. Отсюда и знаменитая советская доктрина времен холодной войны: «Что мое — то мое, что твое — предмет переговоров».

Сегодня же ситуация полностью изменилась. Ранее единый Запад разделился на две части. Одна из них укрепилась в результате крушения Советского Союза — это Соединенные Штаты, которые стали теперь в свою очередь ревизионистской силой и хотят изменить мир, чтобы защитить себя от него. И другая часть — Европа, которая, как вчера весь Запад, хочет сохранить *status quo*. Фактически, мы находимся между фрустрацией и удовлетворением. Это — главное противоречие Европы.

Итак, с одной стороны мы имеем Америку, на пике своего могущества осознавшую свою уязвимость. С другой стороны — Европу, не понимающую, чего она хочет и не желающую платить за то, чем она хотела бы быть. Противоречие Европы в том, что она хотела бы иметь многополярный мир, где есть американская, китайская, российская — и европейская! — мощь; хотела бы быть, играть роль в таком мире — но при этом глубоко расколота по вопросу о том, как добиться этой роли, и не хочет за нее платить. Сущностное противоречие! Мы имеем амбиции глобальной сверхдержавы, но ведем себя (а втайне и мечтаем быть такими), как боль-

Биренайс Эббот. Мост Джорджа Вашингтона. 1936

шая Швейцария. Мы хотим быть богатыми, процветающими, самодостаточными – и по большей части не интересоваться окружающей действительностью. Проблема в том, как жить с этим противоречием.

Министр обороны США Дональд Рамсфелд ввел еще одно разделение, существующее якобы внутри самой Европы. По его мнению, есть «новая» Европа, поддерживающая США, динамичная и современная. Это Польша и другие новые страны, а также ее старый верный союзник Великобритания. И есть «старая» Европа, объединенная вокруг Франции и Германии – коалиция

Мне бы хотелось видеть Россию неким мостом между Европой и Америкой… Несмотря на то, что Россия пока не соответствует требованиям как европейской, так и американской моделей, она может дать многое обеим сторонам

эгоистичных и ненадежных государств. Эта схема полностью искусственна, поскольку построена по одному критерию – поддержка Вашингтона. Полностью поддерживаешь – значит, «новая» Европа, пытаешься быть автономным – «старая».

На самом же деле, реальность в том, что Европа с каждым днем становится все более ощутимой реальностью. У нас есть общая валюта, нам не нужны паспорта для путешествий. Но при всем том единство Европы – это еще только проект. Сейчас мы боремся за Европейскую Конституцию, и за несколько месяцев до конечной даты, когда она должна быть принята, еще не знаем, что будет решено. Мы знаем, что нашли ответ на один из трех главных вызовов, с которыми столкнулась Европа: мы решили расширяться. Но при этом не ответили на более важный вопрос: а чем мы пытаемся стать? Новые страны, вступающие в ЕС, входят в Европу, которая таинственна не только для них, но и для нас. Ведь Европа 15-и фактически не работает, а Европа 25-и?!

Необходимо что-то делать на трех уровнях. Европа должна стать более федералистской – но этот тезис не находит поддержки в таких странах, как Великобритания, и в новых демократиях, вроде Польши. Они не хотят приносить в жертву свой суверенитет, который совсем недавно восстановили после полувекового господства СССР. Далее, есть различия между большими странами «Клуба трех» (Франция, Германия, Великобритания) – плюс Италия, Испания и Польша – и всеми остальными. И третий уровень – различие в отношениях с Вашингтоном Лондона и Мадрида, с одной стороны, и Парижа и Берлина – с другой.

Сейчас мы видим, что война в Ираке показала отсутствие Европы: правительства не находят общего языка, тогда как люди действуют сообща во всех странах. Огромные антивоенные демонстрации проходили по всей Европе – от Варшавы до Мадрида и Лондона. Европейцы спонтанно выступили против войны; многие – против Буша; немало – против Америки. И опять мы видим, европейцы определили себя негативно; показали, чего они НЕ хотят. А европейские правительства разделились: 14 правительств поддержали американскую войну, а 11 выступили против нее. Таким образом, перед нами поразительный контраст двух реальностей – реальности общества и реальности правительств.

Что это значит для России? Единого Запада больше нет, он не знает, чем является; у него нет общих методов политического действия. Европа сейчас обречена быть сугубо гражданским сообществом – и надолго. Америка же имеет весь набор инструментов власти – как жестких, так и мягких, от силового действия до уговоров. В последние несколько месяцев мы были свидетелями революции не только в военной технологии, но и в идеологии.

Американцы к собственному удивлению обнаружили, что их методы работают! Арабский мир ошарашен и не может до конца понять, как случилось, что Багдад сдался всего за два с половиной дня. Ведь, скажем, в Ливане в 1982 году гораздо более слабые палестинцы сопротивлялись превосходящим силам израильтян почти три месяца. А тут Ирак, одна из самых больших арабских стран, рухнул, как карточный домик – не только потому, что никто не хотел умирать за Саддама, но и из-за колоссального военного превосходства американцев. Сейчас во всем мире только они могут вести такие войны. И это возлагает огромную ответственность на них – и составляет огромную проблему для остального мира.

Но вернемся к России. Вчера, когда кто-то говорил, что «Россия хочет вернуться в Европу» или «стать частью Запада», то смысл такого утверждения был ясен: Россия хочет иметь верховенство права, капиталистическую экономику открытого рынка; она воз-

вращается в Европу, частью которой была всегда, пока ее искусственно не отрезали от Европы события политической истории XX века. Теперь же Россия, насколько я понимаю, стоит перед другим выбором.

Россияне могут сказать: для нас сейчас важнее всего саморазвитие наших граждан, а потому от Европы нам требуются правила игры, которые позволили европейцам примириться со своей историей и с самими собой. Модель, благодаря которой можно достичь благополучия, и есть Европа. Мы больше не хотим быть сверхдержавой в традиционном смысле; во всяком случае, не можем конкурировать с Соединенными Штатами, поскольку они слишком далеко ушли, и в ближайшие десятилетия их не догнать. Следовательно, давайте выстраивать отношения и изучать европейскую социально-политическую модель. За последние 40 лет там была выработана уникальная модель разделения суверенитета, его изобрели заново.

Это одна из возможностей — выбор европейского пути, приоритет «мягкой» власти над «твердой», во имя благополучия и саморазвития российских граждан. Но другие могут возразить: это невозможно. У нас огромная страна с великими традициями, мы — Россия. Посмотрите на нашу географию, историю! Для нас европейский путь неприемлем. Да, мы не можем конкурировать с Америкой, но сегодня эта сила остается реальностью, и мы на российской земле тоже сталкиваемся с вызовами, которые требуют военных решений. Мы должны понимать власть в американском смысле. Хотя географически мы, скорее, европейцы, но американская модель подходит для нас больше. Гибкость, динамизм, индивидуализм — американские способы справляться с современностью — для нас. Европа становится сонным музеем, и мы должны иметь больше амбиций, если хотим играть роль на мировой сцене.

Но есть и третья проблема, которая заключается в том, что, какой бы выбор Россия не сделала, она недостаточно «квалифицирована», недостаточно демократична, недостаточно цивилизована в отношениях между государством и гражданами. Или, другими словами, недостаточно нормальна, чтобы соответствовать европейскому пониманию политики. Когда верховенство права действительно определяет отношения гражданина с государством; когда гражданин чувствует, что его защищает армия и милиция; когда все без исключения выполняют свои законные обязанности. Возможно, это ложный выбор, и Россия не должна выбирать ни одну из названных выше моделей?

Существует глубокое противоречие между дипломатическим выбором, который делает Россия, и выбором, который должны сделать гражданское общество, экономические силы, вообще россияне. В каком-то смысле Россия в результате иракской войны приобрела кое-что у каждой из сторон. Она выступала против войны, но осталась в дружеских отношениях с США. Вспомним знаменитую фразу Кондолизы Райс, советника президента США по национальной безопасности, сказанную ею после войны: «Наказать Францию, игнорировать Германию, простить Россию». Но, возможно, Россию простили по ошибке, на самом же деле у нее просто не было политики! Поэтому она, заявляя о поддержке франко-германского союза, одновременно намекала американцам: «Не принимайте слишком всерьез то, что мы говорим». И американцы это прекрасно поняли. То есть Россия получила выгоду от двойственности своей позиции, а Франция заплатила за исключительную ясность своей политики.

России еще предстоит сделать выбор. Мне бы хотелось видеть ее неким мостом между Европой и Америкой. Несмотря на свое несовершенство, несмотря на то, что Россия пока не соответствует требованиям как европейской, так и американской моделей, она может дать многое обеим сторонам. Возможно, это слишком оптимистичное видение мира, однако, даже если дела пойдут иначе, Россия может сыграть важную роль в новом самоопределении Запада. И я глубоко убежден, что, выбирая между ценностями географии и географией ценностей, надо выбирать географию ценностей. Именно это объединяет нас. Именно поэтому десять лет назад была создана ваша Школа. И именно поэтому все мы сегодня здесь.

Перевел с английского
Юрий Гиренко

Только «Клуб трех» может сделать Европу единой*

Тимоти Гартон Аш,
директор Центра европейских исследований Колледжа Св. Антония, Оксфордский университет (Великобритания)

Михаэль Мертес,
бывший советник Гельмута Коля, партнер аналитического центра «Димап-Консульт» (Германия)

Доминик Моизи,
заместитель директора Института международных отношений (Франция)

Германия, Британия и Франция для Европы — необходимая троица. Их тесное сотрудничество — не достаточное, но необходимое условие того, чтобы у Европы была серьезная внешняя и оборонная политика. Как показали события вокруг Ирака, если эта троица разделена, то разделена и вся Европа.

Сегодня перед Европейским союзом стоит британская проблема; французская проблема; германская проблема. И каждую из них надо решать, если ЕС хочет использовать уникальную возможность своего расширения на восток и построить новое партнерство с США в XXI веке.

Британская проблема Европы в том, что, несмотря на тридцатилетнее членство в союзе, британцы никак не могут решить, хотят ли они на самом деле участвовать в европейском предприятии. Наполовину ослепленные старыми предубеждениями, которые усиливает евро-скептическая пресса, они не осознают, насколько стали европейцами.

Выбирая между Европой и родственными связями своей страны с Америкой, британцы все еще питают иллюзию, что им лучше послужат эксклюзивные «особые отношения» с США. Во время иракского кризиса Тони Блэр встретил полное понимание в Вашингтоне, но политика атлантизма и мультилатерализма британского премьер-министра, в принципе достойные восхищения, провалились, так как ему не удалось выработать единую, сильную и жесткую европейскую позицию в ходе предварительных консультаций с Парижем и Берлином.

Французская проблема Европы в том, что французская политическая и административная элита всерьез полагает: что плохо для США — хорошо для Франции; и она переносит свое чувство раздражения Вашингтоном на отношения с меньшими европейскими партнерами — как из «старой», так и из «новой» Европы.

В действительности то, что хорошо для США, не обязательно хорошо для Европы или Франции — но из этого не следует, что для Франции обязатель-

** Financial Times. Friday, July 11, 2003.*

но хорошо то, что плохо для Америки. Находящее широкую поддержку французское раздражение сомнительным поведением администрации Джорджа У. Буша не отменяет того факта, что никакие серьезные устремления Европы не могут быть достигнуты через оппонирование США. В Варшаве, Гааге или Риге Францию никогда не воспримут так, как она сама себя видит — в роли регионального заменителя США. Потребуются годы, чтобы превозмочь горький осадок от заявления президента Жака Ширака о странах Центральной и Восточной Европы, вступающих в ЕС: «Они должны сидеть тихо». Чтобы соответствовать своим амбициям в Европе, Франции нужно быть скромной и самокритичной.

Сегодня перед Европейским союзом стоит британская проблема; французская проблема; германская проблема. И каждую из них надо решать

Германскую проблему Европы можно назвать «потерянной парадигмой». Причины германского евро-энтузиазма коренились в холодной войне, и теперь они исчезли. Немцы восстановили свое национальное единство с согласия соседей. Теперь они живут в мирном и благополучном окружении стабильных демократий, партнеров по ЕС (настоящих или будущих) и союзников по НАТО. Они больше не чувствуют себя обязанными вести себя, как образцовые европейцы, дабы доказать, что больше не мечтают о гегемонии на континенте.

Десять лет назад многих заботило, сможет ли Европа включить в себя объединенную Германию. Сегодня вопрос в другом: сможет ли Германия включиться в объединенную Европу? Будет ли она и дальше ограничиваться экономическими устремлениями или сумеет поставить новые реформаторские цели и достичь их, как одна из движущих сил Европы? И последнее, но не менее важное — захочет ли она увеличить свой оборонный бюджет, чтобы способствовать проекту укрепления европейской военной мощи?

Таким образом, британцам нужно больше европеизма, французам — больше скромности, немцам — больше активности.

Европа никогда не будет серьезным политическим актором, если ее национальные лидеры будут продолжать использовать внешнюю политику, как способ демонстрации своего воображаемого «величия», и если они не дадут Европе средств для реализации ее целей. Например, новому европейскому «министру иностранных дел» понадобится сильный аппарат, состоящий как из карьерных чиновников ЕС, так и из лучших кадров национальных МИДов. Его (ее) первейшей задачей будет формулирование стратегических подходов Европы к мировым вызовам — таким, как «разбойничьи» государства, международный терроризм и распространение оружия массового поражения, а также бедность, организованная преступность, наркотики, работорговля и разрушение окружающей среды. У США не должно быть монополии в том, чтобы задавать правильные вопросы — тем более, если мы думаем, что они не всегда дают правильные ответы.

При этом самый квалифицированный аппарат и наилучший в мире анализ не гарантируют от того, что внешняя политика Европы 25-и (или больше) останется невнятной и декларативной, основанной на минимально возможном уровне компромисса. Поэтому особенно важно, чтобы Франция, Германия и Британия держались вместе, систематически, но не формально, обеспечивая европейской политике как содержательность, так и консенсусность.

Для начала, более энергичные усилия по координации политики должны предприниматься не только в министерствах иностранных дел в Берлине, Париже и Лондоне, но также и в ведомстве федерального канцлера, в Елисейском дворце и на Даунинг-стрит. К этому постоянно действующему трио (оно же — «Клуб трех») должны привыкнуть, как к серьезному игроку, и в Белом Доме (а не только в Государственном департаменте).

Возможно также создание «контактных групп» по важным для Европы вопросам — таким, как Иран или израильско-палестинское урегулирование. В них должны участвовать представители Британии, Франции и Германии, а также других заинтересованных стран. Во время балканских войн 1990-х годов такими странами были Россия и Италия. В новые группы могут входить Польша, когда речь идет о Восточной Европе, или, скажем, Испания и Италия, касательно Северной Африки. Эти группы не должны быть совсем закрытыми — как не должны быть и открыты для всех желающих, кому надо лишь занять место за столом для повышения своего национального престижа. Условиями членства в них должны быть компетентность, дееспособность и серьезность.

Подобные предложения наверняка вызовут неприятие у других европейских государств, опасающихся «директории» большой европейской тройки. Британские, французские и немецкие чиновники иногда приватным образом говорят, что именно «директория» и нужна, но никто никогда не признает, что это так. Мечты о «директории» — глупость. Наши европейские друзья это знают и понимают. Но они также должны знать, что если единственной альтернативой этому будет минимально возможное согласие, то не выиграет никто. Если влияние ЕС в мире будет стремиться к нулю, то малые страны Европы будут еще меньше.

Перевел с английского
Юрий Гиренко

Россия: новые парадигмы безопасности

Дмитрий Тренин, заместитель директора Московского Центра Карнеги

Заявленную в названии тему можно свести к краткой формуле «Россия после Ирака», так как происходящее в этой стране и вокруг нее позволяет нам более четко разглядеть процессы, которые вызревали в системе международных отношений в течение последних 10–15 лет.

События в Ираке привели к очень серьезным изменениям мирового порядка. Во-первых, Ирак *de facto* подвел черту под холодной войной, которая *de jure* завершилась довольно давно. Тем не менее, на протяжении последних 10–15 лет вооруженные силы и, в значительной степени, структуры безопасности были преимущественно ориентированы на старые задачи. Сейчас, после Ирака, вооруженные силы, во всяком случае, американские, сосредоточены на решении совершенно иного круга задач. Во-вторых — и это, на мой взгляд, чрезвычайно важно — Соединенные Штаты, которые в период холодной войны, были хранителями мирового *status quo*, превратились в державу, по сути революционную, поставившую перед собой задачу менять режимы и положение дел в отдельных государствах и регионах мира. Куда ведет такая революция, пока однозначно сказать нельзя, но это один из самых интересных из разворачивающихся на наших глазах процессов. И, в-третьих, следует обратить внимание на то, что в центре мировой политики начала XXI века находятся Ближний и Средний Восток. Руководство США весьма серьезно отнеслось к призывам покончить с корнями терроризма; эти корни были идентифицированы и локализованы, и сегодня именно Ближний и Средний Восток стал ареной, где решаются наиболее важные для всего мира, а не только для данного региона, проблемы безопасности.

Чтобы понять, что все это означает для России, необходимо проанализировать изменения в стратегической ситуации — в первую очередь геополитические, но также технологические, экономические, политические, ценностные.

Основное внимание я уделю именно геополитическим изменениям. Рассмотрим сначала те из них, которые коснулись ведущих держав. Первое. События 11 сентября 2001 года изменили отношение и американского правительства, и американского общества к проблеме безопасности. У американцев возникло ощущение уязвимости. Казалось бы, оно должно было у них присутствовать со времени появления у Советского Союза межконтинентальных баллистических ракет и ядерного оружия, но к ядерному противостоянию,

как к некой статичной данности, они постепенно привыкли. Второе. США в военном отношении — безусловно доминирующая страна. По уровню военной мощи им сегодня нет равных. Это означает, что Соединенные Штаты не просто обладают соответствующим потенциалом, но и готовы использовать силу для наведения или установления порядка, то есть проводить ту самую революционную внешнюю политику, которая является не только революционной, но и *силовой*. И последнее. У США отсутствует противовес, индивидуальный или коллективный, и появления такого противовеса в обозримой перспективе не предвидится. В том, что касается военной мощи и политического влияния, Соединенные Штаты не уравновешиваются, как то было традиционно в прошлом, другой державой или комбинацией держав. Это привело к некоторым парадоксальным, с точки зрения традиционного представления, явлениям в международных отношениях. Произошел выход Соединенных Штатов на самостоятельную орбиту, то есть теперь они заботятся не о безопасности своих союзников, находившихся под угрозой коммунизма, а в первую очередь о себе. На наших глазах начинается разложение трансатлантического единства, которое ярко проявляется в кризисе НАТО.

Несмотря на высокий уровень экономической взаимозависимости (взаимные инвестиции США в Западную Европу и Западной Европы в США составляют по 500 триллионов долларов) их политическое и военно-политическое единство начинает ослабевать. Это очень интересный процесс. Что касается Европы, то после Маастрихта, то есть после 1991–1993 годов, в ней явно прослеживается тенденция к большей интеграции за счет ослабления атлантизма и отношений с Соединенными Штатами. Европейская интеграция, при всей ее сложности и неопределенности в конкретных областях, прошла значительный путь и будет двигаться дальше в направлении все более общей внешней политики.

Теперь обратимся к Китаю. В декабре этого года исполняется 25 лет с начала реформ Дэн Сяопина. Страна прошла колоссальный путь экономической модернизации. И в последнее время начинается чрезвычайно важный процесс политического обновления, который наверняка приведет к трансформации всех сторон жизни китайского общества. И параллельно происходит его интеграция в международные политические процессы и институты. Китай никогда за всю свою историю не был столь сильно интегрирован во внешний мир. Сейчас он — член ВТО, а также член шанхайской организации сотрудничества, что формально впервые выводит его политику безопасности за пределы национальной территории. Таким образом, Китай становится важным и активным фактором международных отношений.

И, наконец, Россия. Парадокс заключается в том, что Россия обладает сейчас минимальным уровнем защищенности от традиционных угроз. Российская армия никогда не была так слаба, как сегодня. При этом, однако, уровень внешних угроз тоже минимален. Никогда России так мало не угрожали ее традиционные противники, то есть другие крупные государства — ни на Востоке, ни на Западе. Правда, появилось много новых угроз, но вот угроза широкомасштабной войны радикально снизилась. Вопрос в том, сохранится ли это состояние.

В нынешней России зачастую ведутся разговоры о недостаточности вложений в оборону по сравнению с американскими. Действительно, примерное соотношение военных бюджетов Америки и Российской Федерации сегодня — 400 млрд. долларов и 400 млрд. рублей. Однако нужно отдавать себе отчет в том, при каких условиях мыслим военный конфликт между США и Россией. Таких условий, на мой взгляд, три. Первое — радикальная смена нынешнего режима в России, скажем, на агрессивный и националистический. Второе — Россия начинает активно заниматься распродажей оружия массового поражения по всему миру. И третье — она нападает на какое-то крупное государство, бывшую республику Советского Союза, например, Украину, с целью восстановления империи.

Только при таких условиях можно было бы говорить о возобновлении враждебности с американской стороны.

Итак, мы рассмотрели Америку, Европу, Россию, Китай и сейчас обратимся к державам, условно говоря, второго ранга. Здесь, наверное, самым интересным является феномен, который один крупный российский эксперт когда-то назвал «вторым ядерным веком». Как реакция на американскую политику, у ряда государств появляется мощное стремление (порожденное анализом стратегической ситуации в своем регионе) обзавестись ядерным оружием. Причем, это не просто стремление, но в отношении Индии и Пакистана — реализованные планы. (Израильское ядерное оружие немного старше и там действуют несколько иные факторы.) Очевидно, что «второй ядерный век» затрагивает и такие страны, как Иран и Северную Корею. Если данный процесс не будет каким-то образом остановлен и взят под контроль, то мы можем в обозримой перспективе увидеть то, что мерещилось Джону Кеннеди в начале 1960 годов, — появление 25–30 ядерных государств. За ядерной Кореей, например, могли бы последовать ядерная Япония или ядерный Тайвань. Соответственно, мы должны иметь в виду возможность возвращения призрака ядерной войны, а может быть, и начала настоящей ядерной войны в той части планеты, которую в прежние времена называли «третьим миром».

Наконец, если мы перейдем еще на один уровень, так сказать, третьих участников, то здесь наиболее любопытным представляется появление негосударственных факторов. Речь идет, в первую очередь, о международных террористах, обладающих в ряде случаев мощью, которая до сих пор была привилегией крупных государств. То, что сделали террористы 11 сентября 2001 года, качественно выходит за рамки привычных возможностей террористических групп. Это урон, который Соединенным Штатам Америки могли бы причинить лишь считанные государства в мире. И, тем не менее, неправительственная, по сути, организация сумела нанести американцам такой ущерб. Здесь, безусловно, играют заметную роль государства-изгои, которые становятся притонами для террористов.

Особая опасность таится в соединении международного терроризма и возможностей оружия массового поражения. И это не просто призрак, не только то, что возможно, но то, что уже случилось, в частности, в токийском метро, в небольших, конечно, размерах, но вполне может случиться и в совершенно других масштабах. Мы привыкли концентрироваться на том, что происходит в непосредственной близости наших границ, в Европе и в Азии, но ведь в девяностые годы, когда страны, принимавшие участие в холодной войне, пожинали дивиденды мира, в других регионах начинались кровопролитные войны. Миллионы людей уже стали и продолжают становиться жертвами насилия в странах Африки. Идут противоречивые процессы параллельной глобализации, означающие, что ядерное оружие у террористов — факт глобальной небезопасности. (Скажем, что-то происходит на острове Бали, а волны расходятся по всему миру.) Одновременно наблюдается регионализация безопасности. Такой регион, как Европа, или, точнее, Европейский союз, уже живет, согласно популярному определению американского неоконсерватора Роберта Кагана, в постмодернистском раю. Для этих стран войны — пройденный исторический этап, они сданы в

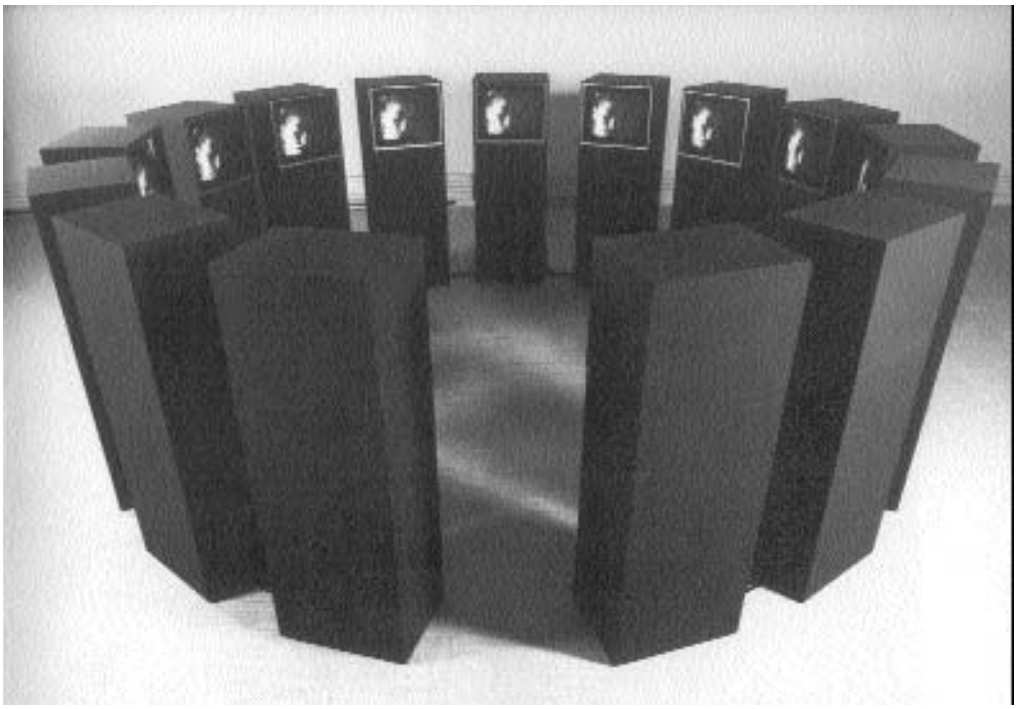
Для стран Европейского союза войны – пройденный исторический этап, они сданы в музей. Тогда как в других частях мира – Африке, некоторых районах Азии – война остается повседневной реальностью на протяжении многих лет

музей. Тогда как в других частях мира — Африке, некоторых районах Азии — война остается повседневной реальностью на протяжении многих лет.

Россия находится на стыке нескольких регионов, одновременно принадлежа Европе, гранича с традиционными державами Востока, включая Китай, и имея у себя на юге весь букет проблем, связанных с региональной нестабильностью, сепаратизмом, международным терроризмом, религиозным экстремизмом и так далее. Этот регион примыкает к Ближнему Востоку, а точнее, является частью «большого Ближнего Востока», который сегодня, наверное, самое горячее и самое важное место в мире. Но хотя между крупными державами существует согласие по поводу *принципов* борьбы с международным терроризмом, между ними нет согласия по поводу того, *что именно* считать международным терроризмом. Огрубляя, можно сказать так: для Соединенных Штатов международный терроризм — это те группы, которые в качестве мишени избрали Соединенные Штаты или их союзников по всему миру. Для России — это, прежде всего, чеченские радикалы. Для Индии — сепаратисты, ведущие войну в Кашмире. Пекином же в качестве террористов рассматриваются, например, уйгурские националисты.

Необходимо помнить и о происходящих в мире технологических, экономических, политических изменениях. За 1990-е годы Соединенным Штатам удалось очень далеко продвинуться в военном деле. Собственно, их нынешняя военная мощь основана на колоссальном прогрессе, прежде всего в области информатизации, который достигнут после окончания холодной войны. Американцы взяли на вооружение фразу «революция в военном деле», которая вышла из стен советского генштаба, и наполнили ее вполне конкретным, реальным содержанием. В тот же период произошло распространение современных военных технологий за пределы нескольких владевших ими ранее стран. Киплинг говорил: белого человека и туземцев на поле боя отличает то, что у белых есть пулемет «Максим», а у туземцев его нет. Сейчас, условно говоря, пулеметы «Максим» — то есть современные вооружения, — стали принадлежностью арсеналов большинства стран мира. И ядерное оружие становится или может стать целью многих стран. Поэтому очень важно понимать, как развивается этот процесс и как на него можно воздействовать.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы. Первое. Традиционная приоритетность угроз для такой страны, как Россия, за 1990 годы радикальным образом изменилась. То, что прежде являлось наиболее серьезной угрозой, сегодня таковой не является. Появились новые угрозы, в отношении которых нет адекватных средств предупреждения, контроля и противодействия. Войны между крупными державами стали чрезвычайно маловероятными, в то время как войны с негосударственными организациями, с негосударственно организованным противником (скажем, таким, как Чечня для России), вышли на первое место. В XXI веке угроза применения оружия массового уничтожения возрастает, а режим нераспространения находится в кризисе. Вопрос о нераспространении ядерного оружия является сегодня важнейшим, и ответы на него варьируют от молчаливого согласия с ядерным статусом, как это было сделано в отношении Индии и Пакистана, до необходимости применения превентивных военных мер, о чем сейчас говорят в связи с северокорейскими и иранскими ядерными объектами. В условиях американского доминирования заново встает и вопрос о мировом порядке. На мой взгляд, в современных условиях, учитывая положение и возможности Соединенных Штатов, единственной реальной формулой для осуществления некоего подобия международного порядка могла бы быть формула «США плюс ООН» или, более дипломатично, «ООН плюс США». Если обе стороны, ООН и США, готовы работать вместе, многое получится; если же нет, результат, скорее всего, окажется печальным. (Под ООН я понимаю, прежде всего, 6–8 стран, которые имеют в этой организации наибольший вес.) Второй вывод, который можно сделать из сказанного, состоит в том, что



Мари Джо Лафонтен. Видеоскульптура. 1984

проблемы безопасности стали актуальнее проблем обороны. Третий вывод: нынешняя система целеполагания, формулирования интересов нашей страны, отстала как от внутренних, так и от международных реалий, от того, что принято называть требованиями жизни.

В этих условиях тем, кто хотел бы реформировать российскую систему безопасности, необходимо, во-первых, начинать работу с содержимого головы, и, во-вторых, с формы этой самой головы. Ибо не во все головы можно вложить новое содержание. Недавно, выступая в Кремле, Путин назвал модернизацию армии одной из трех приоритетных задач страны. Однако обновлению такого инструмента политики, как армия, должна предшествовать модернизация стратегического мышления, начавшаяся в стране лет 15–16 назад, но до сих пор так и не закончившаяся. Мне представляется принципиально важным, чтобы эта модернизация опережала строительство структур, которые должны быть адекватны тем проблемам, с которыми сталкивается страна в начале XXI века. По моему убеждению, в результате катаклизмов последних 15 лет российские вооруженные силы перестали быть реформируемыми. По сути, нужна не реформа, а трансформация вооруженных сил. При этом другие элементы военной организации также нуждаются в столь же радикальных преобразованиях. Здесь я имею в виду все то, что обычно подразумевается под силовой организацией государства.

Не стоит думать, конечно, что только российские вооруженные силы не в состоянии противодействовать новым угрозам. Все вооруженные силы мира оказались сегодня перед лицом угроз, к которым они практически не готовы — за исключением небольшого количества стран. Это вполне нормальное явление. Однако следует осознавать, во-первых, всю необходимость реформ, а во-вторых, наметить четкую стратегию этих реформ. Сегодня проблемы обороны отходят на второй план; безопасность — это не армия; безопасность — это разведка и полиция; и это, наконец, активная позиция граждан, готовых противостоять покушающимся на общественное спокойствие.

*Ближневосточная демократия и новые миссионеры**

Адам Гарфинкл,
главный редактор журнала «National Interest»

Развернувшиеся в Соединенных Штатах дебаты по поводу судьбы Ирака после Саддама Хусейна столкнули между собой сторонников демократии (большинство из которых придерживается «неоконсервативных» взглядов) и прагматиков (в основном «реалистов» по убеждению). Многие представители последнего лагеря, подобно Генри Киссинджеру, поддерживают свержение саддамовского режима, но осуждают затянувшуюся и масштабную оккупацию союзническими силами арабской столицы, а также попытки навязать демократию людям, которые ее не знают или не хотят знать. По их мнению, американское давление, подталкивающее авторитарные режимы арабских стран если и не к подлинной демократии, то хотя бы к более передовым формам правления, следует считать вполне обоснованным. Однако осуществляться оно должно благоразумно, поскольку перебор и торопливость могут привести к негативной для США реакции.

В частности, обосновывая распространение терроризма среди тех слоев, которым не удалось укорениться в быстро меняющемся социуме, специалисты ссылаются на историю модернизации Запада и наши знания о современном исламе. Биографии современных исламских террористов свидетельствуют, что в основном это хорошо образованные и европеизированные молодые люди, оказавшиеся на периферии традиционных обществ. Начните в подобных обществах стремительно насаждать такие идеи, как либеральная демократия и глобальный рынок, и в результате, вне всякого сомнения, получите нарастание хаоса и дальнейшее распространение терроризма.

«Реалисты» выступают за усовершенствование иракской политической системы, даже если конечный результат будет далек от демократического идеала; по их мнению, чем более широкое распространение получит подобная практика – тем лучше. Они также признают, что присутствие в Ираке международных сил, возглавляемых США, может оказаться необходимым в течение многих месяцев; приверженцы этого взгляда далеки от того, чтобы сначала устраивать инспекции и бомбардировки, а затем переложить бремя строительства нового государства на чужие плечи. Вместе с тем «реалисты» стараются минимизировать американское вмешательство в регионе, поскольку Соединенные Штаты и без того перегружены наследием европейского колониализма и многовекового конфликта между христианами и мусульманами.

** Статья была опубликована в британском журнале «Prospect» в апреле 2003 года.*

Сторонники демократизации, напротив, полагают, что США следует продвигать и даже навязывать либеральную демократию своим противникам на Ближнем Востоке, а также, как думают некоторые, авторитарным «друзьям» Америки. Такой курс необходим, ибо позволяет уничтожить сами источники фрустрации и возмущения, с которых берет начало массовый терроризм. (Одного только искоренения бедности, по их мнению, явно недостаточно, так как она постоянно воспроизводится экономической логикой автократии.)

Далее, последователи подобных взглядов уверены, что такая политика США опирается на убедительные исторические прецеденты — оккупацию Японии и Германии после второй мировой войны. Основываясь на этих примерах, они полагают, что демократизация Ирака перекинется и на другие арабские государства, а также на Иран. Сторонники демократизации верят, что продвижение демократии с 1776 года является главной американской миссией, приобретающей все большую важность с возрастанием могущества США.

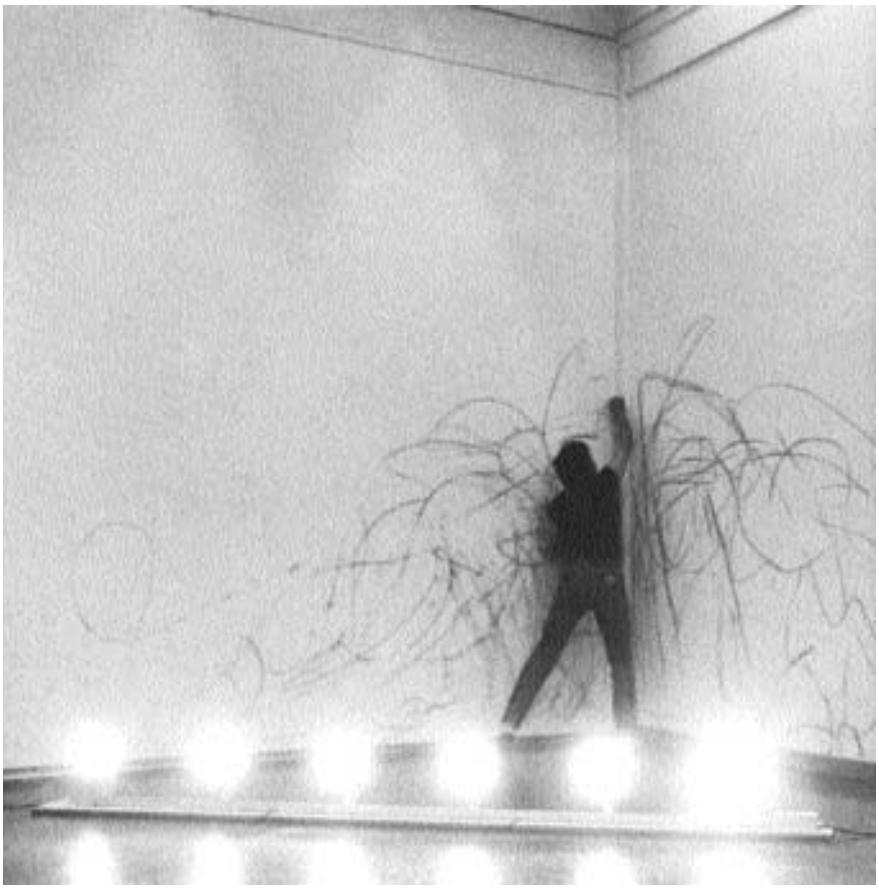
Эти устремления не отличаются новизной. Первые инициативы по широкому сотрудничеству с арабским миром исходили вовсе не от американского правительства, а от христианских миссионеров. Они ставили перед собой благородные цели, и некоторые их достижения — например, американские университеты в Каире и Бейруте, — сохраняются и поныне. Но при этом миссионеры почти никого не обратили, а люди, на которых была нацелена их проповедь, отвергали основную предпосылку их духовного рвения — убеждение в том, что ислам является ложной религией и что порожденная им цивилизация в сравнении с христианским Западом — несовершенна.

Современные приверженцы демократизации идут по стопам миссионеров прошлого. В самом деле, сходство налицо, за исключением двух вещей. Во-первых, Евангелие теперь превратилось в «социальное евангелие», в глубоко секуляризованную версию либерального кредо, в благую весть о распространении американского успеха на весь мир. Во-вторых, в XIX веке гнев оскорбленных мусульман не мог пересечь океан, а теперь это стало возможным.

Какую позицию в данных дебатах занимает администрация Буша? Казалось, в своей речи в Вест-Пойнте 1 июля 2002 года президент поддержал сторонников демократизации. Однако позже государственный департамент начал высказываться более осторожно. В своих замечаниях от 26 февраля нынешнего года президент пообещал, что войска США покинут Ирак, как только это станет возможно, что, пожалуй, нельзя считать намерением человека, который собирается реформировать до основания всю политическую культуру.

Если администрация продолжит настаивать на всеобъемлющей и стремительной демократизации, это, скорее всего, приведет к наихудшему из возможных результатов: к провалу такой политики и дискредитации всех последующих попыток подобного рода.

Демократический подход к борьбе с терроризмом порождает множество проблем, но наиболее серьезная обусловлена сложностями его практической реализации. Мусульманские, особенно арабские, культуры не настолько податливы, чтобы в течение одного или двух поколений мы смогли превратить их в либеральные демократии. В мусульманском мире существует лишь несколько подлинных демократий (наиболее зрелая из которых турецкая), в арабском мире — ни одной. И это далеко не случайно. Арабским обществам в той или иной степени не хватает трех необходимых для демократии элементов: веры в то, что источник политической власти содержится внутри самого общества;



Руди Шилль. Путь чужого. 1980/81

понятия о правлении большинства; допущения равенства всех граждан перед законом. Если отсутствует первый из указанных элементов, то идея плюрализма (и, следовательно, легитимности «лояльной оппозиции») теряет всякую состоятельность. Без второй составляющей невозможно использовать выборы в качестве средства для формирования правительства. Наконец, без третьего государство не может быть ни свободным, ни либеральным в западном понимании этих терминов.

Есть два принципиальных подхода к политической власти: в ней можно видеть явление, обладающее внутренней природой («власть народа, для народа и от имени народа»), или же искать ее истоки в чем-то высшем — в Боге или ином верховном начале, лежащем за пределами общества. Сложившаяся в XVII веке концепция общественного договора воплощает в себе первое понимание, но исламская цивилизация никогда не признавала какую-либо общественную природу власти. Ислам — религия божественного откровения, и мусульманская политическая культура более тринадцати веков полностью соответствовала этому принципу. Поскольку, будучи божественной по своей сути, власть не может быть оспорена, политический плюрализм лишается всякого смысла. Терпимость к другим социальным или политическим убеждениям в подобном контексте приравнивается к ереси, толерантность же по отношению к иным религиозным верованиям расценивается не как

признание спорности истины, а как проявление великодушия со стороны мусульман.

Концепция политического руководства проистекает именно из этих предпосылок. Лидер провозглашает и утверждает закон Божий, а так как существует лишь один Господь и один закон, то, следовательно, возможна лишь одна политическая структура и единственный лидер. Подотчетность здесь не демократическая в западном процедурном понимании, а органическая; это подотчетность религиозному сообществу. Даже в нынешнюю секулярную эпоху арабское правительство, будь оно ваххабитским, как в Саудовской Аравии, или социалистическим, как в Ливийской Джамахирии, легитимно только в том случае, если его политика соответствует априорной истине. Оппозиция, которая отрицает эту априорную истину, по определению не может быть лояльной. Типичный араб ориентирован на идеал общественного единоверия, который резко контрастирует с западным акцентом на наличие конкурирующих, но взаимно терпимых политических фракций. Западной политике присущ контролируемый конфликт, в то время как арабы склонны считать, что любые конфликты разрушительны для общества, выводя отсюда диктат большинства.

Иные культуры вовсе не обязательно подвергать вестернизации, чтобы они стали демократическими… В арабском сознании или морали нет ничего «неправильного», а внутри ислама, безусловно, существуют теологические и культурные предпосылки для демократии

Но если истина скрыта внутри самого общества, а людям свойственно ошибаться, то политическая жизнь будет состоять из сплошных проб и ошибок. Если руководитель не способен апеллировать к авторитету несомненной априорной истины, следовательно, выбор пути становится уделом масс. Уроженцы Запада воспринимают это как должное, но большинство арабов — нет.

На протяжении тысячелетия основная часть населения Ближнего Востока жила в небольших деревнях, устроенных в соответствии с клановыми или племенными принципами. Они жили в мире, таящем множество опасностей, и потому уделяли исключительное внимание предотвращению конфликтов внутри своего социума. Всякое управление здесь неизменно предполагало поиск консенсуса. Власть, обычно централизованная и наследственная, вела открытые переговоры с наиболее влиятельной частью мужского населения, представляющей основные ветви клана; в ходе этого процесса обсуждались насущные проблемы, достигались компромиссы и взаимопонимание, а в ответ каждый клялся в личной верности вождю. Эта методология была усвоена и обожествлена исламом; в соответствии с ней лидер занимал свой пост благодаря консенсусу среди старейшин (*ijma*) и оставался у власти с согласия общества (*umma*).

Рассмотрим теперь с учетом сказанного идею о том, что набравший на выборах 54 процента голосов должен получить 100 процентов власти, в то время как обладатель оставшихся 46 процентов не получает ничего. Сторонникам консенсуса такое положение кажется не только нелогичным, но и опасным — это пролог гражданской смуты. Поэтому когда Хафез Асад получал на выборах

98,5 процента голосов (что нам казалось противоестественным) это ничуть не удивляло типичного сирийца. В историческом смысле заслуживает внимания и тот факт, что консенсуальные формы принятия решений всегда были более распространенными, нежели демократические. Кроме того, принятие решений путем консенсуса отнюдь не равнозначно тирании или деспотизму. Традиционно арабские и мусульманские системы правления были патриархальными и авторитарными, но вместе с тем они основывались на законе, до определенной степени предполагали участие народа и рассматривались в качестве вполне легитимных большинством подданных.

И, наконец, проблема равенства перед законом. Идея юридического равноправия всех граждан противоречит практически всем традиционным установлениям ислама. В исламском мире мужчины «более равноправны» по сравнению с женщинами, так же, как образованные — по сравнению с неграмотными, знатные — по сравнению с простолюдинами, благочестивые — по сравнению с безбожниками, пожилые — по сравнению с молодыми. Большинству арабов кажется абсурдным представление, что голос двадцатидвухлетней неграмотной крестьянки может приравниваться к голосу семидесятилетнего старика. Презумпцию естественной иерархии в обществе нельзя считать ни устаревшей, ни смехотворной; в конце концов, она не так уж давно действовала и на Западе.

Итак, «арабская демократия» — бесспорный оксиморон? Разумеется, нет. Времена меняются. Иные культуры вовсе не обязательно подвергать вестернизации, чтобы они стали демократическими; ссылаться на превосходство, обеспеченное людям Запада Реформацией и Ренессансом, а потом сетовать на культурную безнадежность всех остальных — это историцистская безвкусица. В арабском сознании или морали нет ничего «неправильного», а внутри ислама, безусловно, существуют теологические и культурные предпосылки для демократии — и решись кто-либо воспользоваться ими, они окажутся отнюдь не мелкими или туманными. Некоторые даже идут на это: таковы истинные арабские демократы, кому необходима наша поддержка. Конечно, учитывая явную опасность для Запада нынешнего *status quo*, сложившегося в арабском мире, мы просто не можем сидеть, сложа руки. Проблема, однако, в том, что в силу разнообразных исторических причин там слишком мало демократов, а для восприятия внешней помощи требуется *неподдельная заинтересованность* в ней со стороны местного населения. Навязать демократию арабам прежде, чем они захотят и будут к ней готовы, означает усугубить их страх перед неудачей и усилить противостояние Западу — что нам, напротив, всеми силами необходимо минимизировать. Патологии арабского мира — одна из ключевых проблем нашего времени. Здесь не существует быстрых решений, и, в конечном счете, инициатива должна исходить от самих арабов. Запад может помочь в этом деле; но он не в состоянии принудить к нему.

Перевела с английского
Дарья Захарова

О глобализации

Андрей Цуканов,
координатор web-сайта Московской школы политических исследований

Людмила Вязмитинова,
литературный критик

Дать четкое определение духа эпохи, видимо, невозможно: только по мере нашей работы по воплощению этого духа на волне интуитивных ощущений массы людей проявляется то, что поддается сколько-нибудь отчетливой вербализации, находя для своего обозначения слово, понятное *вообще*, а не конкретно. Именно таким словом и является сегодня термин «глобализация», *обозначающий* структуру нашего сегодняшнего бытия, неясную для нас, и, тем не менее, определяющую смысл и направление переструктуризации идеологических систем, личные устремления людей, стиль их мышления, способы оценки возникающих ситуаций, характер религиозного сознания и так далее. А сопровождающие все это кризисы — политические, экономические, социальные, идеологические, — неизбежные в период эпохального сдвига, вызванного сменой духа времени, обусловлены инерцией не только экономических и политических институтов, но и человеческого сознания — вплоть до самых глубинных подсознательных его уровней.

В ходе мучительных и напряженных поисков выхода из этих кризисов и появляются реальные способы построения того институционального, «вещественного» мира, который воплощает в себе дух времени. При этом основная драма разыгрывается не вокруг нас, а в нашем сознании, доминирующим образом сказываясь на всем остальном — в силу наложения на «старые», унаследованные от прежних эпох комплексы «новых», привнесенных наступившей эпохой. Схема эта, естественно, очень условна, поскольку на самом деле речь идет об извечных комплексах, в разные эпохи обретающих разные контуры и «подпитывающихся» из разных источников. Таким образом, в контексте данной статьи корректнее говорить о главенствующем комплексе эпохи глобализации, а именно — о комплексе «национализма».

Само по себе национальное самосознание естественно для человека, поскольку каждый из нас осознает свою принадлежность к определенному народу, нации, ощущает себя носителем родного языка. О комплексе же «национализма» приходится говорить, когда это осознание приобретает искаженные, гипертрофированные формы. Так, в ходе второй мировой войны решалась проблема не национального, а «нацистского» сознания, победило же как раз «национальное», результатом чего явилось создание ООН на основе принципа безусловного суверенитета и равноправия наций, распад колониальной системы и образование десятков новых национальных государств, некоторые из которых сегодня создают мировому сообществу немалые проблемы.

В ***до***глобализационную эпоху национализм утвердился в виде своего рода золотой середины, позволявшей сочетать интересы нации (политические, экономические, культурные) и интересы личности (права человека). Мировая система, основанная на сосуществовании множества суверенных наций, была достаточно равновесной, пока это равновесие поддерживалось за счет противостояния двух сверхдержав, притом, что характер этого противостояния был отнюдь не националистическим, а социально-политическим и гуманитарным. Исход же противостояния привел к нарушению равновесия мировой системы, а наступившая вслед за этим эпоха глобализации поставила вопрос о состоятельности национализма и национального сознания в качестве структурной основы мировой системы.

Прежде жесткий, или почти абсолютный, национальный суверенитет начал «размягчаться», особенно после так называемого Монтеррейского консенсуса, под эгидой ООН в марте 2002 года провозгласившего право международного сообщества вмешиваться во «внутренние дела» стран-банкротов и стран-изгоев. При этом необходимо

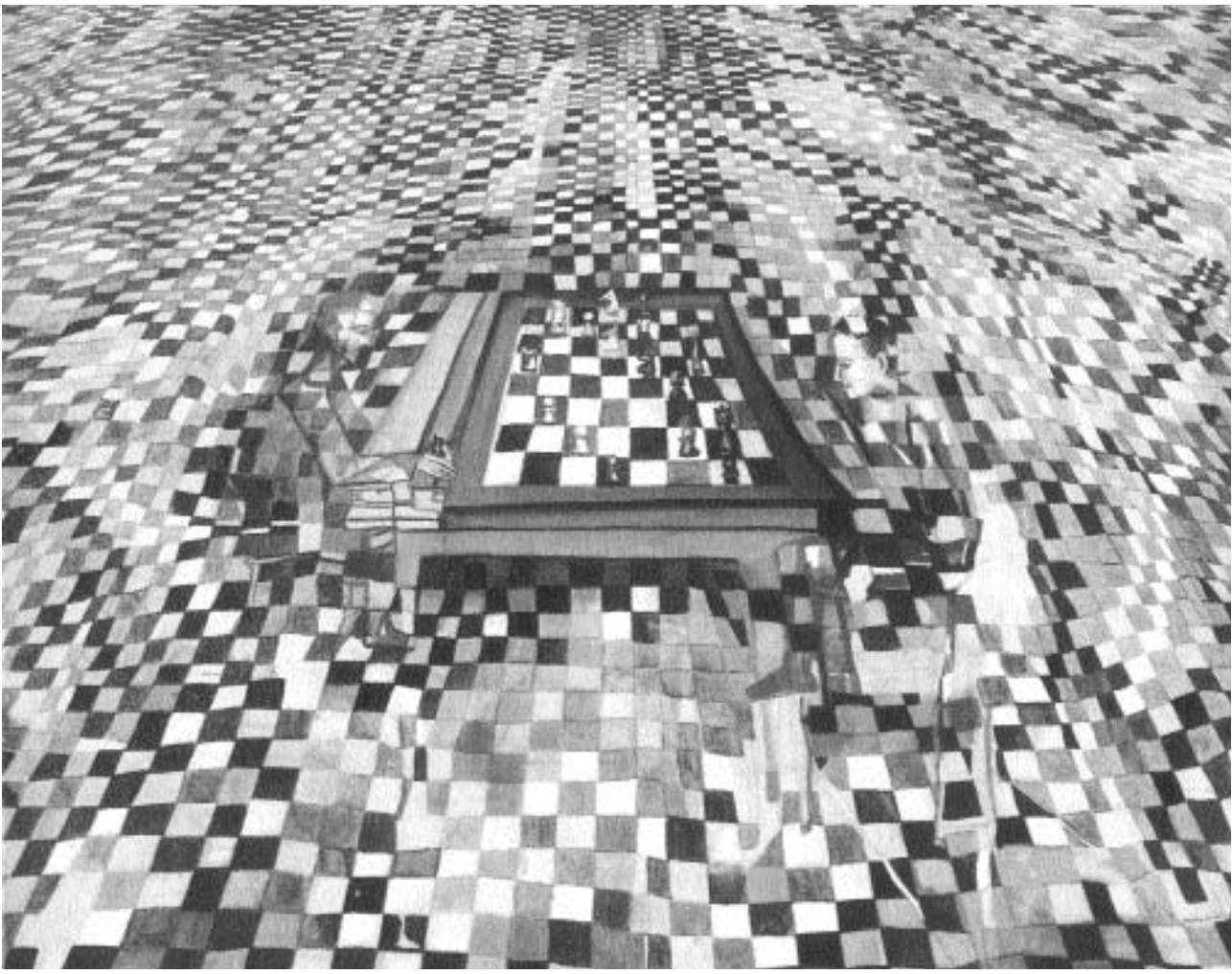
отметить, что жители бедных регионов Земли, особенно стран — безнадежных должников, в отношении которых заявляют свои права мощные кредитующие страны, все еще возлагают надежду на национализм как систему, способную обеспечить их процветание внутри *отдельного* национального государства. Кроме того, в мире существует достаточно большое количество стран, правительства которых откровенно используют идею и гарантии национального суверенитета для элементарного грабежа своих подданных, установления бесчеловечных режимов и претворения в жизнь различного рода изуверских идеологий, зачастую прямо или косвенно поддерживая различные международные террористические группировки. Но как бы то ни было, национальный суверенитет перестает быть *idee fixe*, а в качестве актуальной задачи эпоха глобализации выдвигает интегрирование всех наций в единое мировое сообщество — с целью постепенного выравнивания их «качества» жизни.

Реальность сегодняшнего дня такова, что экономика и культура практически каждой страны так или иначе включены в глобальную экономику и глобальную культуру, в силу чего меняются характер и формы сосуществования государств и международного сотрудничества. Национальные государства и их правительства все чаще начинают выступать в роли посредников в делах крупных корпораций, участвуя в рыночной войне. То есть налицо явная тенденция превращения их из правящих в управляющие, менеджерские структуры. Но совершенно очевидно, что, несмотря на идущую переструктуризацию мира, система национальных государств сохраняется, и судьба этой системы пока непредсказуема. Однако при этом все большее значение приобретает «место», в котором человек живет, а, точнее, отношение этого места к остальному, глобальному миру, которое породило термин «глокализация» (*glocalization*), соединивший в себе слова «глобальный» и «локальный». Речь идет о том, что в пределах даже одной страны разница в социальной сфере, политике и соблюдении прав человека может достигать огромной величины. За примерами далеко ходить не надо: Россия является именно такой страной.

Жители «глобализованных» регионов и мегаполисов, положение которых зависит уже не столько от национальной экономики, сколько от сложных нюансов мировой, относятся к так называемой национальной идее гораздо индифферентнее. Для них на первое место выдвигается проблема личностной, индивидуальной самоидентификации, что никоим образом не исключает, конечно, национальную или этническую идентификацию. При этом национальная идея нередко приобретает характер культурной ностальгии, рожденной в условиях мегаполисного поликультурья. В таком редуцированном виде она вполне уживается с идеей глобализации.

Таким образом, мегаполисное поликультурье и провинциальная культурно-этническая однородность представляют собой сегодня два полюса национального сознания, и в ходе их постепенного сближения (как бы противоречиво это ни звучало) появляется, повидимому, возможность кристаллизации новой формы «золотой середины». И очень важно попытаться понять, во что естественным образом может трансформироваться национализм в эпоху глобализации, учитывая опасность его перерождения в крайние формы экстремизма. Что происходит в том числе и ввиду именно *непроясненности* возможности существования национализма в его позитивно-срединном варианте.

На сегодняшний день существует, пожалуй, единственная целостная концепция взаимодействия наций, цивилизаций и политических систем в современном мире, изложенная в книге Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций», вышедшей в середине 90-х годов прошлого столетия. Согласно этой концепции, на границах человеческих цивилизаций всегда происходят неизбежные столкновения, приводящие в конечном итоге к распаду существующего мирового порядка и установлению нового. В наши дни этот распад фактически уже произошел, и Хантингтон очень точно обозначил сложившийся «геополитический расклад», определяющийся прежде всего конфликтом между Севером и Югом. По существу, появление книги Хантингтона — это призыв к Западу очнуться от золотого сна, в который он погрузился после победы в «холодной войне», и обратить, наконец, внимание на вызовы



Мария Елена Виера да Сильва. Партия. 1943

глобализации, и справедливость этого призыва подтвердили события 11 сентября 2001 года. Благодаря чему эта книга, несомненно, займет подобающее ей место в истории современной геополитической мысли. Однако всмотримся в концепцию Хантингтона.

Приводя многочисленные и противоречивые точки зрения разных философов на то, каким образом *можно было бы* определить в качестве базового термин «цивилизация» и сходные с ним понятия, Хантингтон пишет: «Цивилизации — это самое большое “мы”, где человек чувствует себя в культурном отношении дома, и одновременно то, что отделяет нас от всех “них” — тех, что вовне».

Казалось бы, это определение, не должно вызывать особых возражений. Действительно, в каждой из цивилизаций есть нечто, разделяющее «тех, что внутри» и «тех, что вовне». Однако сегодняшний мир таков, что идентификация по принципу «свой/чужой» приобретает нередко в том числе и *индивидуальный* характер, несущий отпечаток личного выбора. Например, европеец по рождению может принять ислам или стать приверженцем буддизма, а человек, родившийся в Афганистане или Кувейте, прийти к выводу, что ближе всего ему по духу западная культура. Но при этом было бы опрометчиво полагать, что европеец автоматически станет представителем «исламской цивилизации», а пуштун или араб — европейской. Скорее всего, в «культурном отношении» они начнут воспринимать себя представителями

или гражданами мира. А что касается «чувства дома», то это вопрос и психологического комфорта, и обстоятельств жизни отдельного человека. Поскольку совершенно очевидно, что привычное разделение мирового сообщества на некие несмешиваемые культурно-этнические конгломераты, называемые «цивилизациями», в эпоху глобализации теряет прежнее значение, а на первое место выходит персональная культурно-цивилизационная идентификация.

Кроме того, заявленный Хантингтоном метод геополитического анализа явно создает почву для некорректного его использования. В данном случае имеется в виду основополагающий для этой концепции тезис о «несовместимости» цивилизаций — на любых уровнях организации и существования, что ведет к отрицанию самой возможности нахождения между ними общего языка, равно как и каких-либо форм положительного взаимодействия. Позволяя, тем самым, авторам всякого рода сепаратистских, фундаменталистских или почвеннических концепций использовать доктрину Хантингтона для пропаганды «особого пути», «битвы с Севером и Западом» и так далее. Читая соответствующие статьи, например, в Интернете, легко заметить, что многие идеологи-фундаменталисты как исламского, так и православно-почвеннического толка, хотя и критикуют Хантингтона как представителя ненавистного им Запада, отзываются о нем, тем не менее, с некоторой даже благодарностью.

Фактически, концепция Хантингтона демонстрирует явное смешение научно-объективного подхода с субъективной оценкой ситуации. И как следствие этого — отсутствие у автора убедительного критерия относительно разделения современных цивилизаций, о которых он пишет. Поскольку в качестве такового у него выступает фактически только религиозно-конфессиональный признак: протестантизм (западная цивилизация), католичество (латиноамериканская), православие (русская), ислам, индуизм, конфуцианство, синтоизм и, наконец, язычество (африканская цивилизация). Но в настоящее время этот признак едва ли может быть использован в качестве надежного критерия. Проблема сосуществования «цивилизаций» и входящих в них наций не сводится сегодня исключительно к проблеме сосуществования религий, в эпоху глобализации она обрела новую остроту и сложность.

Впрочем, нельзя не отдать должное Хантингтону: его концепция бьет в самый болезненный нерв сегодняшней ситуации. А именно — в столкновение исламского Юга и христианского Севера. Однако необходимо заметить, что это столкновение как раз и провоцирует активный поиск сближения различных групп населения внутри исламского мира с Западом и Севером. А сами темпы этого сближения и отсутствие при этом *антагонистических* противоречий свидетельствуют, что оно является естественным процессом. Кроме того, встающие при этом проблемы и существующие комплексы связаны, в том числе, и с последствиями проводившейся в свое время колониальной политики.

В эпоху глобализации «глобализуются» все явления, присущие человеческому социуму, в том числе и отрицательные. Ставший международным, терроризм раскинул свою сеть по всему миру (совершенно независимо от так называемых «цивилизационных разломов») и рекрутирует в свои ряды отнюдь не только исламских экстремистов. Иным словами, глобализация — не панацея, избавляющая человечество от его бед, а новая структура планетарного бытия, с одной стороны, разрешающая часть прежних проблем, но с другой, создающая массу новых, подчас более сложных и болезненных, чем прежние. И главное достоинство книги Хантингтона состоит в том, что уже в начале эпохи глобализации она предупредила: мы еще слишком разные, и нам предстоит пройти через череду тяжелых кризисов, обусловленных накопленными историческими комплексами. Но сами эти комплексы вряд ли можно квалифицировать как некие «разломы между цивилизациями», имеющие статус непреодолимых в исторической перспективе. Любые «разломы» существуют не столько на границах так называемых «цивилизаций», сколько в сознании индивидуумов, населяющих Землю. И сущностная особенность эпохи глобализации заключается в брошенном современному человечеству вызове: осуществимо ли преодоление этих «межцивилизационных разломов» в сознании если не всех, то хотя бы достаточного большинства жителей планеты.

Судебно-правовая реформа

Тамара Морщакова, заместитель Председателя Конституционного Суда РФ (1995–2002)

Зачем России нужна судебно-правовая реформа? Суд, правосудие, право существуют для того, чтобы защищать человека от произвола властей. Все демократические способы организации власти в обществе должны быть нацелены именно на это.

Сегодня нередко говорят как о достижении, что у нас реализуется принцип разделения властей. Между тем — это принцип любой современной конституции, нечто непреложное в организации государственной власти, считающей своим приоритетом защиту каждого человека. И помогающий властным структурам равномерно распределять свои полномочия, а также выстраивать взаимоотношения друг с другом. Следовательно, данный принцип предполагает одну единственную цель: не допустить узурпации власти ни на каком уровне, будь то власть законодательная, исполнительная, судебная. Поскольку сама по себе демократия отнюдь не панацея. Деспотия большинства, писал когда-то Алексис де Токвиль, ничуть не лучше деспотии одного человека. Необходим механизм защиты в том числе и от власти большинства.

И в связи с этим хочу обратить внимание на еще одно положение, которое, как и принцип разделения властей, закреплено в нашей Конституции: государство обязуется уважать достоинство личности. Это означает, в частности, что никто не может обращаться с человеком как с объектом.

Разумеется, все сказанное об отношении к человеку возможно лишь в правовом государстве. Поэтому определим это понятие. Прежде всего, оно означает, что государство само подчиняется праву. Во-вторых, в правовом государстве содержание законов должно согласовываться с приоритетной ценностью прав человека. И, в-третьих, при любой форме государства нельзя обойтись без арбитра, в роли которого выступает суд. Вот те «три кита», на которых держится правовое государство.

А теперь вернемся к справедливому правосудию? Ясно, что его нельзя свести лишь к формальному разрешению какого-либо дела. Главное в нем — справедливая процедура, которая каждому, кто обращается в суд, гарантирует, такую возможность. Такова общая посылка, с которой нужно сверять конкретные шаги правовой реформы в России. Учитывая, что в недавнем прошлом наши суды были таковы, что не могли обеспечить справедливое правосудие и быть достаточным противовесом государственной власти. Поскольку ни один

акт органов управления не мог быть обжалован в суде. Вовсю действовало телефонное право. А выездные заседания суда, практика которых сложилась в 1937-м году, назначались согласно спущенному сверху плану: 25 процентов таких дел ежемесячно.

Конституция устанавливает иерархию юридических актов. То есть вне зависимости от того, о каком суде идет речь: региональном, мировом или уставном, для любого из них на первом месте стоит Конституция, на втором – федеральный закон

Поэтому задача нашей правовой реформы состояла и состоит в необходимости сформировать судебную процедуру, где каждый на равных основаниях со всеми другими участниками процесса мог бы защищать свои интересы и судебную власть, не зависящую от других ветвей власти. Именно на этих краеугольных камнях строилась судебная реформа в Российской Федерации, концепция которой была одобрена в 1991 году, а ее принципы были сформулированы в 1988-м, на XIX партконференции, когда партийное руководство страны осознало, что советская судебно-правовая система не соответствует мировым стандартам, критериям цивилизованного общества.

Принципы проводимой реформы отнюдь не российское ноу-хау, а плод долгого исторического развития человечества. Перечислю их: каждый имеет право на рассмотрение дела справедливым, беспристрастным и компетентным судом, созданным на основании закона, как при разрешении гражданско-правовых споров и определении прав, так и при предъявлении уголовного обвинения. При этом судебное разбирательство должно быть открытым, а каждому его участнику должна быть обеспечена возможность доступа к информации, непосредственно затрагивающей его права. (Напомню, Монтескье говорил, что право граждан на соблюдение процедур и принципов, которые провозглашаются в уголовном судопроизводстве, является наиболее важным. И добавлю от себя, распространяется на тех, кто, может быть, меньше других заслуживает общественного уважения. А именно, на тех, кто находится в тюрьмах. Ибо ничто так не характеризует состояние общества, как положение людей, находящихся в тюрьмах.) Мировые стандарты предполагают: каждому должно быть ясно, в чем он обвиняется, и каждому должна быть обеспечена возможность ознакомиться с обвинением и приводить доводы в свою защиту с помощью адвоката. Нельзя необоснованно подвергать обвиняемого мерам принуждения. Никто не вправе без судебного контроля нарушать такие права граждан, как свобода, неприкосновенность частной и личной жизни, неприкосновенность жилища, право на информацию.

Именно эти принципы были сформулированы в резолюциях XIX партконференции. И там же было выдвинуто еще одно очень важное положение о так называемых трех «не», обеспечивающих статус суда: ***не***зависимый суд, ***не***прикосновенность судей и их ***не***сменяемость.

Поясню, о чем идет речь. Тезис о неприкосновенности судей, который сейчас активно обсуждается, и его часто оспаривают с помощью следующего аргумента: судья должен отвечать перед законом так же, как и остальные граждане. Действительно, этот тезис соответствует конституционному принципу равенства граждан перед законом и судом. Но именно поэтому он означает лишь одно: привлекать судью к ответственности за противоправное деяние можно и нужно, только соблюдая соответствующую процедуру и на уровне тех правоохранительных органов, которые обеспечивают привлечение к ответственности. Это крайне важно для того, чтобы вывести судей из-под зависимости местных властных структур (прежде всего — силовых ведомств). Чтобы суд как часть системы, кото-

рая реализует от имени государства принудительное воздействие за нарушение законов, не оказывался бы в положении, при котором он вынужден одобрять деятельность других его участников.

Подчеркну, что решение вопроса о том, можно ли привлекать судью к уголовной ответственности, стало сегодня делом не только судейской корпорации, но и высшего судебного органа страны — Верховного суда. Сначала Верховный суд должен ответить на вопрос, содержатся ли в действиях судьи признаки преступления. И если он решает его утвердительно, к работе приступает квалификационная коллегия судей на уровне региона, причем эта коллегия вправе не согласиться с мнением Верховного суда. А решение ее в свою очередь может быть обжаловано в высшей квалификационной коллегии судей при Верховном суде, решение которой опять же обжалуется в Верховном суде.

Следующая позиция, обеспечивающая независимость суда, — несменяемость судейского корпуса. Вернемся вновь в недавнее прошлое, когда районного судью население избирало на определенный срок на основе прямых выборов, причем безальтернативным образом. Так как был один кандидат, которого рекомендовали партийные структуры, его кандидатура была согласована на всех уровнях, и через четыре года он должен был снова отчитываться перед теми, кто его выдвинул и обеспечил избрание на должность. Естественно, что все эти четыре года судья работал с оглядкой на тех, кто его выдвинул. Поэтому теперь судьи всех уровней назначаются, причем для них установлен возраст отставки — 65 лет.

И еще одно нововведение в ходе проводимой реформы — о руководителях судебных органов. Прежнее законодательство, принятое на основе концепции судебной реформы 1991 года, обошло молчанием вопрос о том, каким образом и на какой срок они получают свои полномочия, и в результате эти полномочия стали пожизненными. Судья несменяем, и начальник его несменяем. Каждый судья получал непосредственного начальника на всю жизнь. А ведь именно по его инициативе судье присваивается квалификационный класс. Так же как по его инициативе решались и другие вопросы, например, о материальном обеспечении суда. Теперь руководители избираются на шесть лет.

Далее. Претерпели изменения и отношения между судом и региональными властями. Известно, что каждый суд в нашей стране должен финансироваться только из федерального бюджета, никаких иных источников финансирования быть не может. Это требование было записано в Конституции, поэтому Конституционный суд решил, что средства, выделенные судебной системе из федерального бюджета, не могут быть секвестированы по решению правительства. В том числе и потому, что из федерального бюджета обеспечивается зарплата судьи. Следовать этому положению очень важно, потому что даже в таком простом случае, когда местный начальник из уважения к Фемиде дает деньги на ремонт здания суда, судья уже не чувствует себя независимым. Сошлюсь в этой связи на пример с мировым судом.

Было провозглашено, что он содержится за счет федерального бюджета. И поскольку мировой суд является судом субъекта Федерации, а не федеральным, содержание его помещений — забота местной власти. В Москве, как известно, помещения суда замечательные. Но известно и то, что Мосгорсуд часто называют «мосгорштампом» в руках московских властей. Мэр делает хорошее дело, помогая судьям материально, но тем самым они попадают и в определенную зависимость.

Так что же представляют собой сегодня судебные институты, на чью модернизацию были направлены те усилия, о которых говорилось выше?

Закон о судебной системе Российской Федерации, принятый в 1995 году после длительных политических баталий, оспаривался многими региональными лидерами. С их точки зрения, руководимые ими государственные образования не вполне отвечают принципу разделения властей, поскольку обладают только законодательной и исполнительной властью, но не судебной. По этому поводу я могу сказать следующее:

Херберт Лист. Путь солнца. 1937

разделение властей вовсе не предполагает наличия всех их трех ветвей на одном уровне власти. Если на территории Федерации в целом снизу доверху действуют федеральные суды, значит присутствие судебной власти в качестве противовеса региональным властям — законодательной и исполнительной — обеспечено и оправдано. Когда мировой и уставной суды сделали судами субъектов Федерации, данная акция рассматривалась местными властями, скорее, как «успокоительная таблетка». На самом же деле Конституция устанавливает иерархию юридических актов. То есть вне за-

висимости от того, о каком суде идет речь: региональном, мировом или уставном, для любого из них на первом месте стоит Конституция, на втором — федеральный закон. Поэтому, когда обнаруживаются противоречия между законами разного уровня, имеющими разную юридическую силу, при разрешении конкретного дела предпочтение должно отдаваться, конечно же, закону более высокого уровня. В случае же сомнения в том, что точнее соответствует Конституции — федеральный закон или региональный, вопрос должен решаться Конституционным судом. И мне лично обидно, когда, с одной стороны, федеральная власть, а с другой — региональная плохо относятся к уставным судам. Когда федеральная власть считает, что эти суды будут множить нарушения на местах, подтверждая правильность доморощенных законов. А региональная власть боится контролера в собственном доме. Хотя в действительности это не только контролер, но и защитник ее законодательных полномочий.

В этой связи стоит особо сказать об обязательности решений Конституционного суда. Его появление уже яркое свидетельство того, что судебная власть обрела у нас равный статус с другими властями. И добавлю: законодатель исполняет решения Конституционного суда достаточно старательно. Другое дело, что не всегда удается найти законодательное решение, в полной мере отвечающее тем принципам, которые сформулировал Конституционный суд. Как оказалось, хуже всего исполняют его решения другие суды, считающие, что подчиняются только Конституции и закону, а решения Конституционного суда для них такой силы не имеют. Это — ошибочное мнение. Конституционная норма гласит, что решения Конституционного суда имеют обязательную силу для всех, и акты, признанные им неконституционными, утрачивают силу. Думаю, что противостояние между различными судами в Российской Федерации, — симптом детской болезни, и со временем все встанет на свои места.

Вернемся к закону о судебной системе. За прошедшие годы этот закон не только регламентировал деятельность имеющихся судов, но и допустил возможность создания новых. Речь идет, в частности, о создании ювенальной юстиции и административной юстиции. Последняя необычайно важна для реализации полномочий судов как органов судебной власти. В них можно оспаривать решения и действия любой государственной власти, если она будет доказывать, что государство ничего не нарушило. Что же касается создания ювенальной юстиции, то это означает не только реформирование судов как органов государства, но и более серьезное отношение к подрастающему поколению, учитывая, что преступления, совершаемые несовершеннолетними, связаны с сегодняшними острейшими социальными проблемами. Поэтому ювенальные суды будут, кроме вопросов наказания, решать и вопросы социальной адаптации, социального контроля, будут включаться в разрешение семейных конфликтов.

И еще одна проблема, на которую следует обратить внимание в связи с судебно-правовой реформой, — исполнение судебных решений, как необходимый элемент эффективного правосудия. Очевидно, что для того, чтобы судебные решения исполнялись, необходимо совершенствовать законодательство о судебном исполнении. Между тем, практика показывает, что проблема их исполнения, очень простая для других стран, чрезвычайно сложна для России. Когда немцев, американцев или французов просят поделиться своим опытом, они удивляются: обязательность исполнения судебного решения — имманентное его свойство. У нас же не исполняются не только решения суда, но и законы. Хотя, казалось бы, закон — это то, что обязательно для всех, и тот, кто не исполняет закон или судебное решение, должен быть привлечен к ответственности. Однако я не могу вспомнить хотя бы один процесс, который наша прокуратура возбудила в связи с неисполнением судебного решения. В связи с чем напрашивается мысль, что такие ведомства, как прокуратура, тоже давно нуждаются в преобразовании. Но это — тема для отдельного разговора.

Михаил Краснов, вице-президент фонда ИНДЕМ

Реформа власти?

Свои заметки о реформе власти, я хотел бы предварить следующим замечанием. На мой взгляд, мы живем сейчас в ситуации неопределенной государственности, в неком непонятном государственном образовании под названием Российская Федерация. С одной стороны, все говорят, что наше государство появилось давно, чуть ли не одиннадцать веков назад. А с другой — мы часто вспоминаем (и зафиксировали это в законах), что Российская Федерация является правопреемником и — более того — продолжателем СССР. Хотя СССР — совсем другое государство. И есть третья точка зрения, согласно которой с 1993 года (а возможно, и с 1991) в России вообще зародилось новое государство. Такое непонимание, в каком государстве мы живем, и накладывает отпечаток на образ нашей государственности и нашего мышления. В определенном смысле нас пока даже нельзя назвать единым народом, поскольку в стране на разных территориях различные группы людей исповедуют разные базовые ценности и по-разному понимают государственность.

В таком контексте остается совершенно неясным, как проводить реформу власти и что следует понимать под сильным государством. Чаще всего в это понятие вкладываются такие элементы, как мощная армия, развитый ВПК, безукоризненное выполнение указаний вышестоящего чиновника и так далее. Я же считаю, что сильное, эффективное государство — это не столько безупречное исполнение государством своих функций, сколько здоровый национальный дух.

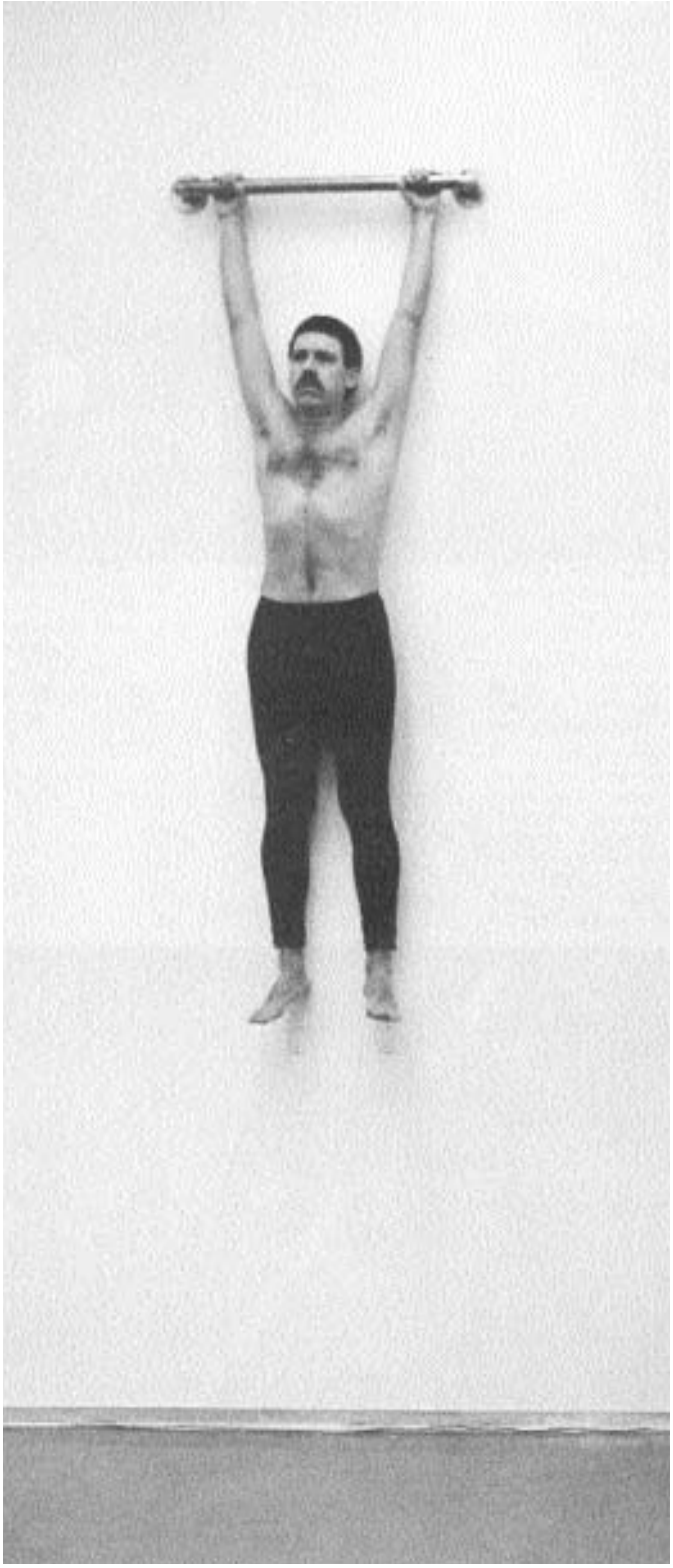
Почему Россия, вроде бы могучая империя, рухнула в 1917 году? Только ли потому, что первая мировая война измотала общество, генералы оказались тупы и бездарны, а в Петрограде не было хлеба? На самом деле к этой трагедии привел упадок национального духа. На рубеже XX столетия его ощущали все мыслящие люди России. Русский философ князь Евгений Трубецкой писал в 1904 году, что над обществом сгустилась атмосфера «ноющей бессмыслицы». И у меня ощущение, что в России сегодня та же атмосфера «ноющей бессмыслицы». А обессмысливание жизни — страшная вещь. В таком случае развитие страны может быть направлено в какую угодно сторону.

После сказанного, я думаю, очевидно, что реформа власти — это не только инженерная задача. Но именно с подобным подходом сталкиваешься обычно в заявлениях на-

ших высших должностных лиц. Об этом можно судить хотя бы по недавнему закону о системе государственной службы, а еще больше по закону, который скоро должен быть принят, — о гражданской государственной службе. Затем появятся законы о военной государственной службе, о правоохранительной службе... Конечно, необходимо ввести понятие конфликта интересов, предоставить чиновнику больше гарантий, установить конкурсный отбор, аттестацию служащих, поскольку на этом основана государственная служба во всем мире. Однако, если мы не озаботимся базовыми ценностями, то оставим чиновника, со всеми гарантиями и классными чинами, наедине с его мировоззренческими пристрастиями. Если в основе государственности не лежат четкие ориентиры, у чиновника всегда сохраняется возможность действовать по собственному усмотрению. Разумеется, в нашей Конституции зафиксированы основные приоритеты: человек как высшая ценность, его права и свободы, разделение властей, демократия, правовое государство. Но являются ли эти ценности доминирующими в нашем сознании и во всей практике государствования? Я лично не вижу подтверждений тому, что это действительно те ценности, которые разделяются обществом.

Мы редко задумываемся над понятиями, которыми пользуемся. Что мы понимаем под реформой власти? То, что должны доделать после крушения тоталитарного строя? Или же нам надо существенно, радикально изменить ту систему властвования, которая возникла на основе Конституции 1993 года? И вообще, насколько глубока и обширна должна быть реформа? То ли это, по выражению М. Касьянова, тонкая настройка аппарата, то ли нечто совсем другое. Наконец, ради чего нужна реформа? Пока внятного официального объяснения на сей счет не было. Правда, президент Путин в своем втором послании произнес ключевое слово «конкурентоспособность», имея в виду, что не только экономика, но Россия в целом должна стать конкурентоспособной. Однако как гражданина меня данный термин не вдохновляет. Стране, находящейся в стадии транзита, необходимы идеи воодушевляющие, делающие жизнь осмысленной. И я отнюдь не убежден, что слово «конкурентоспособность» может стать таким духовным стимулом, способствовать подъему национального духа.

Пока мы живем в зоне неопределенности, производить некие подвижки и называть их реформами, на мой взгляд, опасно. Это как в старом анекдоте: собираем швейную машинку, а получается пулемет. Вообще говоря, реформа власти в России началась сразу после августа 1991 года. Но началась стихийно, в должной мере не осмысленно. Ведь, в самом деле, согласно какому замыслу преобразовывались наши государственные институты? Отчасти, исходя из неких мировых стандартов демократии: разделения властей, системы сдержек и противовесов, приоритета прав человека. Это был серьезный фактор, так же, как, несомненно, и замысел экономических новаций. Многочисленные реорганизации правительства, например, имели экономическую детерминанту. Однако нужно ли ради этого реформировать власть? Я полагаю, что в первую очередь ее реформирование должно гарантировать достоинство личности, обеспечить ее свободную самореализацию. Общество же со стороны власти видит фактически прежнее к себе отношение. И в этом состоит трагедия. Общество потому и разочаровалось в понятиях «демократия», «рынок», «правовое государство», что они ассоциировались с новым устройством жизни, при котором будет уважаться гражданское достоинство человека. Однако «новая» власть не выдержала морального экзамена. Поскольку формальной сменой институтов изменить дух властвования невозможно. Стоит поэтому говорить



Руди Шилль. Я хочу с тобой танцевать. 1983

не столько о реформе власти, сколько о реформе общества. Лишь реформируя власть в направлении изменения отношения к человеку, можно реформировать само общество.

Надо признать, что усилия по реформированию власти и государства, вернее, по созданию, в том числе, и соответствующих концептуальных документов предпринимались. Был ельцинский указ 1995-го года «О подготовке концепции правовой реформы», который остался практически незамеченным. Была сделана, при моем участии, попытка подготовить и саму концепцию административной реформы, в первых вариантах которой говорилось, в том числе, и о правительстве парламентского большинства. Но и с этими наработками познакомить общество не удалось. Еще один крупный документ под названием «Реформа власти: власть для общества» был подготовлен в Центре стратегических разработок, но он тоже не был опубликован. Позже разрабатывались концепция административной реформы 1997 года и концепция реформы власти 2000 года. А своеобразным итогом этих усилий стал концептуальный документ «Общие цели реформы власти».

Впрочем, некоторые идеи, содержавшиеся во всех этих так и не увидевших свет материалах, сегодня реализуются, но я бы сказал, довольно странным образом. Например, предлагался окружной принцип,

согласно которому юрисдикция федеральных структур ФСБ, прокуратуры, суда географически должна была располагаться так, чтобы не совпадать с границами субъектов федерации. А вместо этого были созданы 7 огромных округов с иерархически выстроенным бюрократическим аппаратом. Другой пример: предлагалось преобразование Совета Федерации выборным путем, причем была рекомендована модель, которая не нарушала бы требований Конституции. А вместо этого была принята модель, условно говоря, германская, хотя у нас совершенно другие условия. В одном из названных выше документов была специальная глава, посвященная переходу от посттоталитарного общества к демократическому, где предлагались пути формирования зрелого гражданского общества, структурирования политической системы, достижения баланса между этнической принадлежностью человека и его общегражданским статусом. Но общение с сильными мира сего убедило меня, что они это воспринимают как нечто совершенно необязательное. Для них главными являются чисто технические вопросы: количество министерств, названия федеральных структур и так далее. Хотя и в концепции административной реформы 1997 года, и в концепции реформы власти 2000-го были прописаны вполне конкретные вещи, касающиеся судебной системы, государственной службы, сферы федеративных отношений. Понятно, что для власти важна в первую очередь возможность маневра, демонстрации изменений, или, как говорил А. Чубайс, возможность делать сильные ходы. Но для меня как гражданина подобное отношение власти к обществу оскорбительно.

Формирование правительства парламентского большинства необходимо, чтобы заработал политический маятник, поскольку если этот маятник не работает – работает клановая система

Согласно социологическим опросам, сегодня примерно 60 процентов нашего населения стремится к субъектности. Люди не хотят быть объектами. Это, на мой взгляд, довольно оптимистичная цифра. Но есть и другая цифра – убийственная. Подавляющее число (около 93 процентов) считают, что их мнение о том, как должно быть устроено российское государство и какими должны быть отношения власти и общества, никого (то есть власть) не интересует. И в этой связи независимо от того, как протекают реформы, даже если они идут в верном направлении, фактически безразличное к ним отношение со стороны власти, по меньшей мере, странно.

И самое, может быть, важное. Каковы те системные условия, в которых должна проводиться реформа власти? Каков дизайн политической системы, в рамках которой будет реализовываться, например, идея правительства парламентского большинства? Анализ нашей Конституции показывает, что мы выбрали модель, условно называемую французской, которую восприняли многие посттоталитарные страны Европы: Португалия, Словения, Хорватия, Болгария, Македония, Польша. По сути дела, это – смешанная, или полупрезидентская республика. Причем такая модель была выбрана вроде бы в силу исторической случайности, что подтверждают, в том числе, и стенограммы обсуждения Б. Ельциным проекта будущей Конституции с видными российскими юристами. Профессор А. Мишин, например, предлагал американскую модель президентской республики. А академик С. Алексеев заявил: «Нам нуж-

на конституция гражданского согласия». Бесспорно, французская модель может быть удобна в переходный период. Она предполагает сильного лидера и правительство в роли мальчика для битья. (Все это описано в учебниках по конституционному праву.) Но в конституциях других стран система сдержек и противовесов продумана таким образом, что вполне позволяет сформировать ответственное правительство, которое необходимо и нам, прежде всего для того, чтобы парламентские выборы стали осмысленными. Чтобы мы выбирали не будущих председателей комитетов Думы, спикеров и вице-спикеров, а курс, который будет проводить правительство.

Формирование правительства парламентского большинства необходимо, чтобы заработал политический маятник, поскольку если этот маятник не работает — работает клановая система. И какие бы антикоррупционные кампании не проводились, она будет постоянно воспроизводить коррупцию, причем в очень больших масштабах. Например, почему в Дании масштаб коррупции незначителен? Не только потому, что это уже некая традиция, и не потому, что там властвуют исключительно праведники, а потому, что сама политическая система не позволяет находиться во власти людям, на которых пала хотя бы тень коррупционного скандала. Конечно, и в Европе, и в США есть коррупционеры, но сейчас я говорю о системных условиях. За рубежом система устроена так, что власть если не уважает общество, то, во всяком случае, демонстрирует к нему внешнее уважение, так как вынуждена считаться с ним. Нашу же систему прекрасно иллюстрирует пример с вице-премьером Н. Аксёненко. Ни одна политическая сила не брала на себя ответственность за им содеянное, и потому он не собирался уходить в отставку. Система добровольной отставки не будет работать, пока не будет системы политического маятника. Так же, как не будет и нормальной оппозиции.

Следует сказать несколько слов и о том, как механизм ответственности связан с реформами муниципального уровня власти. На мой взгляд, необходимо различать здесь два ключевых понятия: «местное» и «самоуправление». Фактически на местах у нас сохранилась советская система власти, при которой над муниципальными органами есть «вышестоящие». Правда, их вроде бы освободили от излишней опеки, но при этом у них нет собственной доходной базы. Поэтому главное — в сознании людей, в том, воспринимают ли они себя жителями своей территории, и есть ли у них чувство территориальной солидарности, опираясь на которую только и можно осуществлять самоуправление. Я когда-то предлагал отчаянную идею о том, что следует завоевывать право на самоуправление. Потому что для меня местное самоуправление означает в первую очередь личную ответственность, а не просто возможность автономного существования. Не может быть местного самоуправления, если не работает механизм ответственности и отсутствует общественная солидарность.

В заключение отмечу, что «ползучая» реформа власти все-таки идет. Она началась в 1991 году, но поскольку нет четкого плана, осуществляется методом проб и ошибок. И у меня большие сомнения, например, по поводу того, даст ли реформа государственной службы ожидаемый результат. Потому что, еще раз повторю, необходимо в первую очередь изменить базовые позиции. Закрепленный сейчас в Основном законе баланс властей стал тормозом на пути нашего развития, и тому, как преобразовать сложившийся порядок вещей, на мой взгляд, должна быть посвящена наша общественная дискуссия.

Политические институты России

Алексей Салмин,
доктор исторических наук,
профессор, президент фонда
«Российский общественно-политический центр»

Что собой представляют и в каком состоянии находятся наши политические институты?

Сразу отмечу: мы явно преуспели за прошедшие годы в разрушении прежних, советских институтов. Рухнули цензура, система государственного атеизма, железный занавес, жесткое регулирование цен, идея однопартийности, идея универсальности государственной собственности, идея всеобъемлющего контроля над территорией страны из единого центра. То есть институты разрушались, а на их месте само собой возникало нечто иное. И по сравнению с тем, что ожидалось, за прошедшие 12 лет сделано не так уж мало. И, тем не менее, существующие сегодня модели перехода от тоталитаризма или авторитаризма к демократии в России, судя по всему, не подходят. Когда начинались реформы, многие западные и отечественные специалисты считали, что классическая модель транзита приемлема и для нашей страны. Но она не сработала, а если сработала, то совсем не так, как предполагалось. Поэтому в том, что произошло и что мы получили в итоге, я думаю, стоит разобраться.

Когда в конце 1980 – начале 1990-х годов было решено начать переход от тоталитаризма к демократии и рынку, их органичное, непротиворечивое единство выглядело, как реально достижимая цель. Опыт иберо-американских стран и стран Восточной Европы подтверждал, что можно создать некую работоспособную модель, перейдя к тому, что мы часто, хотя и условно, называем демократией. Действительно, в упомянутых странах такие переходы удались, хотя восточно-европейская и иберо-американская – две совершенно разные модели, имеющие мало общего с ситуацией, в которой оказалась сегодня Россия. Для них переход к демократической модели по сути был возвращением в уже известное состояние, а целью выступало некоторое улучшение этого состояния. Здесь уместно сравнение с рестораном, где обедаешь ежедневно, знаешь, что выбрать и только просишь приготовить получше, чем вчера. Во всяком случае, меню уже есть, и, попадая в определенное место, начинаешь действовать по законам этого места. Россия

же попыталась перейти, если использовать эту метафору, из рабочей столовой, которая не нравилась и надоела, реально имея лишь один выбор — базар или свежий воздух. Мы совершили переход, в общем, в никуда, считая при этом, что знаем, куда переходим. К тому же у нас не было мифа Европы, где, впрочем, нас особенно и не ждали. Мы не сумели найти в своей истории миф, который смог бы объяснить и оправдать тот выбор, который мы сделали.

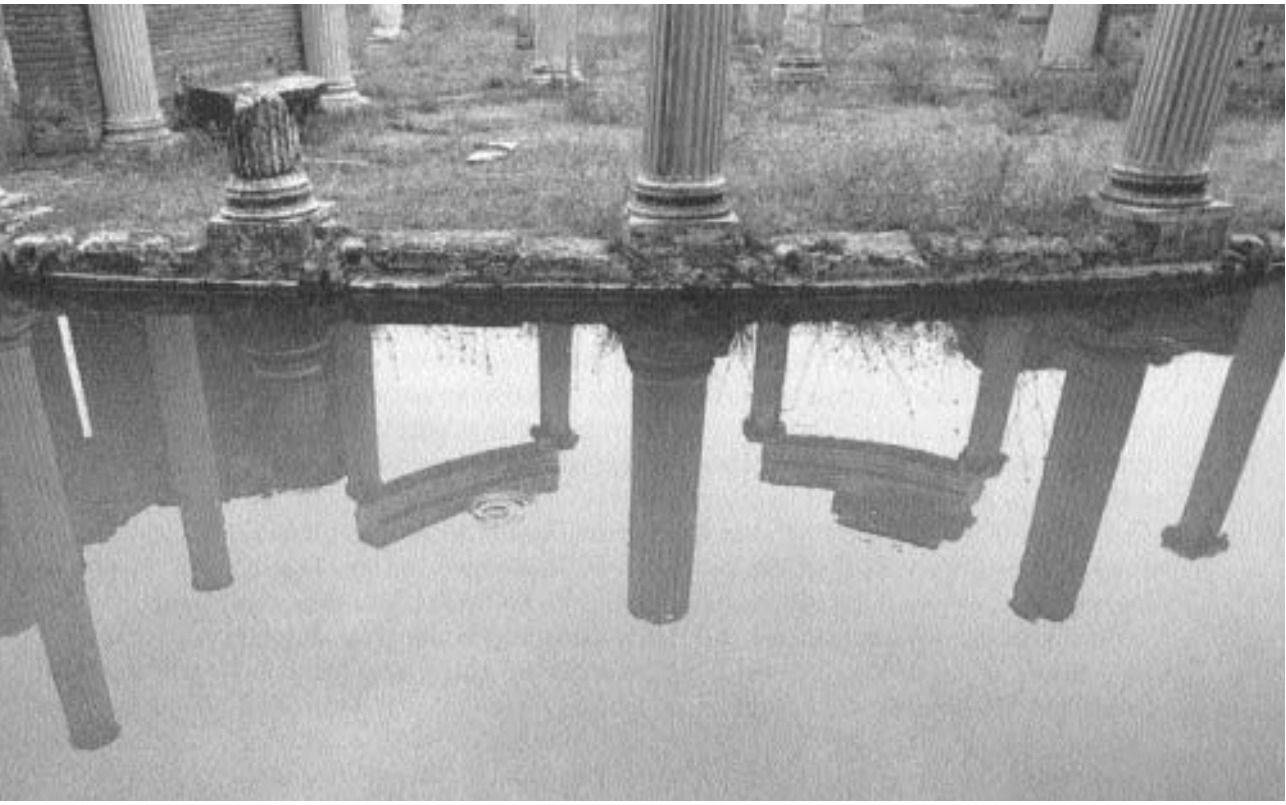
Между тем, политическая мифология необходима при всяком переходе. Мы же просто двинулись в сторону «всего хорошего». Фактически так же, как продвигались вперед при советской власти, с тем только отличием, что на сей раз переход совершался под другими лозунгами и в условиях гласности — наиболее впечатляющего завоевания периода реформ.

Что же в этой ситуации может стать институциональной опорой, якорем продолжающихся реформ, иногда подменяемых контрреформами? Между прочим, даже в период Александра III — классический период контрреформ — наряду с ними проводились и настоящие реформы, шло преобразование государства. То же и сейчас. Как бы мы ни оценивали нынешний период, переустройство государства продолжается. Но чтобы неуправляемый, не очень хорошо понимаемый политической элитой процесс не превратился в хаотический, рассчитывать как на некую опору можно, очевидно, только на два фактора. Первое — на апатию населения, как ни парадоксально. Данный фактор, безусловно, негативен в том смысле, что он замедляет развитие гражданского общества и политической системы. Но с точки зрения опасностей, которые связаны с нашим типом перехода, — в никуда, — это фактор, скорее, позитивный. Такая апатия играет роль глубокого наркоза при операции с неясным исходом. И второе внушающее надежду обстоятельство, что высвободившаяся в результате реформ энергия миллионов людей, которые действуют по своим индивидуальным жизненным проектам, в долгосрочной перспективе окажется мудрее планов реформаторов.

Поскольку — в отличие от Латинской Америки, Польши, Эстонии или Болгарии — нам не удалось вызвать призрак нашего будущего, остается заменить его некой моделью, которая, вероятно, все же поможет понять, что мы построили, где находимся и куда движемся.

В Конституции сказано, что Россия является демократическим государством. Следовательно, мы можем представить себе идеальный тип такого государства, не совпадающего ни с одной из реально существующих демократий. Но, тем не менее, он полезен в качестве критерия, учитывая, что у нас есть целый ряд институтов, сходных с институтами развитых демократических обществ: выборы на альтернативной основе; декларированное разделение властей; свободные плюралистические СМИ; свобода передвижения; свободные ассоциации граждан; участие в демократических международных организациях. Есть и некоторые элементы либеральной экономики: свободное ценообразование, свобода предпринимательства (при всех ограничениях и пороках), частная собственность, внутренняя конвертируемость рубля. Все это действительно сближает нас с современными развитыми демократическими странами.

Однако, наряду с названными институтами, существует и целый ряд институтов, явно недореформированных, которые дошли до нас в практически неизмененном, а то и ухудшенном виде. Вооруженные силы, органы внутренних дел, прокуратура, судебная система, пенитенциарная система, образование, наука. При этом живут они по собственным законам, часто беря на себя функции, им не свойственные, или, хуже того, функции, которые им противопоказаны. Причем, попытки каким-то образом эти институты подчинить единой логике, свести в определенную систему обычно ни



Театр Мариттимо виллы Адриана на Тибре. II в. н.э.

к чему не приводят. Государство остается неконсолидированным.

Кроме того, наряду с институтами, формально похожими на институты развитой демократии, и институтами недореформированными, существуют образования, которые условно можно назвать структурами перехода. Это институты, возникающие как раз на стыке демократии и рынка, политики и рынка, там, где происходит взаимодействие настоящих рыночных механизмов с механизмами бюрократического рынка. К ним относятся, во-первых, олигархи, точнее, олигархаты, то есть группы, которые вмешиваются в политику – открыто в период президентства Ельцина и более завуалировано сейчас. Во-вторых, некие кланы (не вполне совпадающие с олигархатами) – группы людей, объединенных какой-то общей принадлежностью: например, вместе учились, жили в одном месте и так далее. И, наконец, приватизированные структуры и функции власти. Для примера достаточно представить себе, как у нас используются, скажем, налоговая инспекция или министерство внутренних дел, выполняющие по тем или иным причинам чьи-то частные поручения.

Есть и еще ряд институциональных вакансий, фактически не заполненных, или заполняемых не вполне реформированными структурами. Во-первых, сфера неправительственных организаций, которых сегодня уже несколько сотен тысяч. При этом среди них очень мало эффективных. Наиболее эффективными оказываются либо организации типа Московской школы политических исследований, когда возглавляющий ее человек точно знает, чего хочет и на протяжении лет не отступает от своей цели, либо организации, созданные не для общественного блага, а для выполнения функций, связанных с утолением, строго говоря, эго-

истического инстинкта. В этом нет ничего плохого, подобные организации должны существовать и существуют везде. Плохо, когда они играют непропорционально большую роль и меняют свои функции, например, криминализируясь. Я имею в виду такие организации, как ветеранские, инвалидные, «Солдатские матери», — все они представляют собой организации не коллективного альтруизма, но коллективного эгоизма. Вторая вакансия — институциональная. Естественно, что там, где нет развитого гражданского общества, пространство заполняется чем-то другим.

Что касается партийной системы, то здесь тоже имеются серьезные проблемы. Если мы считаем наше общество демократическим, должна быть и эффективная плюралистическая партийная система. Но пока есть лишь система более или менее работающих фракций, и это хорошо уже потому, что их наличие помогает осуществлять определенный парламентский процесс. Однако партий в обычном понимании, кроме коммунистической, в России по-прежнему нет; до сих пор все попытки создать партийные системы или хотя бы отдельные крупные партии кончались неудачей. Конечно, наша избирательная система не способствует формированию политических партий, но главное все-таки в другом. Назову факторы, которые, на мой взгляд, тормозят развитие полноценной партийной системы. *Первое.* Люди, которые хотели бы заниматься чем-то приносящим доход и удовлетворение, особенно молодые, продолжают идти в бизнес и в администрацию; партии для них гораздо менее привлекательны. *Второе.* Люди, желающие лоббировать свои интересы, не видя для этого пригодных общественных структур, которые могли бы таким образом развиваться в партии, обращаются непосредственно к тем, кто принимает решения в органах исполнительной власти или в парламенте. *Третье.* На рубеже XX и XXI веков вообще трудно где бы то ни было создать современную партию, не только в России. Это явление предшествующей эпохи, для которой была характерна большая разница потенциалов между образованной частью общества и необразованной. Ведь партия — механизм вертикальной интеграции, где есть обучающие и обучаемые, вожди и ведомые. В ситуации же всеобщей грамотности, когда существуют телевидение, Интернет и многое другое, даже газеты теряют свое значение, а уж партийные газеты тем более. Таким образом, есть институциональные и социальные причины, мешающие возникновению партий. Однако они есть и в странах Восточной Европы, но там партии, пусть не очень совершенные, создать все-таки удалось. То есть все названные причины только помогают объяснить сложности с созданием партийной системы, но не ее отсутствие.

В свое время Юрий Федорович Самарин, известный славянофил и деятель крестьянской реформы, записал в дневнике: «Какое может быть в России самоуправление, если мало кто хочет по общественной нужде по морозу 30 верст проехать?». Никакими объективными причинами это обстоятельство не объяснишь.

Итак, какая же картина сложилась к завершению первого президентства Путина? Одна задача, решение которой действительно было очень важным, выполнена: практически прекратилась фронда регионов, грозившая стране серьезными осложнениями. Но здесь очевидна и оборотная сторона. Как говорил Алексей Константинович Толстой про Ивана Грозного: такой навел порядок, хоть покати шаром. Ослабление фронды в том виде, в каком оно произошло, привело к минимизации функции Совета Федерации, а это весьма полезная с точки зрения идеальной демократии структура. Совет Федерации — инстанция, которая в определенной степени сдерживает опасные инициативы нижней палаты; кроме того, она позволяет на горизонтальном уровне решать межрегиональные проблемы, не переводя их на уровень следующей инстанции. Конечно, одна задача была решена, но лекарство не горше

ли болезни? В течение первого срока президентства Путина, думаю, понять это не удастся. Далее. Прекратилась явная борьба олигархов в политике, что, конечно, улучшает имидж России за рубежом и придает обычным гражданам России бóльшую уверенность в достоинствах политических институтов. Наконец, третье достижение этого президентства — разблокирование законодательного процесса. Законы принимаются в Государственной Думе, хотя во многом ценой утраты нижней палатой — притом, что верхняя палата ослабла, — роли генератора идей и политических поступков. Таким образом, реформа идет, но идет, во-первых, по пути наименьшего сопротивления, а во-вторых, по пути наименьшего размышления. Стратегии реформ не существует, есть лишь система краткосрочных шагов, не рассчитанных на годы и десятилетия, как того требует настоящая реформа. Одновременно наметились и негативные тенденции — деградация местного самоуправления и связанного с ним коммунального хозяйства; нарастание дисфункций связки «регион-центр»; бюрократизация законотворческого процесса. В итоге мы наблюдаем в последние годы нарастающую неэффективность конкурентной среды в политике и экономике, одышку социальной и коммунальной сфер и по-прежнему низкую привлекательность страны для зарубежных инвестиций.

Из сказанного ясно, что простые попытки провести реформы государственного аппарата, понимая институциональную реформу буквально, как реформу государственных институтов, министерств, ведомств, других структур, ни к чему не приведут. Сколько бы ни сливали и ни разделяли министерства, сколько бы контролирующих органов или федеральных округов ни создавали, сколько бы ни укрупняли регионы, вряд ли проблема неконсолидированности власти и заполнения институциональных вакансий таким образом будет решена. Я полагаю, здесь не хватает какого-то другого подхода, некоего перенастраивания фокуса, изменения угла зрения на то, что происходит. Чтобы произошла реальная консолидация, недостаточно изменить структуру институтов; необходимо привести логику и культуру власти в соответствие с новой субъектностью. Наша Конституция гласит, что субъектом в политике является народ. И этот народ — уже не мифическая категория. Есть масса людей, которые активно вовлечены в экономику и очень хорошо знают, чего хотят. Таких людей в стране большинство. Правда, пока это пассивное большинство. И, тем не менее, нужно, чтобы логика власти действительно соответствовала настроениям и уже сложившемуся потенциалу этих людей. Наконец, само политическое поле фрагментировано, разорвано. Мы получили довольно хаотичную систему институтов; возникли необходимые жизненные структуры, но они друг с другом не связаны. И здесь возникает очень сложная проблема: с чего начинать?

Таким образом… стратегии реформ не существует, есть лишь система краткосрочных шагов, не рассчитанных на годы и десятилетия, как того требует настоящая реформа

Некоторые идеи уже наметились. Например, идея создания постоянно действующего общественного органа, который разрабатывал бы долгосрочную стратегию реформ и в котором участвовали бы не только представители органов власти и партий, но и представители таких структур, как Российский союз промышленников и предпринимателей, Торговая палата и так далее. Имеется идея социально-эко-

номического совета, то есть институционализированного органа, участвующего в законодательном процессе, проводящего экспертизу всех законопроектов. Идея же создания внеконституционного органа, вроде нового президентского совета, на мой взгляд, самая неплодотворная. Вряд ли такого рода консультативный орган при президенте может быть эффективен в нынешних условиях.

В этом контексте необходимы, как мне кажется, две вещи, которые следует осознать как задачи для России на целую эпоху, а не на срок одного президентства.

Первое. России необходима новая рефлексивная, или, точнее, рефлектирующая, политическая элита. Элиты бывают двух видов — рефлектирующая и функциональная. Функциональная — это партийная, лоббирующая элита, разрабатывающая на основе определенных стратегий линию своего института, своей корпорации, то есть мыслящая в категориях интересов данного института или данной корпорации. А рефлектирующая элита мыслит, если угодно, в категориях вечности, в нашем случае в категориях национального интереса, на десятилетия вперед. Но в России всегда были проблемы и с той, и с другой. После реформы Александра II рефлектирующая элита оторвалась от функциональной, и в результате функциональная превратилась в крайне неэффективную, а рефлектирующая — в антифункциональную. Я имею в виду интеллигенцию, которая в конце концов и стала запалом уникального по мощи социально-политического взрыва. А в ельцинский период практически исчезла и сама рефлектирующая элита, растворилась в функциональных элитах. Все хотели быть советниками власти или, по крайней мере, ее советчиками. То есть мыслили в категориях власти. А поскольку власть — это государственный аппарат, то мыслили в категориях государственной бюрократии разных уровней и департаментов. Поэтому сейчас историческая задача для России — создание двуединой системы работоспособных и взаимодействующих элит: рефлектирующей и функциональной.

Второе. Институты. В результате ваучерной приватизации у нас сложилась такая система частной собственности, которая сама себя не гарантирует. И понятно почему. Если мы вспомним, что в 1917 году были отменены все законы Российской империи, в том числе и те, которые гарантировали существование института частной собственности. Все было тогда объявлено государственным, то есть фактически разворовано, а сейчас это же приватизировано. Но где то право, на основании которого собственность была приватизирована? Ясно, что если мы хотим, чтобы оно появилось, нам нужно не просто выстроить некий миф, но и воплотить его в жизнь, чтобы возвратить собственность, в том числе и прежним владельцам. (Подобное, между прочим, так или иначе удалось осуществить на востоке Европы.) И не потому, что это выгодно или одобрит Европа, церковь посмотрит благожелательно, а просто потому, что этого нельзя не сделать. Нельзя не возвратить праву легитимность. Прибегая к евангельскому образу, повторю: если соль потеряет силу, что сделает ее соленой? Право должно быть законным. Только таким образом мы заложим (или продолжим) традицию. Бессмысленно говорить, что в Англии, например, традиции есть, а в России нет. Все традиции когда-то возникают, все традиции кто-то когда-то заложил. Но в основе этого желания лежит воля — совершенно субъективный фактор. Такие акции не объясняются обычной причинностью, здесь действует причинность целевая. В этом подходе, как мне кажется, и лежит то основание, которое позволит нам не просто — сначала в идее, а потом на практике — консолидировать власть, ее институты и функции, но и действительно связать прошлое с будущим. Только тогда у нас будет, наконец, понимание того, где мы находимся сегодня.

Публикуя отрывок из книги известного американского историка Крейна Бринтона (1898–1968) «Истоки западного образа мысли», хочется обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, на то, что эта книга была написана в начале 60-х годов прошлого века, то есть во времена холодной войны между Советским Союзом и США, когда многие считали, что она «загонит Запад, – по выражению автора, – в чуждое его традициям регламентированное общество». Если учесть, что любая война действительно ведет к ограничению свободы. Однако этого не произошло. Историк верил, что Соединенные Штаты и Россия – и это второе обстоятельство, почему публикуется этот отрывок – лишь «временно стали воплощениями тех противоположностей, которые создавали в жизни Запада столь характерную для него напряженность». То есть ту напряженность, которая обусловлена развитием демократии. В ближайшее время у читателя появится возможность познакомиться с этой книгой. Она выходит в издательстве Московской школы политических исследований.

Наша нынешняя неудовлетворенность

Крейн Бринтон

В очень общей форме и со всеми оговорками, обычными для всякого обобщения, можно сказать, что и Соединенные Штаты, и Россия временно стали своего рода воплощениями тех противоположностей, которые в тех или иных сочетаниях друг с другом пока что неизменно создавали в жизни Запада столь характерную для него напряженность. Тем не менее, противостояние налицо и оно весьма реально, несмотря на недавно развернувшееся состязание на тождественных направлениях технического прогресса, несмотря на общность «культуры».

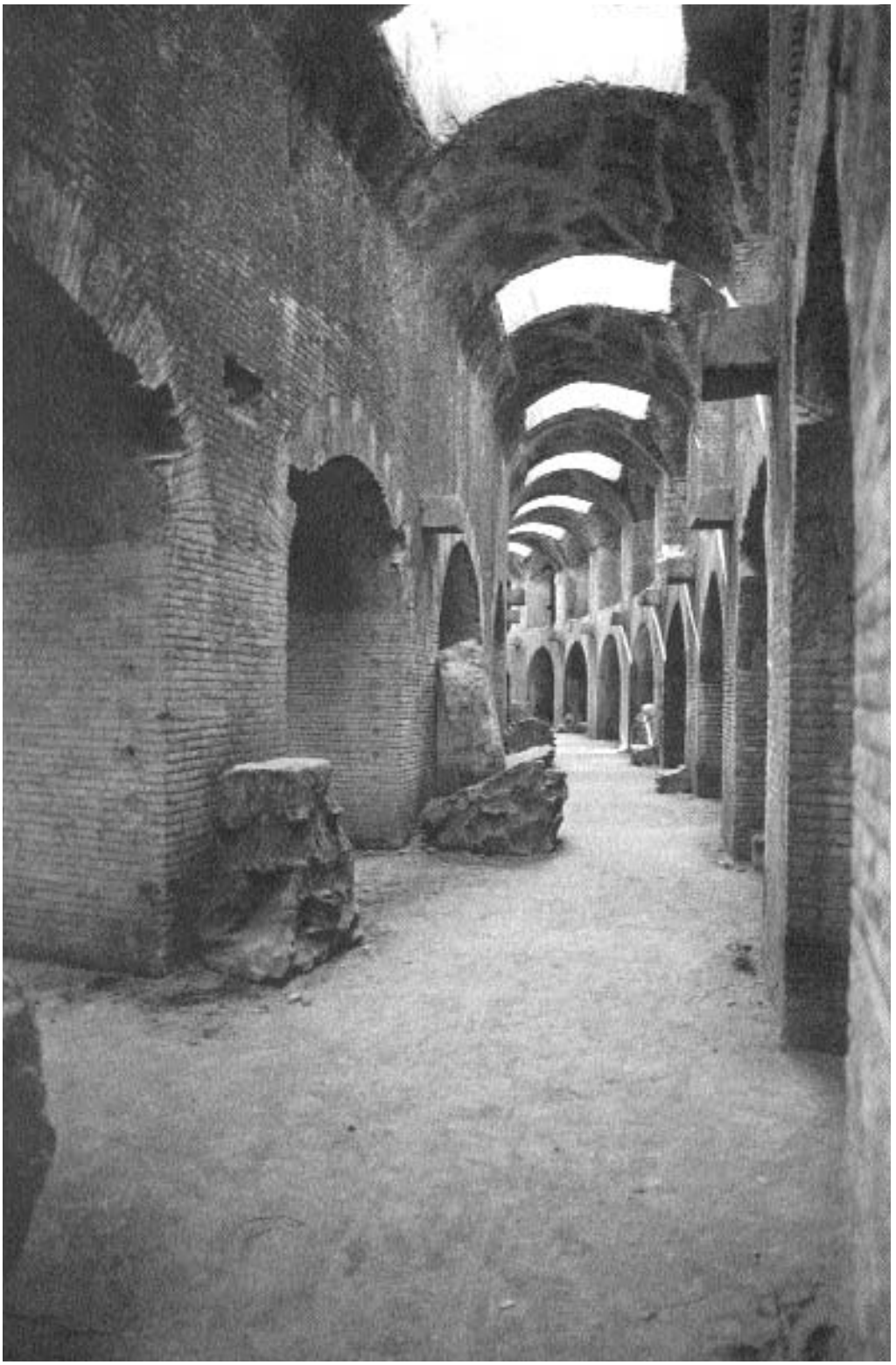
В целом, мы стоим за тот набор ценностей, которые в этой книге я рассматривал как сердцевину западной культуры, за присутствие в каждом человеке того начала, которое лучше всего по-прежнему обозначать старым, избитым словом «свобода», хотя порой это ставит сознание в тупик и заставляет его выворачиваться наизнанку перед лицом реальных проблем — вроде тех, о которых говорят такие расхожие фразы, как «заставить человека быть свободным», или «ты свободен, творя добро, но раб, творя зло», или «свобода, но не произвол». Однако по сути своей это сознание отвергает правомерность таких парадоксов. Западная традиция, главными защитниками которой стали теперь американцы, индивидуалистична — не в догматическом и даже не в идеалистическом, но, тем не менее, в очень реальном смысле.

Наши шансы сохранить западные традиции и спасти их в формах, которые с полным правом можно было бы назвать демократическими, лучше, чем утверждают предсказатели скорого конца света. Ибо, если антиинтеллектуа-

лизм последних десятилетий развеял наивные чаяния добраться до рая земного путем совершенствования человеческой природы или просто на основе освобождения человека от дурной среды, если вместе с тем он дал нам основание полагать, что демократический образ жизни действительно укоренен в наших привычках, традициях, чувствах, условных рефлексах и нашем подсознании, то этот строй нашей жизни может выжить и в условиях весьма суровой действительности. Правда, зависимость демократии от разумности человека, казавшаяся нашим дедам ее силой, теперь представляется нам ее слабостью; но в конечном счете демократия, вероятно, от разумности людей не зависит. Демократический Запад выстоял две войны. А ведь предполагают, что он, с его приверженностью к разнообразию, с его недисциплинированностью, с его духовной многоликостью, даже с его привычкой к комфорту, погибнет в единоборстве с более строгой дисциплиной, спаянностью и единодушием его антидемократических врагов. Но Запад не погиб; он добился победы, несмотря на то, или, вероятно, благодаря тому, что некоторые критики считали его слабостью.

Ибо то, что в свете чисто интеллектуального анализа кажется распадом, бесплодными спорами, явной неспособностью придти к какому бы то ни было согласию, возможно, представляет собой просто противоречивость позиций по тем вопросам, вокруг которых мы, люди Запада, спорили гласно и яростно с того времени, когда Сократ играл роль овода в Афинах. Если логически до конца продумать все, что подразумевается под верой католиков, протестантов, иудеев и материалистов-марксистов, то разве не удивительно, что в обеих мировых войнах они сражались плечом к плечу в рядах американских вооруженных сил? Можно сказать, что они верили не столько в догматы своих религий, сколько в Соединенные Штаты. Но это было бы толкованием слишком логичным и потому ложным. Можно сказать, что они «верили» в религиозную терпимость как некое положительное начало, и это, несомненно, было бы верно в отношении многих из них. Но самый правильный вывод должен состоять в том, что они просто не думали об общей проблеме религиозной терпимости, что большинство из них принимало сосуществование католиков, иудеев, протестантов и материалистов всех мастей как одну из данностей этой жизни, которые, подобно погоде, принимаются без рассуждений. Таким образом, добрая доля западного уклада укоренена у простых американцев не в коре головного мозга, а где-то глубже, куда не проник еще ни один физиолог. Во времена оны это место именовалось сердцем.

Так мы возвращаемся к мысли, что в свете всех знаний, накопленных для нас общественными науками, соотношение между жизнеспособностью того или иного общества и степенью существующего в нем мировоззренческого согласия точно определено быть не может. Существуют, похоже, убедительные свидетельства, что очень значительное многообразие взглядов в вопросах богословия, метафизики, искусства, литературы и даже этики вполне может сохраняться, если воспринимать его не как возвышенный идеал терпимости, не как прогресс на основе обогащения многокрасочной палитры жизни (хотя многие интеллектуалы так именно и говорят), а как некую данность, нечто для людей нормальное. Если демократия действительно означает некое еди-



Своды амфитеатра Пуццуоли. I в. н.э.

нообразие взглядов, столь противоестественное с точки зрения западных интеллектуалов, то она, демократия, обречена. Но вся история нашего образа мысли показывает, что какая-то извращенная воля и упрямство всегда помогали западным интеллектуалам успешно продвигаться вперед именно в условиях споров, и что такие споры никогда не задевали необразованных людей настолько, чтобы нарушать общественное равновесие. Даже в наш век нет убедительных указаний на то, что философская тревога действительно выходит за рамки узкой прослойки, способной выражать свои мысли. Мы даже не знаем, правы ли представители социальной психологии, вроде Эриха Фромма, утверждающие, что нервная неустойчивость или даже неврозы настолько распространены во всех слоях общества, что угрожают нашим демократическим устоям. Возможно, понятие «бегства от свободы» было непомерно раздуто.

Есть еще одно серьезное затруднение интеллектуального порядка, пренебрегать которым сознательному демократу непозволительно. С учетом позиций современного антиинтеллектуализма и, по-видимому, следуя здравому смыслу, я предлагаю считать, что у человечества имеется значительный запас энергии и устойчивости, которых не объемлет ни одна интеллектуальная система, что наша культура обладает источниками силы, которые не затрагиваются воздействием философии — или ее отсутствием... Потребность людей в логическом осмыслении своего опыта, их стремление избегать явной, вызывающей непоследовательности, стремление не выглядеть лицемерами ни в собственных, ни в чужих глазах — очень развита. История не знает цивилизации, которой руководила бы образованная элита, убежденная, что ее система ценностей — не что иное, как притворство, лицемерие, фальшивка. В демократии не могут длительно сосуществовать неверующая образованная элита и верующие массы. Не может скептическая или циничная элита создать религию для массового потребления.

В настоящее время наши мыслящие группы очень далеки от такого бедственного положения. Но многих в их составе охватывают сомнения и недоумения, которые будут возрастать, пока интеллектуалы всерьез не возьмутся за задачу преобразования наследия, оставленного восемнадцатым столетием, полученного от эпохи Просвещения.

А теперь краткие итоговые замечания по поводу этой проблемы.

Демократический образ мысли сложился в восемнадцатом веке после трех столетий постоянных изменений, дошедших до своей кульминационной точки в эпоху великих научных достижений Ньютона и его сподвижников. Каковы бы ни были философские и богословские воззрения этих ученых как индивидуумов (и по сей день многие ученые остаются верующими христианами), как ученые они должны были пользоваться интеллектуальным методом продвижения к выводам и обобщениям, методом, целиком зависящим от наблюдаемых фактов. В конечном счете, эти факты (независимо от того, насколько регистрирующая их аппаратура превосходила своей точностью человеческие органы чувств) описывали мир чувственного опыта — именно этот мир, а не какой-либо иной. Положения, выдвигаемые в согласии с научными методами, должны соответствовать реальностям этого мира; они не должны выходить за их пределы, не должны им противоречить.

Но два общих положения в основе той демократической веры, какой она сложилась в восемнадцатом и девятнадцатом веках, — доктрина о природной добродетельности человека и учение о неумолимом, прямолинейном прогрессе и совершенствовании человека на земле — либо выходят за пределы научного отношения к истине, либо противоречат ему. Достаточно оглянуться на века, пролегающие между Фукидидом и Макиавелли, с одной стороны, и ведущими социологами нашего времени, с другой, чтобы заметить обычную для исследователей поведения человека убежденность, что человек рождается для страданий и что, по крайней мере, в пределах известной нам истории человеческая природа мало в чем изменилась. Приложив методику естествоиспытателя к исследованию поведения *Homo sapiens* с самых ранних времен до середины двадцатого века (в пределах наших исторических знаний), никак нельзя будет прийти к воззрениям Кондорсе или даже Пейна и Джефферсона. С научной точки зрения, нельзя — даже в порядке грубо приблизительных суждений — принять положения о природной добродетельности и разумности человека, равно как и о постоянном совершенствовании нашей жизни на земле.

Нельзя безоговорочно следовать и другим продолжателям идей Просвещения и его «просвещенных деспотов» — нынешним технократам или «инженерам человеческих душ». Не поверите же вы, будто инженер способен разработать и с общего согласия внедрить некое общественное устройство, которое, получив людей такими, какие они есть, сумеет придать их поведению утопически совершенную форму. Придется отказаться от Роберта Оуэна, Фурье и их современных последователей (большей частью от вдохновенных специалистов по социальной психологии). Не примите вы и доктрины о безграничных или хотя бы очень значительных возможностях изменять природу человека.

Короче говоря, демократия частично представляет собой систему суждений, которые не согласуются с истиной, утверждаемой естественными науками. Это несогласие не было бы источником тех трудностей, которые оно чинит сейчас, если бы демократ мог сказать, что его царствие не от мира сего, что подвергать его истину научной проверке так же неуместно, как проводить химический анализ хлеба и вина для выяснения истинности католического учения о евхаристии. Такое преодоление интеллектуального затруднения демократа не было бы чем-то идеальным, но все же оно вполне мыслимо. Демократия может превратиться в чисто трансцендентальную религию, в рамках которой вера не ослабеет от несогласуемости ее догматов с фактами земной жизни. Уже сейчас циники говорят, что, когда американец похваляется отсутствием в его стране классовых различий, он игнорирует факты, говорящие об обратном, закрывает глаза на реальности социальной структуры Соединенных Штатов, на положение в ней негров, евреев, пуэрториканцев или мексиканцев. С другой стороны, американцам легко видеть, что основополагающие принципы марксизма, этой демократической ереси, находятся в вопиющем противоречии со всеми фактами реальной структуры советского общества. Совершенно неоспоримо, что советская «демократия» подразумевает нечто совсем иное, чем американская. Словом, демократии оказывается по силам изымать обетованный ею рай из этого мира и переносить его в мир обрядности, трансцендентальной веры, символического удовлетворения человечес-

ких потребностей при сохранении этого самого рая в качестве идеала, не запятнанного соприкосновением с грязной действительностью.

А возможно, мы увидим образование демократии, приемлющей несовершенство человеческой природы и пессимистическое мироощущение, то есть, демократии реалистичной. Враги демократии давно утверждают, что она пригодна только для ясной погоды, что даже для частичной реализации свободы, равенства и братства она предъявляет к человеческой природе требования, которые могут быть выполнены лишь в периоды мира и благоденствия. В смутные же времена, говорят они, мы нуждаемся в дисциплине, водительстве, солидарности, которых нельзя обеспечить, разрешая людям, хотя бы теоретически, даже в воображении, следовать их собственной личной воле. Такую дисциплину люди действительно приемлют в периоды кризисов, как это показали западные демократии во время последней войны. Большинство европейцев на редкость стойко переносили бомбежку их городов, которая выводила все гражданское население на передовые линии отнюдь не метафорических фронтов. В известном смысле еще более поразительное присутствие духа проявили во второй мировой войне американцы. К ужасу прекраснодушных идеалистов, они шли на войну почти не думая, что делают это ради построения нового, лучшего мира, без того представления о своей роли крестоносцев, что воодушевляло их в войне 1914–1918 годов. Они ввязались в войну, как в неприятное, но необходимое дело, с которым они, в общем, хорошо справились. Они и не пытались делать вид, будто она им нравится; не собирались они и облагораживать ее. Они шли на войну реалистами, а не циниками. И пока что, вопреки мрачным пророчествам многих интеллектуалов, народы Запада не поддались массовому психозу ожидания атомной или термоядерной войны.

Собственно, тут мы можем поставить точку. Демократия идеалистическая, демократия верующая (в традиционном, трансцендентальном смысле религиозной веры), — возможна, хотя ей было бы трудно приспособить полученное ею научное наследие с его опорой в этом мире, к вере, ориентированной на мир иной. Во всяком случае, ее богу пришлось бы добиваться каких-то весьма сложных компромиссов с психиатром. Но демократия реалистическая, демократия пессимистическая, демократия, в рамках которой отдельные граждане принимали бы этику и политику с той готовностью преодолевать трудности, которая отличает хорошего фермера, хорошего врача, хорошего целителя душ — будь он священником, пастором, советником или психиатром, — такая демократия потребовала бы от своих граждан больше, чем требовала в прошлом какая-либо иная человеческая культура. При выполнении этих требований она стала бы самой успешной из всех цивилизаций. И, наконец, демократия циничная, демократия, граждане которой провозглашали бы одни убеждения, а жили бы согласно иным, — дело совершенно невозможное. Такому обществу долго существовать не дано. В здоровом обществе противоречия между идеальным и реальным могут разрешаться самыми различными методами. Одного только нельзя делать: закрывать глаза на существование этих противоречий.

Лоббизм в американской политической системе

Пола Фриер, компания «Marathon Oil Co» (США)

В Америке надо либо участвовать в политической жизни, либо можно стать жертвой политического процесса. Поэтому большинство американских корпораций имеют в Вашингтоне свои представительства, задача которых наблюдать за тем, чтобы их судьбу не решали другие. Не исключение и компания «Марафон», имеющая свой офис в Вашингтоне с конца 1940-х годов.

В чем состоит наша работа? Что такое лоббизм?

Американский лоббизм — достаточно уникальный феномен. Иногда нас называют «третьей палатой» Конгресса, хотя мы занимаемся не более чем защитой точек зрения различных групп людей (так называемых «особых интересов»). «Особые интересы» — это определенные позиции консолидированных групп, представляющих нефтяные компании, университеты, рок-звезд, общественные организации и тому подобное. Представители этих групп находятся в Вашингтоне, чтобы сообщать правительству свое мнение. Лоббизмом также занимаются и представители иностранных государств, в частности, добивающиеся помощи американских федеральных агентств.

Лоббистами, как правило, являются профессионалы, получающие за свою работу деньги, хотя существует и немало добровольческих лоббистских организаций. Но все мы — и профессионалы, и волонтеры — находимся под защитой Первой поправки к Конституции США, которая гласит: «Конгресс не может принять какой-либо закон, нарушающий свободу слова или право граждан на мирные собрания». Это краеугольный камень нашей Конституции, и на нем основана лоббистская деятельность.

Организованные попытки влиять на принятие правительственных решений отнюдь не новость: американская история полна событий, когда граждане совершали действия, чтобы правительство знало об их мнении — начиная со знаменитого «Бостонского чаепития» 1773 года — тогда американские патриоты выбросили в воду Бостонской бухты груз чая, доставленный британскими кораблями — и заканчивая современными акциями протеста против загрязнения окружающей среды.

Когда Соединенные Штаты освободились от британского господства, наши отцы-основатели испытывали мощное давление со стороны различных групп, пытавшихся влиять на принятие ими политических решений. Им даже пришлось при проведении Конституционного собрания в 1787 году за-

крыть двери на ключ, чтобы оградить себя от лоббистского давления. Один из отцов-основателей, Джеймс Мэдисон, рассматривал лоббизм, как средство достижения эгоистических целей, в противовес общественным интересам. Однако он знал, что попытки ограничить эту деятельность могут подорвать свободу, утверждаемую Конституцией, а потому такое «лекарство» опаснее самой болезни. Другими словами, была создана система сдержек и противовесов, гарантирующая, что никакая группа не сможет установить полный контроль над правительством. И эта система оказалась работоспособной.

Каждому политику для успеха его деятельности нужны деньги… И лоббисты, конечно, активно участвуют в сборе средств на ведение кампании, но в США это честная, открытая и прозрачная система

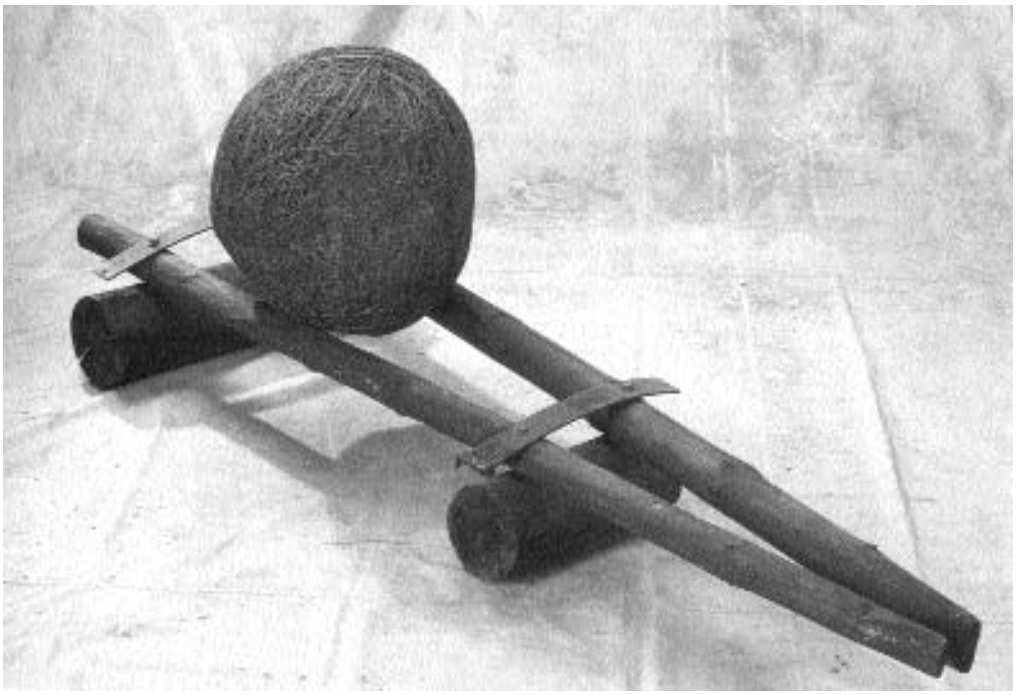
Сам термин «лоббист» появился, по-видимому, в XIX веке, когда лоббисты собирались в отеле «Уиллард», где останавливались законодатели. Американский лоббизм прошел долгий путь, и нельзя сказать, что он имеет слишком хорошую историю. В 1869, когда коррупционное лоббирование в Америке достигло наибольшего влияния, один репортер писал: «Темные личности снуют по коридорам, от галереи к залу заседаний, и похожи на гнусных рептилий». К счастью, теперь всё сильно изменилось. Сейчас существуют строгие правила, которые делают нашу профессию открытой и подконтрольной. Хотя репутация американских лоббистов в глазах широкой общественности оставляет желать лучшего.

Что же такое лоббизм на самом деле? Словарь Вебстера дает следующее определение: «Осуществление деятельности по оказанию влияния на государственных служащих и членов законодательных органов». По современным представлениям лоббист – это тот, кто тратит много времени на то, чтобы склонить законодателей к определенному мнению по различным вопросам государственной политики. Но в действительности это лишь малая часть нашей работы. Например, у меня больше всего времени уходит на анализ законодательства, чтобы понять, как оно влияет на мою компанию; далее – встречи с помощниками конгрессменов и обсуждение с ними текущей ситуации. Главная же моя задача – давать советы компании, чтобы в своей бизнес-стратегии она учитывала правительственные решения и законодательные акты, которые могут оказать на ее развитие существенное влияние.

Но мы также вовлечены и в законодательный процесс. Это не означает, что лоббист приходит к какому-то члену Конгресса и предлагает ему внести некий закон. Мы не пишем законопроекты, а готовим документы и материалы и направляем их членам Конгресса для использования при обсуждении в комитетах и на пленарных заседаниях.

Работая с членами Конгресса, приходится постоянно помнить, что каждый из них имеет к тому же собственную точку зрения на то, как ему действовать. И то, чьи советы будут приняты во внимание, зависит прежде всего от самого законодателя. Если сенатор или конгрессмен представляет округ, где есть газ и нефть, аргументы компании «Марафон» будут для него исключительно важны. Но если его избиратели далеки от нефтегазовых интересов, нам понадобится пройти долгий путь, чтобы привлечь его внимание и получить его голос. Если интересы «Марафона» затрагивают интересы округа, мы должны убедить законодателя, что проведение нашей политики принесет пользу округу и сохранит для избирателей рабочие места.

Зачем вообще нужен лоббизм? Почему для законотворчества недостаточно 435-и конгрессменов и ста сенаторов, не говоря уж об огромном бюрократическом аппарате, обосновавшемся в Вашингтоне? Почему у крупных корпораций и организаций должно быть больше возможностей влиять на госу-



Магдалена Абаканович. Черный шар. 1987

дарственную политику, чем у рядового гражданина? Какой цели служит лоббизм?

Одна из главных функций лоббизма в условиях современной демократии — просветительская. В XXI веке задачи правительства Соединенных Штатов стали более сложными — от ядерного оружия до атипичной пневмонии, от борьбы с международным терроризмом до плана развития энергетики, от защиты окружающей среды до проблем генной инженерии. Правительство США не занимается нефтяным или сталелитейным бизнесом, оно не делает компьютеры, не участвует в мировой рыночной конкуренции — правительство тот мотор, с помощью которого страна движется вперед. Но готово ли оно принимать компетентные экономические решения, касающиеся крупных корпораций, малого бизнеса, индустрии услуг, аграрного сообщества? Ясно, что принимая их, оно заведомо должно опираться на мнение экспертов из частного сектора — чтобы не навредить. Если правительство поручит заниматься экспертной работой, которую сейчас проводят лоббистские организации, своему аппарату, то федеральный бюджет раздуется до космических размеров.

В Вашингтоне зарегистрировано свыше 20 тысяч лоббистских организаций, то есть на каждого члена Конгресса приходится 50 лоббистов. Поэтому у Конгресса нет возможности ссылаться на недостаток информации при принятии решений. Это, конечно, не делает принятие решений простым делом — но оно таким и не может быть.

Лоббизм стал весьма уважаемой профессией, и большинство лоббистов честные люди, являющиеся крупными экспертами в своей области. Ведь ни один член Конгресса не примет плохо обоснованную позицию, и ошибочные рекомендации для лоббистского сообщества — это неизбежное поражение. Если же мы, рассматривая проблему со всех сторон, приводим ему не только свои аргументы, но и аргументы конкурентов, он уверен, что ориентируется в проблеме.

Нефтяная промышленность, интересы которой я представляю, для правительства США имеет огромное значение. Каждый раз, когда поднимается цена на бензин, общество проявляет недовольство, и у членов Конгресса (особенно, когда они выступают перед телекамерами) возникает соблазн призвать к введению контроля над ценами

и обвинить нефтяные компании в сговоре с целью повышения цен. В такие моменты лоббисты играют наиболее важную роль. Для конгрессменов проще всего действовать в соответствии с запросами публики, жаждущей решительных антикризисных действий. И если бы не профессиональные лоббисты, корпоративные лидеры, фермеры Среднего Запада, академические политологи, Конгресс непременно прибег бы к быстрым и жестким мерам, которые в долгосрочной перспективе опасны. Ведь это так просто — установить, например, контроль над ценами на бензин, что может привести к не менее острой проблеме.

Главный вопрос, касающийся лоббизма, заключается в том, не ведет ли он к преобладанию частных интересов над общественными? Правильный ответ: и да, и нет. У всех заинтересованных групп есть большие возможности для лоббистского воздействия, включая телевидение. Телевизионная реклама в пользу частных интересов серьезно влияет на общественное мнение по широчайшему спектру проблем, а оно в свою очередь — на поведение конгрессменов и сенаторов. Такая форма непрямого лоббирования имеет большое значение. И тем не менее, даже 20 тысяч вашингтонских лоббистов вряд ли могут противостоять одной качественной политической рекламе на телевидении. Учитывая, что телевидение играет дьявольскую роль в американской политике. СМИ подкарауливают всякий неверный шаг любого политика и могут разрушить любую карьеру, а потому ничто не воздействует на принятие решений больше, чем СМИ.

Первые 150 лет в Америке не было правил, регулирующих лоббистскую деятельность, и из-за этого часто возникали скандалы. Сегодня всё, что касается влияния денег в политике, регулируется очень жестко, и мы имеем лучшую систему из всех, существовавших когда-либо. Лоббистам предписаны жесткие рамки, в которых они могут работать и оказывать влияние. Например, подарки, путешествия, званные обеды разрешены только на минимальном уровне финансирования (около 50 долларов в год). То есть, на эти деньги можно один раз пригласить одного конгрессмена на обед, что, естественно, препятствует коррумпированию политиков.

Есть также жесткое ограничение на взносы в политические компании: один человек не может дать более двух тысяч долларов одному политику. Не важно, идет ли речь о Билле Гейтсе или о Поле Фриер. Есть и ограничение на общую сумму расходов на политику — 37,5 тысяч долларов. На такие деньги нельзя скупить голоса избирателей. Таким образом, частные вложения в политику — открытый процесс, и это эффективно работает в смысле предотвращения нелегального воздействия на политику. Не менее строгие правила существуют и в отношении работы с Конгрессом. Понятно, что в отношениях лоббистов и парламентариев взяточничество полностью исключено.

Каждому политику для успеха его деятельности нужны деньги. Например, для избрания сенатора требуется примерно восемь миллионов долларов. Для избрания в Палату представителей в среднем миллион долларов. И лоббисты, конечно, активно участвуют в сборе средств на ведение кампании, но это честная, открытая и прозрачная система.

Некоторые обозреватели считают, что американскую демократию подорвет система ее функционирования. Когда группы частных интересов дают политикам деньги на выборы. Сами политики тратят больше времени на сбор средств для своего переизбрания, чем на законотворчество. И при этом в Вашингтоне работают тысячи лоббистов, конфликтующих между собой. Да еще СМИ манипулируют общественным мнением, что отражается на Конгрессе. Но наши отцы-основатели предвидели, что так может случиться, и потому создали строгие правила. Система сдержек и противовесов трех ветвей власти, возможно, несовершенна, но она работает и регулирует и оборот политических денег, и способы политического влияния. Так что, наша история привела в конечном итоге к созданию работоспособной системы, не причиняющей особых страданий нашим гражданам.

Перевел с английского
Юрий Гиренко

Игорь Князев: «Хотели, как лучше – и получилось!»

Игорь родился в Сибири. Родители после его рождения развелись. А потом умерла мама. И воспитывала Игоря бабушка. Точнее – дворовая шпана. И хотя в пять лет бабушка научила его читать-писать, Игорь рос хулиганом. («Весь объем правонарушений я совершал в одиночку»). Короче, борцы с трудными подростками отдали его в 14 лет в Осетровское мореходное училище. На исправление. А в 16 лет Игоря из училища исключили. И он уехал в поселок Усть-Уда, и устроился работать грузчиком. Среди коллег-грузчиков Игорь оказался единственным, кто не сидел. У остальных вместе взятых срок был более, чем серьезен – 100 лет! Так вот: в 16 с половиной лет Игоря делают бригадиром. «Представляете, какой был мой первый управленческий опыт! – смеется Игорь. – Вилять нельзя было. Мне бы вообще не простили малейшей ошибки. Поэтому я очень должен был стараться».

Потом Игорь Князев закончил школу рабочей молодежи, потом кулинарное училище, потом женился и уехал в Пятигорск и работал там в Госкомтуристе. А в 1992 году развелся и вернулся в Иркутск.

Работал на заводе менеджером. Потом создал центр маркетинговых исследований по регионам. Потом выиграл конкурс и уехал в город Шелихов. Создал там агентство по поддержке и развитию малого бизнеса. Это был уже девяносто восьмой год с августовским дефолтом и его последствиями.

А Игорь Князев развивает в небольшом городе весьма достойный бизнес, читая одновременно лекции об идеологии и философии бизнеса. И ни с кого за это не берет денег.

А потом он увлекся политикой. Точнее — партийным строительством в отдельно взятом регионе. Вместе с друзьями и соратниками — Юрием Куриным и другими — создает областное отделение СПС. Два года жизни потратили на это дело. Хотели как лучше — и получилось! Иркутское отделение СПС — одна из самых сильных организаций России. При этом никакого опыта партийной работы, естественно, у Игоря Князева не было. В компартии не состоял. Его даже из комсомола выгнали. Но ясное структурное мышление помогало выживать и действовать. Монополисты говорили: «Да кто вы такие! Ничего у вас не получится». Но скептики оказались не правы.

Конечно, можно было бы бесконечно жаловаться на государство и этим срывать у народа аплодисменты. А Игорь Князев в 1999–2001 году пишет диссертацию. О том, что экономика становится виртуальной, что из предпринимательства уходит его особый дух, положительная энергия. И не просто пишет, а много и напряженно думает о том, что происходит в жизни, политике, экономике. И о том, как параллельно существуют власть и народ. Объясняет: «Иркутская область — отнюдь не продвинутая. У 30 процентов населения — лагерный менталитет. Какие там передовые идеи! Но мы избрали такую логику: пошли по окраинам. Усть-Илимск, Железногорск... Собирали в клубах просто людей. И говорили, и слушали, и общались. На равных. Без снисходительности или пиара. Но представляете, идет разговор о высокой политике, а вопросы из зала такие: “А кто главный в стране? Говорят, коммунисты. А в телевизоре — Ельцин”. Но и на такие вопросы мы отвечали серьезно и обстоятельно».

Прежде чем областное отделение СПС было создано, Игорь Князев с соратниками по пять-шесть раз проехал всю область. Открыли в районах 20 местных отделений. Сегодня в Иркутском СПС — 870 человек.

Работа продолжается. Ребята проводят по пять-шесть семинаров в год. Стал ежегодным Байкальский либеральный форум. Собираются не только сторонники СПС, но и просто молодежь, и солидные ученые-обществоведы, причем разных политических взглядов. Тема: «В какую Россию мы верим?». Приезжают из Москвы Ясин, Улюкаев... И те же местные ученые-обществоведы потом говорят: мы ребят из буржуазного СПС не любим, но должны признать — только благодаря им что-то в области происходит, какая-то интеллектуальная, творческая жизнь, а остальные нас только на выборы нанимают... «Такая оценка для нас — как медаль!» — смеется Игорь. И уточняет: «Это ведь очень важно — сформировать дух и понимание проблемы!».

Игорь убежден: в возлюбленном отечестве — абсолютно европеизированный народ и абсолютно азиатская бюрократия. Да, именно так! Не европейская элита и варварский народ. Не европейские люди и варварская элита. Тормоз — в бюрократии. Но победить бюрократию силой нельзя. Ее надо побеждать гражданским просвещением. Формированием общего культурного пространства.

И задача современных политических партий: не друг с другом бороться за 5–6 процентов на выборах или за 10–20 процентов репортажей на ОРТ, а формировать гражданское сообщество. Игорь Князев верит: «Сибирь ждет гражданская колонизация. И Россию в целом. Только это выдавит из нашей бюрократии варварство. Только это освободит нас от рабства».

Зоя Ерошок

Демократический аудит

Даниель Таршис,
Генеральный секретарь Совета Европы (1994–1999)

Казалось бы, всем известно, что такое аудит — точная наука, которая имеет дело с конкретными цифрами, подсчетом финансов, расходов, выяснением того, что и как растрачено. Нам знаком аудит и несколько иного рода, при котором проверяется эффективность работы предприятий, организаций, министерств. Такой аудит — уже не вполне точная наука, поскольку он неизбежно связан с политическими процессами общественного развития. Демократический же аудит — сравнительно новое понятие; его предмет полностью находится в сфере гуманитарного знания. Я бы определил его как стремление понять, каким образом действует демократия и насколько успешна демократическая практика.

Есть три вида демократического аудита. Первый из них наиболее связан с тем направлением в политологии, которое занимается оценкой демократии. В ряде стран политологи пытаются провести общую оценку того, каким образом действует вся демократическая система. Подобной проверке подвергались четыре страны: Великобритания, Австралия, Канада и моя родная Швеция. Во всех четырех случаях формировалась группа политологов, которые пробовали создать систему оценки качества их собственных демократий. Для этого они вводили определенные критерии, такие, например, как уважение к правам человека, степень реагирования на нужды населения, существование оппозиции, свобода слова и так далее. Таким образом, рисовалась идеальная картина демократии, которая затем сопоставлялась с реальностью. Безусловно, всегда наблюдалось некоторое различие между тем, что постулируется в теории, и тем, что существует на практике. В странах, которые я перечислил, полученные данные послужили отправной точкой для дискуссии о том, что их демократия недостаточно эффективна, а общество может столкнуться с определенными проблемами и даже с кризисами. Таким образом, целью подобного демократического аудита было привлечение внимания к конкретным вопросам практики демократии в этих странах.

Второй вид аудита предполагает проведение рейтинга различных сторон демократических систем разных стран в соответствии с определенными критериями. Подобной процедурой занимается целый ряд организаций. В частности, организация «*World Audit*» составила рейтинг 149 стран, используя такие критерии, как политические права, гражданские свободы, свобода печати, коррупция. (Кстати, я просматривал в этих документах статистические данные, касающиеся России. Не могу сказать, что ей есть чем похвастаться. Общий рейтинг России — 101 из 149. Впрочем, у некоторых стран ситуация еще хуже. Рейтинг Узбекистана, например, 129. В Швеции, правда, немного лучше.) Многочисленные проекты, в основе которых лежат сопоставительные исследования, осуществляет организация под названием «*International IDEA — Institute for Democracy and Electoral Assistance*». Выясняя, например, степень во-

влеченности граждан в общественную жизнь, степень участия женщин в демократических процедурах, другие показатели качества демократии, эксперты этой организации пытаются определить, каким образом можно оказать отдельной стране помощь в каком-то конкретном направлении. Ежегодно проводят исследования и эксперты Программы развития ООН — «*Pro-UN*». Они определяют общий индекс развития нации, включающий не только степень развития демократии, но и жизненный уровень, уровень обеспечения безопасности, прав граждан и так далее. Назову также организацию, которая появилась на международной арене недавно, — «*Transparency International*». Она занимается борьбой с коррупцией и ее идея основана на убеждении, что все должно быть прозрачно. Транспарентность, прозрачность является, с точки зрения ее сотрудников, лучшим средством борьбы с коррупцией. Они также определяют ежегодный индекс уровня коррупции в той или иной стране. Честно говоря, не знаю, как можно измерить коррупцию, ведь статистика вряд ли обладает данными о том, сколько взяток было получено в таком-то году. Думаю, что эти исследования основаны в значительной степени на субъективных методах. Конечно, можно найти некие показатели путем проведения интервью, сопоставительного анализа, анализа общественной дискуссии, и таким образом более или менее определить степень коррумпированности общества. Следует упомянуть и еще об одной организации — это Межпарламентский союз (*Inter-Parliamentary Union*). Сопоставляя ситуации в парламентах стран-участниц, она помогает им повысить эффективность демократических процедур.

Перейду теперь к третьему виду демократического аудита, который знаком мне в наибольшей степени. Речь идет о наблюдении за должным выполнением обязательств, которое Совет Европы осуществляет в отношении своих стран-участниц. Этот контроль приобрел особую актуальность после того, как в 1990-е годы большинство стран Центральной и Восточной Европы стали полноправными членами Совета Европы. Сама подготовка к вступлению подразумевала определенную адаптацию соответствующих стран. Они должны были выполнить ряд условий, свидетельствующих о готовности принять общеевропейскую систему ценностей. В каждом конкретном случае обсуждался весь круг вопросов, касающихся демократических структур, законодательных и исполнительных органов, судебных систем, состояния прав человека в этих странах. Безусловно, от них требовалось соблюдение обязательств, которые определялись специальным соглашением, заключаемым с кандидатом на вступление. Совет Европы затем контролировал, насколько они выполняют свои обещания. Конечно, подобный контроль касается не только новых стран-участниц Совета Европы, он действует и в отношении старых его членов.

Остановлюсь на отдельных инструментах этого контроля. Существует Европейский суд по правам человека, основанный еще в 1950-е годы. После того, как все страны-участницы согласились с тем, что их граждане могут подавать туда апелляции, объем рассматриваемых Европейским судом дел заметно возрос. Поэтому в 1990-е годы была изменена структура его работы, и если раньше судьи работали по совместительству, то теперь они работают на постоянной основе и разбирают только жалобы и апелляции отдельных граждан по поводу нарушений их прав в соответствующих странах. Имеется также специальная и независимая Европейская комиссия по предотвращению пыток, действующая на основании Европейской конвенции по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания,

которую ратифицировали все страны-участницы Совета Европы. Там представлены люди различных профессий — врачи, работники исправительных заведений, психиатры и так далее. Они инспектируют тюрьмы, лечебницы для душевнобольных, места скопления беженцев, полицейские участки. При проверке какой-либо страны представители комиссии сами отбирают те места, которые желают посетить. После проведения инспекции они вместе с правительством данной страны обсуждают результаты проверок. Как правило, власти соглашаются с выводами комиссии и обязуются исправить выявленные недостатки. Основная цель работы состоит вовсе не в том, чтобы показать, что какое-то правительство работает недостаточно хорошо; главное — добиться положительных изменений непосредственно на конкретных объектах. Должен отметить, что мы достигли значительных успехов именно благодаря проведению подобных инспекционных поездок. Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью также состоит из независимых экспертов. Она изучает ситуацию с расизмом и ксенофобией в различных странах и вырабатывает рекомендации о том, каким образом можно на правовой основе бороться с этими явлениями. Комиссия, например, рассмотрев в конкретной стране какую-то конкретную проблему, законодательное решение которой отсутствует, может рекомендовать воспользоваться опытом тех стран, где подобные проблемы на законодательном уровне уже решены. Наконец, недавно введен пост Верховного комиссара по правам человека Совета Европы, который занимается тем, что пытается привлечь внимание правительств соответствующих стран к актуальным вопросам, связанным с правозащитной деятельностью.

Итак, я перечислил ряд организаций, которые занимаются контролем и наблюдением. Конечно, это можно называть демократическим аудитом в том его широком понимании, когда речь идет о наблюдении за функционированием демократической системы, определении недостатков этой системы и путей их преодоления, но это все весьма конкретные формы контроля. Между тем в Совете Европы есть еще два механизма, которые, на мой взгляд, гораздо ближе к тому, что следует понимать под демократическим аудитом. Это мониторинг со стороны Парламентской ассамблеи и мониторинг со стороны Совета министров. Думаю, небольшой экскурс в историю этих организаций поможет лучше представить их природу и сферу деятельности. Когда в 1949 году был создан Совет Европы, вся власть была отдана министрам иностранных дел стран-участниц, которые, как предполагалось, должны встречаться два раза в год в Страсбурге. Таким образом, хозяевами этой организации были правительства стран-участниц. Затем — впервые в европейской истории — была сформирована организация членов европейских парламентов — консультативная ассамблея парламентариев. Этот новый орган поначалу действительно был чисто консультативным, но с течением времени его авторитет возрос, и в результате он начал оказывать довольно эффективное давление на Совет министров. Тогда было решено переименовать консультативную ассамблею в Парламентскую, к неудовольствию министров, чье влияние таким образом несколько ослабевало. Ко времени приема новых членов Парламентская ассамблея Совета Европы стала уже основным органом, и Совету министров приходилось следовать ее решениям. Думаю, сейчас нельзя утверждать, что какой-то из этих органов находится в более привилегированном положении; они примерно равны по своим полномочиям и авторитету. Но Парламентская ассамблея определяет, например, условия приема в Совет Европы, устанавливая правила мониторинга. У нее есть специальный орган

— комитет по мониторингу, который исследует, насколько ситуация не только в новых, но и в старых странах-участницах соответствует основным принципам Совета Европы. Этот комитет регулярно представляет отчеты, проводит обсуждения в Парламентской ассамблее, вырабатывает рекомендации тем странам, где есть определенные недостатки. Подобный механизм существует и в Совете министров, который в 1995 году сформировал собственный комитет по мониторингу. В основном он проводит аудит двух типов. В первом случае избирается некая тема, например, свобода печати или местная демократия, и по этой тематике исследуется ситуация по всей Европе. Обсуждение носит открытый характер, и цель здесь единственная — оказать давление на определенную страну, чтобы там обратили внимание на данную проблему. Это как бы общее давление со стороны Совета Европы. Второй подход связан с каким-то конкретным событием, конкретной проблемой. Скажем, с нарушением прав человека в Чечне. Чечня — «головная боль» и для Совета Европы, и для России в течение многих лет, и Совет министров работает в этом направлении довольно активно. Так же тщательно изучается ситуация в кавказских странах и на Балканах.

Я кратко обрисовал круг тех вопросов, которые затрагиваются или отражаются в результатах аудита. Сейчас, однако, хотел бы остановиться на наиболее важных из них, — на тех, которые в первую очередь являются предметом демократического аудита. Так, оценивая качество демократии, политологи всегда обращают внимание на систему выборов. Вторая важная характеристика качества демократии — соотношение власти большинства с правами меньшинства. Далее следуют вопросы о том, как соблюдается принцип верховенства права, насколько эффективны законодательные органы, может ли гражданин добиться, чтобы его голос был услышан административными органами или судом, соблюдается ли право на апелляцию, есть ли справедливые процедуры, позволяющие все это осуществить и так далее. Следующий вопрос касается того, насколько существующая демократическая система обеспечивает уважение прав граждан. В центре внимания демократического аудита находится также адекватность механизмов управления на политическом и административном уровне. И последнее — это реализация свободы совести, свободы слова. Что касается последнего вопроса, то я должен вспомнить еще об одном механизме наблюдения — Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. ОБСЕ как раз занимается вопросами средств массовой информации, отслеживая ситуацию по всей Европе и вырабатывая рекомендации соответствующим правительствам, если возникает проблема.

Итак, что же такое демократический аудит? Это не нечто окончательно определенное и сформировавшееся, а, скорее, развивающаяся область политологии, причем область, позволяющая сотрудничать многим международным организациям. Конечно, все, что связано с демократией, далеко от абсолютных стандартов, далеко от абсолютных истин. Ценности не всегда четко определены, и это вопрос, требующий дальнейшего обсуждения. Нам предстоит и далее обсуждать, что собой представляет «хорошая» демократия и какими качествами она должна обладать.

«Commentaire»

В 1978 году мы с несколькими друзьями основали ежеквартальный журнал «Commentaire». Целью журнала было следить за развитием тех идей во Франции и за её пределами, которые в долговременной перспективе определяют судьбу нашего общества. В нашем журнале не проводится произвольное разграничение между культурой и политикой. Мы уделяем значительное внимание политологии и социальным наукам, истории и международным проблемам, не забывая об искусстве, литературе и философии.

Раймонд Арон, основатель журнала «Commentaire»

«Комментировать» означает оглянуться на какое-то событие, на нечто сказанное или написанное, то есть использовать и одновременно отдать дань уважения той «способности к суждениям», посредством которой человек общается с миром и реализует свободу в отношении себя самого. В то же время объект комментария — действия, слова, мысли — объявляется достойным уважения: если некий предмет вызывает суждения, значит перед нами результат деятельности свободных людей. Тональность комментария — рассудок и свобода.

Мы и пытаемся говорить на языке рассудка и свободы. Наследники Европы, мы стараемся быть достойными нашего наследства.

Однако предмет комментария — это в первую очередь настоящее. Мы не оставляем без внимания ни одно из волнующих нас явлений: войну в Ираке и кризис во франко-американских отношениях; акты терроризма на Ближнем Востоке и в Израиле; дефляцию в Японии; глобализацию; строительство новой Европы; кризис образования во Франции и множество других вопросов.

Перед лицом вызова, который бросает нам современный мир, необходимо защищаться и наступать, оберегать себя и идти на риск, горячиться и сохранять хладнокровие. «Commentaire» пытается соответствовать этим тональностям, предоставляя место разным точкам зрения, различным интеллектуальным традициям.

Commentaire
Numéro 102/Été 2003
Nicolas Baverez Le déclin français ?
Philip Zelikow La nouvelle politique mondiale des États-Unis
Pascal Lamy La mondialisation vue d'Europe
Michel Leroux La littérature au lycée André Babeau Les conditions de la croissance François Daguet/Jean Boissonnat/Helena Rosenblatt Religion et politique Henri Pigeat/Alain Veuholes La presse en France Melvin Lasky Le concept de culture Anthony Rowley Churchill Jacques Roussillat Marcel Jouhandeau
Alain Besançon Dostoïevski
Marc Fumaroli Chateaubriand et Fontanes Jacques Julliard Péguy
Plon

В конце жизни Шатобриан вопрошал: «Вот что сталось со старой Европой, она не возродится никогда: предоставит ли нам больше шансов молодая Европа?». Наша Европа не слишком молода, но вопрос не потерял актуальности. «Commentaire» полагает, что путешествие европейца продолжается, и наш журнал пытается следовать за ним и освещать ему путь.

Главный редактор
Жан Клод Казанова

Паскаль Лами, комиссар Европейской комиссии по торговле

За европейский взгляд на глобализацию*

Непрекращающиеся дебаты, размышления и действия, так или иначе связанные с процессом глобализации, носят двойственный характер. Принятию политических решений должно предшествовать обнаружение основных тенденций мирового развития, описывающих изменившуюся реальность и новые условия равновесия на планете. Ожиданиям общества могут соответствовать только те политические шаги, которые основаны на анализе важнейших изменений в мировой системе. Внимание, уделяемое в современном мире глобализации, отражает потребность граждан принимать во внимание те процессы, которым суждено оказывать значительное влияние на судьбы планеты. Мы можем выделить несколько основных тенденций.

Основные тенденции

Во-первых, происходящий в мировом масштабе «демографический транзит» предвещает стабилизацию земного населения в пределах 8–10 миллиардов человек за время меньшее, чем полстолетия. Таким образом, возрастающая нагрузка на природные ресурсы будет в большей степени связана с режимами потребления и производства, чем с демографическим ростом. Кроме того, производственные инвестиции будут постепенно вытесняться демографическими инвестициями, что приведёт к возрастанию доходов на душу населения в развивающихся странах, как это уже происходит в Китае. В свою очередь, растущая экономическая база поставит перед Югом проблему старения. Это сделает неизбежной революцию в сфере производства как в развивающихся странах, так и в мире в целом. С другой стороны, демографический переход не будет происходить с одинаковой скоростью: достигший определённого уровня стабильности в промышленно развитых странах, он ещё не завершился во многих развивающихся странах. Подобное разнообразие демографической палитры усиливает неравномерности в плотностном распределении населения на планете. Потому следует ожидать дальнейших изменений в демографической сетке Земли, в условиях, когда большин-

** Pascal Lami. Pour une vision européenne de la mondialisation. // Commentaire.– P., 2003, vol. 26, № 102. – PP. 273–278.*

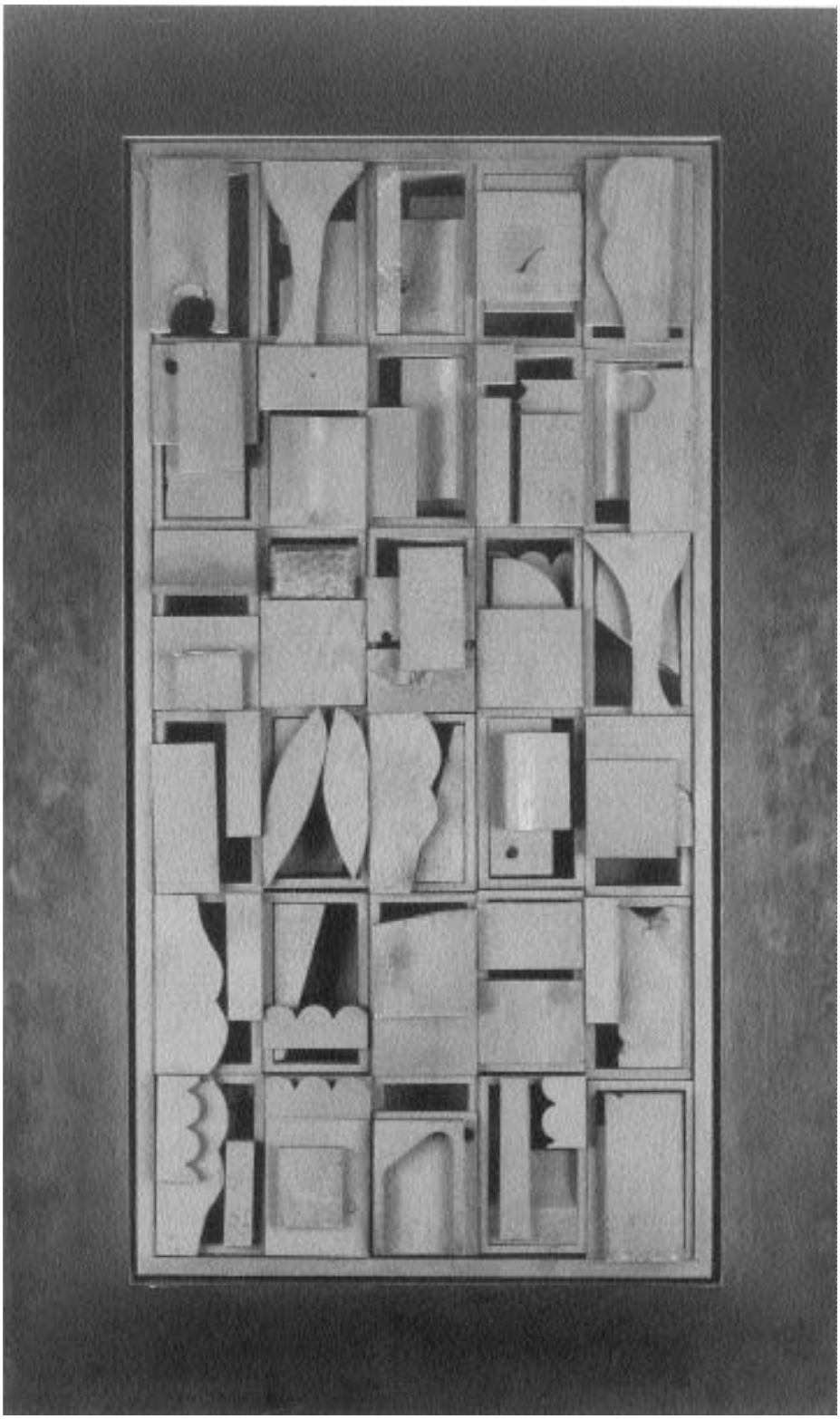
ство её жителей отныне и впредь обречены жить в городских условиях: преимущества и недостатки такой географии населения Земли следует принимать во внимание.

Современный нам мир раскрывают и другие важные тенденции. Научно-технический прогресс ставит перед нами множество вопросов, в частности вопрос о способности человека взаимодействовать с окружающей средой и бережно относиться к природным богатствам. Научно-технический прогресс непосредственно затрагивает «легитимную» сторону взаимоотношений между людьми, организациями и государствами и играет не последнюю роль в наших спорах об оптимальной экономической системе. Однако один из важнейших вопросов — это проблема общественного и частного блага в контексте знаний, накопленных в результате научно-технической революции. В идеальном мире ответственность за научно-технический прогресс возлагается на государство, а его результаты напрямую передаются в общественное пользование: распространяясь по всей планете, технологические новшества могут стать существенным вкладом развитых стран — производящих львиную долю научных достижений — в экономику развивающихся стран. В реальном мире, однако, бóльшая часть научно-технических достижений финансируется не налогоплательщиками, а потребителями. По сути, они производятся капиталистическими предприятиями и подлежат защите посредством патентов. Таким образом, в условиях рыночной экономики права на интеллектуальную собственность — это и необходимый инструмент научно-технического прогресса, и препятствие на пути распространения его результатов, свободная циркуляция которых откладывается до истечения срока патентов. Всё же научно-технические достижения пробиваются наружу, благодаря ли научному сообществу, прямым иностранным инвестициям или, как в случае с жизненно важными лекарственными средствами, благодаря прогрессивному толкованию соглашения об «Аспектах прав на интеллектуальную собственность, относящуюся к коммерции». Следует надеяться, что такое толкование станет возможным после подписанной в ноябре 2001 года в Дохе многосторонней торговой программы государств-членов ВТО. В условиях капиталистической системы и экономики рынка, каковой является наша, политические решения должны отображать и экономический динамизм, способствующий научно-техническому прогрессу, и стремление к общественному благу.

Наконец, в становящемся всё более взаимозависимом мире развивается некая форма коллективного сознания, подвергающего критической оценке глобализацию, её удачи и провалы. В образах мира, распространяемых средствами массовой информации, соседствуют изобилие и голод, свобода и тирания. Эти образы обостряют жажду перемен: растущему стремлению части населения индустриально развитых стран изменить экологическую обстановку соответствуют, к примеру, надежды народов Юга, страдающих от нищеты и эпидемий, на улучшение условий жизни. Именно уровень развития в большей степени, чем различия в ценностях и мировоззрении, влечёт за собой смещение приоритетов в отношении двух основных доктрин устойчивого развития, как то прогресс в экономической и социальной сфере, с одной стороны, и защита окружающей среды — с другой. Представляется необходимым, чтобы доктрины устойчивого развития, разрабатываемые в сферах международных институтов, соответствовали ожиданиям мирового сообщества, и чтобы миссия по структурированию и узакониванию этих доктрин была возложена на влиятельных политиков планеты.

Приоритет Европы?

Каким образом и с помощью каких инструментов Запад, ныне утративший однородность, а доселе измерявший глобализацию по своей мерке, собирается осуществить программу устойчивого развития на всей планете? Попытается ли Запад сохранить господствующее положение в мире и будет ли он всеми средствами препятствовать возникновению новых, соперничающих с ним, держав на Юге? И о каком Западе мы говорим в условиях его размежевания и появления в самом его сердце новых субъектов?



Луиза Невельсон. Аккорд. 1964

Альтернатива обозначилась со всей ясностью в результате войны в Ираке: укреплять мировую гегемонию или вести мир по пути устойчивого развития? Такова ставка в игре. В реальном мире, в современном мире «ангельская» политика неуместна. Приоритет Европы может заключаться в выдвижении концепции многостороннего мира, основанного на трёх компонентах устойчивого развития – одновременном совершенствовании политических институтов и рыночной экономики, интеграции и защите окружающей среды. Иное дело – игнорировать стратегические ограничения, то есть пренебрегать собственной безопасностью или, наоборот, насаждать право посредством силы – этой ошибки Европа совершить не должна.

Важнейший вопрос – поддержание равновесия: успехи в развитии смягчают угрозу безопасности и сдерживают насилие, порождаемое нищетой, однако риск этим не ограничивается. Опираться только на стратегическое превосходство – это подход, чреватый опасностями, при котором смягчаются следствия, но игнорируются причины.

Хватит ли у Европы чувства меры? Расположена ли Европа, по мере того как она становится мировой экономической силой, обеспечить ту степень автономии, которая необходима для проведения внутренней и внешней экономической политики? Это один из насущных вопросов, стоящих перед возглавляемой Валери Жискар д'Эстеном Конвенцией по будущему Европы.

Система будущего

Перед нашим поколением стоит беспрецедентная в истории задача: разработать и воплотить в жизнь международную, действительно всеобщую экономическую систему, объединяющую суверенные государства, к числу которых после распада колониальной системы и Советского Союза относятся все страны на планете. Что касается сферы торговли, то уже сейчас в ВТО входит сто сорок шесть стран, а в скором времени можно ожидать вступления в ВТО новых членов, включая Россию, Украину, Вьетнам, Алжир и Саудовскую Аравию. Сегодня мы далеко ушли от системы Бретона Вудса («Общее соглашение о тарифах и торговле», на смену которому в 1995 году пришла ВТО), в которую, как известно, не входили ни колонии, ни коммунистические страны. Отдаляемся мы и от времён «междуцарствия», когда на мировой экономической сцене господствовала Большая семёрка, а внутри «Общего соглашения о тарифах и торговле» – «Четвёрка», образуемая Европейским союзом, США, Японией и Канадой.

Со времени Всемирной встречи в Рио-де-Жанейро в 1992 году в процесс международного экономического сотрудничества непрестанно вовлекаются новые участники. Создание ВТО в 1995-м и вступление Китая в эту организацию в 2001 году придали этому процессу новое качество. Участие в общемировом переговорном процессе по экономическому сотрудничеству развивающихся стран было подтверждено после конференции министров стран-членов ВТО в Дохе, в ноябре 2001 года. Подписание Киотского протокола о климате также свидетельствует о возрастающей значимости новых участников международного процесса, так как ратификация этого протокола Россией, что представляется неизбежным, позволит сформировать новый многосторонний договор, регулирующий отношения между энергетикой и другими сферами экономики – даже если к этому соглашению не присоединятся Соединённые Штаты.

Это та всеобщая система управления, зачатки которой мы наблюдаем сегодня, система, способная придать новое обрамление экономике рыночного капитализма. Ибо такая система, функционирующая на свободных от границ мировых рынках, более не зависит от опеки правительств, социальных и фискальных ограничений, но основывается на конкуренции и беспрепятственном перемещении капиталов.

Однако до того как намечать функции и инструменты подобной системы, необходимо тщательно измерить масштабы всего предприятия – в частности оценить её прогрессивный и экспериментальный характер. Разумеется, такая система основывается на институтах Бретона Вудса, преимущества и недостатки которых хорошо известны.

Существующее соотношение сил на руку великим державам — причём самым развитым из великих держав. Тем не менее, современное соотношение сил постепенно изменяется, в частности за счёт развития регионализма. Наиболее ярким примером этих изменений служит Европейский союз. Последний и сам поощряет развитие схожих структур, в особенности посредством своих трансрегиональных соглашений со странами Латинской Америки, странами АСЕАН, Советом стран Персидского залива, посредством соглашений об экономическом партнёрстве с африканскими странами и государствами Карибско-Тихоокеанского бассейна, наконец, посредством европейско-средиземноморских соглашений и так далее. Кроме того, незаменимыми участниками системы международного экономического сотрудничества становятся Китай и Индия.

Естественно, что «коллективные предпочтения» в различных странах зависят от уровня развития, также как от ценностей и культурных особенностей: так, например, проблемы защиты окружающей среды и качества пищевых продуктов имеют первостепенную важность в европейских странах, в то время как на Юге эти заботы заслоняются вопросами развития. Согласование или, по крайней мере, сближение национальных законов и норм, непосредственно влияющих на процессы свободной торговли, — это задача, важность которой трудно переоценить.

Узкие проливы развития

В конце концов, вопрос о сложностях развития далеко не самый проблематичный. Каким образом навёрстывают упущенное развивающиеся страны? В отношении стратегии развития одна школа мысли сменяет другую. Некоторые успешные модели — в Юго-Восточной Азии — доказали, что отставание в развитии не есть рок, и что существует немало возможностей для достижения существенного прогресса. Однако каталог ошибок и тупиковых ситуаций по-прежнему гораздо более длинный, чем список успехов. По сути, в истории экономического развития больше исключений, чем правил. Устойчивое развитие предполагает сочетание благоприятных внутренних и внешних обстоятельств. Составить перечень таких условий несложно, пусть даже этот список не будет исчерпывающим. На внешнем уровне это обеспечение надёжных рынков сбыта, способствующих росту товарного экспорта и привлечению прямых иностранных инвестиций. На внутреннем уровне это разумная и оперативная макроэкономическая политика, рынки, основанные на конкуренции и открытой политике; при необходимости, государственная собственность на предприятиях некоторых секторов; минимально необходимый комплекс общественных услуг, в частности в сфере образования и инфраструктуры; и, наконец, ключ к эффективности и равновесию — действенная фискальная система с прогрессивными налогами. С другой стороны, объединить эти условия, а тем более обеспечить правильную очерёдность их осуществления — процесс весьма рискованный, хотя и возможный. Техническая и финансовая поддержка, а также преференциальный доступ к развивающимся рынкам позволит оказывать влияние на программу правительств и способствовать так называемой «политике доброй воли». При этом ясно осознаваемое стремление к развитию остаётся обязательным условием успешной стратегии. Международные институты экономического управления обязаны стремиться к тому, чтобы все страны — развитые страны, развивающиеся страны и переживающие переходный период страны бывшего коммунистического блока — реализовали три приоритетные задачи строительства новой системы, которые позволят обеспечить долговременный рост на всей планете. Задачи эти — устойчивый рост, конвергенция стран Севера и Юга и защита окружающей среды.

Сама мировая экономическая система требует, чтобы в условиях рынков открытых для торговли и свободного перемещения капиталов, правительства стремились к выработке единых норм, причём не только в сфере защиты окружающей среды, здравоохранения, защиты прав потребителя, но и в сфере основных прав человека, в том числе, в области трудового законодательства. Взаимодействие между всемирным управлением и внут-

ренней политикой — это условие устойчивой конвергенции. Либерализация торговли и инвестиций ведёт к изменениям на мировом рынке труда, в частности к более рациональному рассмотрению различных факторов, оказывающих влияние на тенденции всемирного экономического развития.

Гармонизация принципов либеральных рынков товаров, услуг и капиталов с едиными международными нормами — долговременный проект.

От так называемой «поверхностной» экономической интеграции (заключающейся в снижении классических пограничных барьеров, как то таможенные тарифы и квоты) мы должны перейти к глубинной интеграции, к которой относятся нетарифные аспекты рынков: санитарные, ветеринарные и экологические нормы, государственные рынки, политика инвестиций и вложений, финансовые стандарты, государственные дотации в некоторых секторах экономики.

Отказ от двойственности

Во многих промышленно развитых странах, во главе которых шествуют Соединённые Штаты и Европа, сохраняются правительства, которым в разной степени — несмотря на речи о демократии, правах человека и рыночной экономике — присущи три характеристики: неэффективность, авторитаризм (даже деспотия) и коррупция. Итак, необходимо покончить с двойственностью, проявляющейся в сочетании гуманистической риторики с меркантильной и близорукой *Realpolitic*. В пору превращения Европы в мировую экономическую силу европейская экономика не может развиваться без оглядки на этику международных отношений и внешнюю политику Европейского союза. Таким образом, совершенствование многосторонней системы должно сопровождаться пересмотром нашей политики в отношении развивающихся стран. В частности, под угрозой потери собственного авторитета, Европе следует перестать говорить на двух языках одновременно — на политическом языке Европейского союза и меркантильном языке государств-членов.

Наконец, собственно Европейский союз. Образование, которое в скором времени будет насчитывать двадцать пять сопредельных государств-членов, морские границы которых очерчивают весь континент, Европейский союз обладает экономической мощью, сопоставимой с мощью Соединённых Штатов. Как превратить это преимущество в могущественное орудие, направленное не на гегемонию, но на безопасность и строительство многосторонней, сбалансированной системы? Именно этот вопрос находится в центре внимания Конвенции о будущем Европы. Этот вопрос следует рассматривать в контексте европейского проекта и в контексте институтов. Именно сочетание усовершенствованной европейской модели с необходимыми институтами позволит определить место Европы в мире и её способность влиять на мир. Эта модель немыслима без социально-ориентированной рыночной экономики, конкурентной и единой. Эти институты должны руководствоваться общими методами и принципами, постепенно распространяющимися на сферу обороны и внешней политики. Ибо для того чтобы действовать в мире, для того чтобы увести мир от горячечной озабоченности проблемами безопасности, куда может завести его американская гегемония, Европа, как ни парадоксально, должна перерасти статус экономического и гражданского образования, дабы выработать методы, посредством которых она сможет обеспечить собственную безопасность, защитить свои ценности и интересы. Социальная Европа, Европа укрощённой глобализации, Европа как двигатель мира и развития, должна обладать стратегическим могуществом. Мир и безопасность на планете, наш мир и наша безопасность не оставляют нам альтернативы: Европа должна стать мировой державой и утверждать свои действия в рамках права. Только в этом случае она станет опорой международной системы устойчивого развития. Как говорил словами своей эпохи Жан Монне, в этом заключается «организация завтрашнего мира».

Перевел с французского
Марк Дадян

Михаил Афанасьев, доктор социологических наук, директор по политической аналитике и PR-группы компании «Никколо М».

Выборы по-украински – еще раз о самом главном

Политический консультант похож одновременно на писателя и переводчика: он работает со смыслами и образами, создавая их заново и переводя с одного языка на другой (не обязательно иностранный). Поэтому вполне уместно будет рассмотреть проблемы украинской политики как проблемы политического языка.

Общее ощущение, которое возникает при знакомстве с украинской политикой – посредством прессы и по личному опыту – это ощущение абсолютного отчуждения между населением страны и ее политическим классом. Украинские политики, а также политические обозреватели и аналитики, говорят на своем языке, обращаясь друг к другу, а не к избирателям. При всем различии подходов и оценок, политика обсуждается в отрыве от общезначимой социальной проблематики: активность политиков – их заявления, взаимные претензии, требования, политические инициативы – практически никак не связаны с насущными проблемами, волнующими массовые группы избирателей.

Все это, конечно, есть и в России. Но, пожалуй, именно сравнение двух стран позволяет увидеть истинный масштаб явления. В России отчуждение народа от политики, от «сферы всеобщего», так велико, что кажется – дальше некуда. Но попав на Украину, понимаешь: дальше есть куда... Кстати, в этом смысле можно говорить об «украинизации» российского политического процесса в последние годы, в частности об «украинизации» российского электорального законодательства, которое все больше превращается из законодательства об избирательных правах граждан в законодательство о вертикали избирательных комиссий. Так что, как ни крути, похожи мы буквально «до безобразия».

Различия, однако, тоже есть и вполне серьезные. Заключаются они, конечно, не в степени цинизма и уровне интеллекта политиков, а в более объективных обстоятельствах. В России есть собственный – российский – политический язык. Его основа заложена в XIX веке дискуссией «западников» и «славянофилов», которая получила развитие в либеральной, охранительной и народнической идеологиях, была снята «марксизмом-ленинизмом», вновь воспроизведена российскими коммунистами и российскими демократами в 1980–1990-х годах и затем вновь снята в «госпиаре» Прези-

дента В. Путина. Нынешние российские политики могут отказываться от какого угодно наследства, но они *volens nolens* наследуют российский политический язык, с помощью которого самоопределяются, отличаются друг от друга и, главное, общаются с избирателями.

На Украине собственного политического языка нет, его украинским политикам еще нужно создать. Действительно, с чего начинается национальная политика? С определения национальных интересов. Если так, то украинская политика, похоже, закончилась, едва начавшись. Оживленная дискуссия о ценности и цене независимости остыла и осталась в 90-х годах. Ничего нового и существенного не появилось. Сакраментальный геополитический выбор, на который часто, но не очень убедительно ссылаются украинские СМИ, объясняя ходы политических игроков, по-прежнему остается единственной идеологемой, претендующей на общезначимость. Между тем несоответствие надоевшего лозунга реальным интересам и запросам большинства украинского населения совершенно очевидно. Кроме того, этот вопрос отнюдь не объединяет население Украины. Ни «автономисты», ни коммунисты не смогли собрать большинства, чтобы двинуть Украину по одному из противоположных векторов: «обратно в Европу» или «обратно в СССР». Стало быть, украинской политической элите нужно наново формировать свой национальный политический язык, понятный народу и способный объединить граждан Украины в украинскую нацию.

Украинская национальная проблема как раз в том и состоит, что политические привычки остались, а великая политическая традиция со всей ее исторической героикой, идеологией и символизмом враз оказалась не своей, а чужой

Логично предположить, что украинский политический язык будет порожден энергией и пафосом нового государства. И вроде бы нельзя обвинить киевских начальников и львовских спич-рейтеров (теперь уже тоже киевских) в отсутствии энергии и недостатке пафоса. Однако их политическая энергия и державный пафос явно повисают в воздухе, не находя дружного отклика в широких массах украинского населения.

Похоже, лозунг сильного государства не является паролем политического успеха в украинских условиях, не обладая той популярностью, которую он имеет в России. Жители Украины в целом демонстрируют еще более последовательный, чем россияне, «политический пофигизм», который подкрепляется традиционным украинским бытовым автономизмом. Справедливость сказанного подтверждают и результаты социологических исследований, и результаты выборов.

Вряд ли, конечно, этнические украинцы, тем более этнически смешанное население мегаполисов Украины, принципиально отличаются от россиян по своей политической психологии. Вера-надежда на доброго царя, перекладывание ответственности за всё на начальство, готовность покориться сильной власти и, встроившись в эту власть, покорять других — все это общее. Да и как иначе, все-таки Российская империя и Советский Союз были не формами оккупационного режима, а формами совместного русско-украинского политиче-

ского предприятия. Украинская национальная проблема как раз в том и состоит, что политические привычки остались, а великая политическая традиция со всей ее исторической героикой, идеологией и символизмом враз оказалась не своей, а чужой: и Православный Царь, и Георгий-змееборец, и князь Багратион, и матрос Кошка, и красное Знамя Победы.

Малая же политическая традиция — больше книжная, чем народная, и, скорее, локальная, чем действительно всеобщая, — оказалась слишком слабой основой для строительства новой нации. В отличие от активистов этнической государственности, деидеологизированное большинство украинского истеблишмента догадывалось об этом с самого начала, но ставки были слишком высоки, чтобы отказаться. Следует признать, что прибыль от учреждения нового государства пока сводится к перераспределению административной ренты, а это по определению имеет не общенациональное, а сугубо верхушечное значение.

Таким образом, для обеих стран — правопреемниц СССР — характерны политическая апатия и отчуждение большинства граждан. И в России, и на Украине чрезвычайно распространены и развиты практики «ухода от государства», замещения государственных правоотношений неформальными частными «связями». При этом на Украине бегство от государства не компенсируется тем, чем оно компенсируется в России — идеологией сильного государства, которая освящена традицией и популярна как в верхах, так и в низах общества. Стоит ли удивляться, что призыв крепить державу остался киевским лозунгом, не став национальной идеей новой Украины?

Ко времени последних парламентских выборов наличие указанной политической проблемы понималось либо чувствовалось многими украинскими политиками. Тогда мне даже казалось, что у государственного руководства Украины просто нет возможности уклониться от обсуждения и решения креативной задачи, поскольку в его распоряжении не было достаточно объективных и субъективных компенсаторов. Не было мощного роста национальной экономики и благосостояния. Не было и большой популярности президента, на которую иногда может положиться государственный истеблишмент. Наоборот, экс-премьер В. Ющенко, отправленный в отставку и быстро ставший лидером оппозиции, достиг пика популярности. Между тем, Президент Л. Кучма и близкие к нему правящие группы не собирались проигрывать и даже ставили задачу обеспечить квалифицированное большинство в Верховной Раде нового созыва. Политическая подготовка к выборам началась довольно рано. В этом процессе участвовала и группа консультантов «Никколо М».

Любая пьеса начинается с названия. В названии политического объединения, в его лозунге и символах должно выражаться главное: зачем создано это объединение и с чем оно обращается к избирателям. Пропрезидентскому блоку, претендующему на статус партии большинства, необходимо было найти слова и символы, объединяющие и мобилизующие большинство избирателей.

В условиях явного дефицита объединительных политических идей и символов я предложил назвать объединение пропрезидентских партий Блоком «Богдан Хмельницкий». Присвоение этого имени позволило бы фактически монополизировать символический капитал. Хмельницкий занимает особое место в массовом сознании: абсолютное большинство граждан Украины счи-

Франц Хубманн. Очарование плаката. 1957

тают эту фигуру символом страны. Этот политический символ уступает в популярности лишь поэтическому символу Украины – Тарасу Шевченко. Судя по социологическим замерам, если поставить образ Хмельницкого в ряд с официальными государственными символами, окажется, что он сравним по популярности с желто-синим флагом, трезубцем и явно выигрывает у Конституции, национального гимна и Президента.

Символический капитал – это кладезь смыслов, тем, общепонятных ассоциаций. Имя великого Гетмана подчеркивает историческую преемственность государственной власти и уже поэтому идеально подходило для «президентского блока». При этом часть избирателей, ориентированных на «особый путь» Украины, могли слышать в имени Хмельницкого тему государственного единства, а другая часть, стремящихся к сближению с Россией и Белоруссией, узнают в этом имени тему единства трех народов. Таким образом, Хмельницкий – это имя-программа, из которого только ленивый не вытащит целую идеологию. С этим именем можно было обращаться к «славянофильскому» большинству украинских избирателей, можно было идти на электоральное поле «национал-особистов» и вполне можно было наступать на левом фланге (в силу советской канонизации Хмельницкого). Помимо прочего, Гетман Хмельницкий – это не только имя, но и знаменитый памятник, что давало замечательные возможности для политической рекламы.

Предложенная идея получила горячее одобрение у ряда украинских политиков. В администрации Президента Украины, однако, победила иная точка зрения. Пропрезидентский блок, в который были собраны Аграрная партия

Украины, Народно-демократическая партия Украины, Партия регионов Украины, партия «Трудовая Украина», а затем и Партия промышленников и предпринимателей Украины, получил название «За единую Украину!». Это был не лучший выбор. Не только потому, что пресса не называла блок иначе как «За ЕДУ!». Главное в другом: название «За единую Украину!» было явным парафразом российского «Единства». Но, как уже объяснялось, лозунг державного объединения в украинском контексте не дает того же эффекта, что в российском. В такой ситуации нельзя просто что-то повторить. Годность национальной элиты определяется ее способностью к историческому творчеству.

Группа консультантов, которой я руководил, осуществляла экспертное сопровождение одной из блокообразующих партий и персонально одного из лидеров образуемого блока. При этом мы взаимодействовали с французскими коллегами из кампании Жака Сегелы Euro RSCG. Именно французы предложили сделать основой первого этапа публичной кампании анкету, с которой лидеры нового политического объединения обратились бы к населению.

Распространение анкеты — хороший повод для связи с общественностью. Дальше все зависит от содержания публичной коммуникации. Поэтому к нашей анкете я относился как к топору, из которого русский солдат кашу варил. В качестве ингредиентов коммуникативного проекта были определены телевизионная реклама и распространение анкеты на пикетах, ньюсмейкинг нашего кандидата по экономическим и бюджетным вопросам (в Верховной Раде как раз шло многоэтапное обсуждение государственного бюджета), а также медиакампания и законодательные инициативы по трем направлениям, актуальность которых подтвердили социологические исследования: реформа системы здравоохранения, культурно-языковая политика, ужесточение уголовного наказания за организацию распространения наркотиков. Это хорошие примеры того, как много может дать политическому консультанту изучение национального законодательства и выявление актуальных правовых проблем.

К сожалению, однако, в результате внутренних трений и противоречий наша работа была прервана, а упомянутые социальные и законодательные инициативы не нашли завершения. Избирательная же кампания «президентского блока» вошла в бюрократическое русло, и каждая партия продолжала свою собственную политическую кампанию со своим партийным «пиаром» и своей партийной рекламой!

Отказ от системной, профессиональной работы по связям с общественностью и переоценка возможностей «административного ресурса» привели к вполне закономерным результатам. В то время как блок В. Ющенко «Наша Украина» собрал 23,6 процента голосов, а Коммунистическая партия Украины — 20, блок «За единую Украину!» получил лишь 11,8 процента.

Учиться говорить о политике не с политиками, а с гражданами, трудно. Это труднее, чем «нанять пиарщиков».

Поиски идентичности

Scherrer Jutta. **Kulturologie. Russland auf die Suche nach einer zivilisatorischen Identitaet.** — Goettingen: Wallstein Verlag, 2003. — S. 188

«Культурология» Ютты Шеррер — не учебное пособие, как можно было бы предположить, прочитав название. Подзаголовок книги все объясняет: «Россия в поисках цивилизационной идентичности». Речь, следовательно, идет о попытке автора (и попытке, на мой взгляд, успешной) понять и объяснить суть происходящего в современной российской культурологии в том ее аспекте, который отсылает нас к поискам ответов на сакраментальный вопрос: что такое Россия?

Книга Ю. Шеррер написана на немецком языке и, очевидно, рассчитана на германоязычную аудиторию. Однако я убеждена: она заинтересует и российского читателя, и не только потому, что взгляд на себя со стороны всегда полезен и по определению более объективен, но и потому, что, взяв на себя громадный труд по чтению и анализу множества текстов, автор систематизировала свои впечатления, проследила генеалогию российской культурологической науки. Благодаря этому читатель получает целостное видение происходящего в российской культурологии; если же картина кажется не слишком впечатляющей — претензии не к автору, а к предмету.

Широкое распространение самого термина «культурология» относится к периоду «поздней перестройки»: концу 1980 — началу 1990-х годов. Как обязательный общеобразовательный предмет культурология появилась в российских университетах в 1992 году; тем самым, как утверждали злые языки, вся невостребованная более интеллектуальная лавина преподавателей марксизма-ленинизма, диалектического материа-

лизма, научного коммунизма устремилась в русло культурологии. Действительно, эти кафедры буквально за ночь коренным образом поменяли ориентацию (справедливости ради стоит отметить, что лавина «накрыла» не только культурологию; такая же, если не хуже, ситуация сложилась и в политической науке).

С середины 1990-х годов культурология утверждается в качестве отдельной, самостоятельной науки со своими специальностями: теорией культуры, исторической культурологией, музейным делом, сохранением и реставрацией культурно-исторического наследия, прикладной культурологией. Расцветают факультеты и кафедры культурологии; библиотеки — не только столичные, но и провинциальные — пополняются новыми изданиями (в основном переводами трудов классиков зарубежной культурологии). Всё как будто здорово...

На самом деле — не очень. Мне представляется, что самая легкая, начальная фаза развития культурологии исчерпала себя довольно быстро. То был период, когда стал доступен массив зарубежного опыта, когда новорожденная отечественная политология заполняла идеологический вакуум, когда пафос заключался в самом озвучивании, подчас надрывном, нашего — применительно к России — неизменного: «Что делать?» и «Кто виноват?». Но сейчас этого уже явно недостаточно; требуется сказать, написать, научить *новому*.

Ютта Шеррер в своей книге затрагивает массу интереснейших сюжетов. Я обращусь лишь к некоторым из них, к тем, которые кажутся мне наиболее показательными.

Прежде всего, конечно, один из излюбленных наших мотивов: российская самобытность. В нашем контексте — самобытность российской культуры и, соответственно, российской культурологии. Речь идет о распространенном в отечественной культурологии представлении о том, что *на сегодняшний день в мире не существует научного направления, сравнимого с российской культурологией*. Это положение воспринимается как повод для гордости, хотя, на мой взгляд, эмоциональная реакция должна быть, скорее, противоположной. Сколько можно носиться с мифом о российской исключительности?

«Умом Россию не понять...». Пусть меня обвинят в недостатке патриотизма, но эти слова хорошего поэта Тютчева всегда казались мне нелепыми. Хуже того, они звучат как оправдание нашей российской действительности. При этом мы лукаво обращаем их к иностранцам, дескать, вам не дано понять, а мыто свою страну чувствуем. И этого, якобы, достаточно. Недостаточно...

Одно из наиболее «привилегированных», как пишет Шеррер, направлений российской культурологии: Россия и Запад. Богатая тема, пышно расцветающая на нашей почве вот уже более десяти лет. Россия как «мост», посредник, медиатор между Востоком и Западом, или — Россия, раздираемая собственной противоречивостью: принадлежностью духовно к европейско-христианской цивилизации, а социально-экономически — к традиционному азиатскому способу производства. Шеррер внимательно и вдумчиво прослеживает истоки разных концептуальных подходов, останавливаясь особо на евразийстве, показывая, как и чем живет современное «антиглобализационное неоевразийство». Направление, действительно, безумно интересное, однако, как совершенно правильно отмечает автор, оказавшееся крайне привлекательным для историков-дилетантов, дающее пищу для самых абсурдных спекуляций, в том числе радикально-политического толка. Вообще сама тема положения России между Востоком и Западом и, особенно обращение к евразийству, волейневолей притягивают культурологию на опасно близкое расстояние к политическому полю.

Мне представляется очень важным наблюдение Шеррер о том, что, невзирая на подчеркиваемую в культурологических текстах мультиэтничность Российского государства, данная тема получает слабое развитие в учебниках. Российская культура, таким образом, понимается исключительно как *русская*, то есть как феномен, связанный с русским этносом. Подчеркивается лишь значимость «русской идеи», которая связывает татар, башкир, чувашей и другие этносы. Шеррер объясняет это свойство российской культурологии, в частности, имперским прошлым России, тем, что пропагандируемое культурологами «цивилизационное самосознание» России, помимо религиозного фактора, тесно связано с по-прежнему существующими представлениями об империи, господстве, государственности. Автор полагает, что с распадом Советского Союза «имперское сознание» не распалось и поныне представляет собой существенную составную часть русской традиции.

С этим положением я не могу полностью согласиться. Мне кажется, здесь существует четкая разделительная линия между сознанием элит и сознанием населения. Действительно, в сознании элит «имперскость» присутствует очевидно (достаточно вспомнить политические действия и заявления российского руководства, относящиеся к территории постсоветского пространства); что же касается населения, то говорить о его «имперском сознании» — значит по меньшей мере сильно преувеличивать.

Последнюю главу своей книги автор посвящает проблемам «прикладной культурологии», хотя, как видно, единства в определении здесь нет. «Прикладная культурология» трактуется либо как политическая практика («культурная политика»), либо как комплекс вспомогательных культурологических дисциплин (архивное, библиотечное дело, краеведение и тому подобное). Шеррер исследует в основном тексты, посвященные культурной политике, и метко подмечает типичные для них сетования на всеобщий упадок нравов, критику коммерциализации культуры (что привело к потере последней «высокой духовности») и, главное, недостаток финансовых средств, получаемых от государства. Эти «старые песни о главном» всем хорошо знакомы.

Мне кажутся справедливыми выводы автора, хотя они, естественно, не могут радовать. Безусловно, наши любимые разговоры о «российской самобытности» (опять-таки «умом Россию не понять...») блокируют диалог между культурами, который был бы крайне плодотворен. Как подмечает автор, препятствием для развития диалога служит, помимо прочего, нежелание отечественных культурологов обсуждать многие темы с «непосвященными», в данном случае с иностранкой (думаю, что реальные основания этого нежелания еще более неприглядны, нежели те, на которые указывает Шеррер). Действительно, российская культурология не преодолела еще уровень излюбленных, патетических и одновременно наивных, вопросов. К выводам автора мы приходили и сами (просто не всегда приятно их формулировать, хотя бы для себя); это значит, что ссылки на невозможность понимания России чуждым ей умом неосновательны.

Ирина Бусыгина

Региональное книжное обозрение

В.П. Мохов. **Региональная политическая элита России (1945–1991).** – Пермское книжное издательство, 2003. – 238 с.

В предисловии автор сообщает, что представленная вниманию читателей работа является продолжением его монографии, вышедшей пять лет назад, – «Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990)». Действительно, недилетантский ее характер сразу бросается в глаза. Обращают на себя внимание структурированность текста, строгость формулировок, логическая корректность большинства классификаций, что заметно отличает данное исследование от многих работ современных отечественных обществоведов из российских регионов. В содержательном плане книга информативна и наверняка была бы полезна более широкому кругу читателей, учитывая ее скромный тираж – 500 экземпляров.

Во *введении* автор размышляет о природе советской региональной элиты. По его мнению, в первые годы советской власти и позже, во времена Сталина региональная элита играла инструментальную роль, выполняя «черновую работу по обеспечению условий модернизационного рывка СССР» (с. 12). И называет эту элиту «элитой идеи», для членов которой политическая линия, экономические преобразования были лишь средствами достижения идеальной цели. Со второй половины 1950-х годов начинается, однако, ее трансформация, поскольку к региональной номенклатуре переходит все больше властных полномочий, а идеалистическая психология сменяется конформистской. В результате в 1960–1980-е годы партийная и государственная элита, по словам автора, «обмирщилась», «десакрализовалась», занявшись «торговлей властными полномочиями» и сосредоточившись на «исполнении бюрократического долга». Таким образом, сама «логика развития подталкивала и региональную элиту к совершению следующего шага – к конвертации власти в собственность» (с. 15).

Первая глава книги носит концептуальный характер, в ней рассматриваются значения терминов «элита» и «советская элита» Поэтому стоит остановиться на этом подробнее. На мой взгляд, едва ли корректно само авторское использование понятия «элита» по отношению к управленческому аппарату вообще и советскому – в частности. Если следовать традиционному, устоявшемуся пониманию этого термина, то элита (интеллектуальная часть общества) и управленческий аппарат («номенклатура») – все же разные вещи. В своей работе В.П. Мохов придерживается следующей дефиниции: «Элита – по определению – включает в себя всех влиятельных лиц, ответственных за выработку и принятие важных решений» (с. 41). Думается, это слишком расплывчатое, хотя в последнее время и весьма распространенное определение. Да, оно позволяет выделить в обществе более активное меньшинство, но при этом скрывает выделение внутри данного меньшинства собственно «движущей силы». Так что к «элите», если употреблять это слово в более строгом значении, я бы отнес только ту общественную группу, которая в качестве первопричины, а не инструментально определяет архитектуру общества. Разумеется, именно управленцы непосредственно осуществляют действия, поддерживающие, изме-

няющие или демонтирующие определенный общественный строй. И все же они подобны, скорее, строителям, реализующим проекты архитекторов. Определение же автора ставит фактически знак равенства между «строителями» и «архитекторами». И в результате инструментальная и собственно движущая силы сливаются. Не говоря уже в этом контексте о такой «влиятельной силе», как бюрократия, разлагающей в наших условиях общество, она тоже далека от элиты. В конце главы автор разводит понятия «политической» элиты и «властной» элиты. В советском обществе, пишет он, политическая элита была основным консолидирующим элементом властвующей элиты, не позволяющей последней «расколоться под давлением объективно различающихся интересов» (с. 51). Такое различение представляется довольно интересным, хотя с логической точки зрения, а тем более в контексте обсуждаемой проблемы, оно также небезупречно, поскольку четких определений «политической» и «властвующей» элит автор так и не приводит.

Во *второй главе* рассматривается эволюция региональной советской «элиты» после 1945 года. В хронологической последовательности здесь говорится о доминирующей роли госаппарата по отношению к партийным чиновникам в послевоенный период, усилении региональной партийной номенклатуры при Н.С. Хрущеве и о предпринятых им начинаниях по децентрализации управления, о «золотом веке» региональной номенклатуры в «годы застоя», о кадровых чистках Ю.В. Андропова. Завершается эта «сага», разумеется, «перестройкой».

Третья и четвертая главы носят, в общем-то, фактологический характер. В третьей главе содержится немало сведений о структуре, численности, схеме управления советской региональной элиты, в четвертой — о социальном происхождении, образовательном уровне и других персональных характеристиках ее представителей. Завершает работу обширное приложение, в котором приводятся статистические данные.

Несколько озадачивает отсутствие в книге заключения, в котором следовало бы сформулировать итоги исследования. Хотя, строго говоря, их можно найти во введении, тем не менее, жанр научной монографии, на мой взгляд, требует специального заключения.

Александр Капишин

Н.С. Бондарь, Ю.В. Капранова. **Конституционное измерение равноправия граждан Российской Федерации.** — Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2002. — 192 с.

В системе фундаментальных ценностей современного демократического правового государства равноправие человека и гражданина занимает особое место. В рецензируемой работе институт равноправия рассматривается с точки зрения его конституционно-правового понимания; в ней анализируются социальное и юридическое содержание принципа равноправия, а также формы его реализации, как в отраслевом законодательстве, так и в правоприменительной практике. При этом особое внимание, которое уделяется правовым позициям Конституционного Суда РФ, не случайно. Один из авторов книги, Н.С. Бондарь — судья Конституционного Суда РФ — изучает проблемы равноправия как конституционно-правового принципа с 1980-х годов. Проведенный авторами анализ практики Конституционного Суда РФ показывает, что в

рамках обеспечения режима равноправия было принято множество решений о несоответствии Конституции РФ отдельных положений ряда законов, нарушающих этот принцип.

Авторская концепция представляется стройной и логичной, поскольку основывается на последовательном рассмотрении равноправия как базовой конституционной ценности современных демократий. Авторы исследуют соотношение равенства и свободы в их единстве и противоречии, задаваясь при этом вопросом о возможности сосуществования свободы и равенства в едином режиме равнозначных нравственно-этических и юридических величин. В данном аспекте, по их мнению, равноправие граждан должно рассматриваться как «равенство в свободе» или — как мера свободы, одинаково применяемая к каждому. Ибо идея равноправия уже несет в себе элементы справедливости. В этом смысле правовое равенство обладает ярко выраженным социальным содержанием и составляет неотъемлемую часть социального равенства.

В качестве отправной точки в понимании равноправия авторы используют положение о равенстве объема юридических возможностей. Однако, подлинное равноправие граждан, подчеркивается в монографии, может быть обеспечено лишь с использованием всей совокупности экономических, политических, социально-культурных, правовых средств, которыми располагает современное общество. В рецензируемом исследовании конституционный принцип равноправия определяется как универсальный, имеющий многоуровневое закрепление и включающий в себя множество нормативных требований и форм проявления, перечень которых носит открытый характер. В конечном счете авторы делают вывод о том, что конституционные основы равноправия — в объективном смысле — представляют собой совокупность институтов, обеспечивающих режим равноправия граждан РФ во всех сферах государственной и общественной жизни. А функциональное предназначение этого принципа для гражданского общества связывается с достижением юридического равновесия на основе баланса интересов отдельных личностей и их групп.

Обращаясь к сложной проблеме соотношения «равенства возможностей» и «равенства результатов», авторы отмечают: идеям свободы и рыночной экономики отвечает лишь требование равенства возможностей, которое на правовом уровне раскрывается через равенство перед законом. Поэтому, следуя современной концепции конституционного права, они допускают возможность отклонений от правового равенства, которые состоят в разного рода ограничениях и преимуществах. Причем ограничения допускаются государством в исключительных случаях, а преимущества устанавливаются специальными нормами о привилегиях и льготах. В этой связи авторы справедливо подчеркивают, что множество отступлений от правил не следует рассматривать как нарушение конституционного принципа равноправия; эти исключения не играют роль изъятий, а выступают в качестве необходимой составной части общего содержания принципа равноправия.

В конституционном статусе личности равноправие выступает как системообразующий принцип. По образному выражению авторов, он как бы «растворяется» в конституционных правах, свободах и обязанностях во всех формах их реализации. Эффект «присутствия» принципа равноправия в каждом основном праве обеспечивает равные для всех правовые возможности пользоваться соответствующими благами.

Инга Старостина,
доцент юридического факультета МГУ

Контрапункт

Александр Архангельский, «Известия» – специально для «Общей тетради»

КТО И ОТКУДА

Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия. – М: РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук», 2003. – 277 с.

Скучные ученые слова, вяжущие, пресные, сразу наливаются смыслом, как только мы налагаем их на реальность нашего политического мироустройства. Таково слово «идентичность». Россия, 21 августа 1991 года вырвавшаяся из-под советского спуда, а 17 декабря того же года разорвавшая мертвый узел коммунистической империи, не задала себе два главных вопроса, без ответа на которые невозможно движение вперед. А именно:

– Кто мы и откуда наши корни?

– На каких исторических традициях строим *принципиально новое* государство и учреждаем *принципиально новое* социокультурное, полиэтническое образование, привычно именуемое нацией?

Тогдашним либералам и демократам, умеренным националистам и запоздалым сторонникам демплатформы казалась дикой сама мысль о том, что Россия после 1991 года и Россия до 1991-го (тем более – до 1917-го) – это омонимичные наименования *разных* стран, *разных* цивилизационных и политических укладов. Их раздражали любые попытки поставить вопрос о том, что сегодняшнюю Россию с ее дореволюционным прошлым объединяют только национальные культуры и конфессиональные уклады. При том, что традиционная культура и традиционная вера стали в ны-

нешнем обществе достоянием меньшинства: при готовности 90 процентов россиян формально отождествлять себя с православием, лишь 4–5 процентов живут церковной жизнью; то же и с национально-культурной идентичностью. Значит, в целом и страна, и народ как «исторические единицы» находятся в стадии становления, они заново формируются, а не восстанавливаются после «семидесятилетнего рабства». Но элиты отчета себе в том — не дают.

Более того, не были обсуждены и осмыслены различия между общенациональной, этнической и региональной самоидентификацией. Популярные говорухинские формулы «Так жить нельзя» и «Россия, которую мы потеряли», сколь пафосные, столь и расплывчатые, точно передавали суть тогдашнего жизнеощущения. Вокруг — ужас, позади — свет. Что впереди, непонятно. А потом начались мучительные экономические реформы, политические потрясения, дефолты и черные вторники; нации и ее политическому классу стало не до теорий и дифиниций. Между тем, связь личности с региональной традицией бывает подчас сильнее и очевиднее связи со страной; связь со страной для многих людей и групп заменяет национальную принадлежность; связь с национальной традицией подчас подменяет общечеловеческие ценности, а эти последние вырождаются в новую утопию всеобщего глобального благоденствия...

Этнологи, культурологи, историки, религиоведы, политологи, в 2002-м собравшиеся при поддержке Кеннановского института в Великом Новгороде на конференцию по проблемам идентичности, эти проблемы — поставили; будем надеяться, что их услышат политики; лучше поздно, чем никогда. Потому что вопросы, которые, например, предлагает к обсуждению Эм. Паин в статье «Проблемы самоидентификации россиян: со страной, с регионом, с этнической общностью», — более чем актуальны. Особенно те, что ставятся в разделе сборника «Социально-политические факторы динамики этнического самосознания». «Признавая важное значение национальных элит в разжигании межэтнической розни, в эскалации конфликтов, нельзя все же и переоценивать их роль. Так, если националистические лидеры и организации столь влиятельны, то почему в одних районах они появляются и укореняются, а в других нет? Почему, появляясь в многих районах, они добиваются своего лишь в некоторых?».

А потому и добиваются, что в условиях смыслового вакуума формируются смутные социальные обиды. Эти обиды затем связываются с национальным или региональным наследием, проецируются в историческое прошлое и затмевают собой настоящее. В том случае, если обиды успевают пригасить, как это происходило, например, в Татарстане, потенциальные конфликты сглаживаются; там, где обиды подкрепляются общественно-политическим неблагополучием, вспыхивают локальные войны. Чему Чечня — примером. Сейчас — и тут Паин прав — наша политическая элита все чаще делает ставку на русский национализм, на чувство утраченного прошлого; это чревато тяжкими последствиями. Но ведь потому и возможна эта ставка, потому и грозят нам эти последствия, что мы вовремя не объяснились сами с собой по ключевой проблеме общенациональной идентичности. Точнее, как определяет эту проблему другой автор сборника, Денис Драгунский, не осмыслили феномен *ансамбля идентичностей*, множества парадигм, объединенных (или не объединенных) интегральной идеей.

Впрочем, существует не только внутрироссийский контекст; не выяснив отношения со своим прошлым и настоящим, мы тем временем незаметно встроились в

общемировое будущее с его глобалистским устройством. Об этом аспекте рассуждали на конференции (соответственно, и в сборнике) Ирина Ушанова и Людмила Правикова, Наталья Иванова и Владимир Якимец... Как бы то ни было, прежде чем ответить на вопрос, куда мы движемся, надо дать ответ на другой, не менее важный вопрос: откуда мы уходим и что забираем с собой. Как в стихах Пастернака: «Но кто мы и откуда,/ Когда от всех тех лет/ Остались пересуды,/ А нас на свете нет?».

ОТКУДА И КУДА

Политические и экономические преобразования в России и на Украине. — Издание осуществлено при поддержке Института им. Дж. Кеннана Международного научного центра имени Вудро Вильсона. — М.: «Три квадрата», 2003. — 343 с.

Перекличка между замыслами обоих сборников очевидна; она обнажена прямыми текстовыми и смысловыми параллелями между статьей Эм. Паина, включенной в книгу «Проблемы идентичности» — и его же разработкой, выполненной в соавторстве с Л. Дробижевой для исследования «Политические и экономические преобразования в России и Украине». И там и тут главная угроза демократическому благоденствию России усматривается в умонастроениях элиты: «нарастание русского национализма как идеи политического доминирования этнического большинства».

И там, и тут идет речь о комплексе социальной неполноценности, который выступает психологической основой такой идеологии. И там, и тут региональное мировосприятие осознанно отделено от общенационального, а общенациональное — от общечеловеческого (другое дело, что в российско-украинском сборнике делается это объемней, основательней, с таблицами и графиками). И там, и тут появление чувства неполноценности и зарождение опасной идеологии напрямую связываются с неудачами затяжной чеченской войны, в которой невозможно выделить однозначно неправую сторону...

В целом же сборники строятся по совершенно разным принципам. В первом случае — это собранье пестрых глав, захватывающих широкий спектр вопросов, связанных с идентичностью. Зато ставящих нашу реальность в общемировой контекст. Во втором — целенаправленное соположение исследований на заданную тему: как Россия и Украина искали свою новую роль

после распада СССР. Вот российские экономические реформы (А. Алексеев, А. Некипелов) — а вот украинские (И. Бураковский, В. Новицкий). Вот «московская» политическая система после 1991-го (И. Клямкин, В. Смирнов), а вот — «киевская» (А. Гарань, С. Макеев). Вот русская этнополитика (Л. Дробижева, Э. Паин), вот украинская (А. Майборода)...

О последнем разделе разговор особый; его писали не историки и политологи, а этнологи, привычные к актуальности и мыслящие не столько диахронически, сколько синхронически. Историкам же пришлось нелегко. Главное преимущество и главный недостаток их академических по форме, публицистических по содержанию штудий — в незавершенности объекта исследования. И политические системы, и экономические модели России и Украины не сложились, не

оформились окончательно, находятся в стадии становления. Применять к ним академическую методу, по большому счету, невозможно: не выявлен круг достоверных источников, самоощущение современников не отделено до конца от вненаходимой позиции исследователя; стремление к объективности неизбежно наталкивается на внутреннюю позицию самого ученого, как бы он ни пытался с ней бороться. Тем не менее — ученый борется, предпочитая пересушить и «переобъективировать» текст, нежели сорваться на «актуалку». Это не упрек авторам; это констатация факта.

Но вот тут самое время вернуться к третьему, финальному разделу книги. Этнополитическому. Он-то и привносит в политэкономические штудии историков ключевой *прогностический* смысл, разворачивает разговор о прошлом в направлении будущего, добавляет философское содержание в подчеркнуто-обезжиренные академические выводы, объясняет, *что же на самом деле* стояло за тем или иным решением русских и украинских политиков в 1990-е годы; что стояло, к чему приводило — и к чему еще может привести.

На самом деле за каждым — подчеркнем, каждым! — серьезным решением российских и украинских политиков в это революционное десятилетие стояли не только экономические интересы и политические предпочтения; за ними крылся, неважно осознаваемый или нет, цивилизационный выбор, основанный на поиске новой идентичности. И в подходе к приватизации. И в вопросе о полномочиях президента, и в выборе принципиальной модели устройства республики (президентская, полупрезидентская, парламентская...). На ощупь, в исторических полупотьмах, натыкаясь на преграды, разбивая лоб в кровь, но наши общества и народы двигались навстречу Европе — и навстречу самим себе.

Обидно будет, если это движение — шаг назад, но два все же вперед! — будет свёрнуто или даже обращено вспять на том лишь основании, что «электорат» устал от революционных потрясений и жаждет покоя, стабильности, топтания на месте. Да, усталость от потрясений есть. Но нет никакой усталости от поиска глобального смысла для частного политического существования; нет никакой усталости от процесса национально-культурного самоопределения. Наоборот, есть накапливающееся разочарование узостью идеологического горизонта принимаемых решений, политикой малых дел.

Недаром недавнее выступление Анатолия Чубайса в питерском инженерном институте, выпускником которого был “железный приватизатор”, вызвало такой бурный отклик. Независимо от того, как мы относимся к конкретным идеям Анатолия Чубайса, который призывает Россию поставить перед собою новую историческую цель, оформиться в либеральную империю, способную на равных взаимодействовать с «кольцом великих демократий», от Америки до единой Европы и Японии. Политик, стоявший у истоков тех процессов, которые диахронически исследуют авторы рецензируемой книги, вновь предлагает нации собраться, сосредоточиться и начать новое движение. Навстречу истории. Навстречу идентичности. А значит, навстречу себе.

История не кончилась. Страна продолжается.

Этика в политике, или о необходимости подавать пример в публичной жизни*

Не хотелось бы, чтобы тема моего сообщения некоторой своей претенциозностью создала ошибочное представление у тех, кто почтил меня своим присутствием на этом семинаре. Я совсем не собираюсь предлагать вашему вниманию поучительное исследование об этике и политике, в частности потому, что с тех пор, как существует мир, человек практически не занимался ничем иным, кроме борьбы за достижение этически приемлемого поведения в общественной жизни. Я намерен лишь в этой связи предложить вам некоторые рассуждения о нынешнем развитии политической жизни в наших демократических обществах и о тех проблемах, от которых мы страдаем вследствие, как мне кажется, заметных недостатков этического поведения в рамках политических отношений и индивидуальных действий политиков.

Альваро Хиль-Роблес, комиссар Совета Европы по правам человека

Предварительные замечания

Платон рассказывает в «Протагоре», что Зевс направил своего посланника Гермеса наделить людей двумя основными элементами человеческой цивилизации, пояснив: «Дай им от меня закон, и пусть они изгонят из города, как злую болезнь, всякого, кто не способен приобщиться к "*eidos*" и "*diké*"». Современный испанский философ Фернандо Саватер, комментируя эту цитату в своей книге «Этика как самолюбие», напоминает нам, что «*eidos*» — это целомудрие, уважение, нравственное чувство, а «*dike*» — непосредственное чувство справедливости. Следовательно, сфера этики соответствует «эйдосу», а сфера права принадлежит «*dike*», что предполагает формальное возведение в ранг института того, что касается каждого из нас, включая совокупность гарантий, обеспечивающих его защиту. Когда политика входит тем самым в сферу «кратоса» — насильственной силы, которая навязывает себя как поработитель для обеспечения иерархической стабильности сообщества, без нее ни «*dike*», ни «*eidos*» не нашли бы сферы для своего осуществления.
Такова, по словам Саватера, жесткая природа политики: у нее нет более высокой цели, нежели обеспечить эффек-

** Выступление на семинаре Школы в Голицыно 19 июля 1999 года.*

тивное утверждение морали и права, но она не может непосредственно подчиниться этим инстанциям (так как это сделало бы невозможным выполнение ее опорной роли). Либо своевольно освободиться от них, что в конечном итоге чревато явным извращением самой сути политики, а именно — отрицанием ее единственно подлинного смысла существования.

Философ прекрасно определил соотношение между политикой, этикой и правом. Поэтому позвольте мне после данного утверждения отдалиться от этой стези чисто философского анализа и перейти на более понятный язык.

Дабы приблизиться к этой цели, сошлюсь на определения, которые предлагает Словарь (разумеется, Королевской академии испанского языка), имеющие отношение сначала к *политике*.

1. Искусство, учение или суждение, касающееся управления государством. 2. Деятельность тех, кто управляет или стремится управлять общественными делами. 3. Деятельность гражданина, участвующего в общественных делах посредством своего мнения, голоса или любым иным образом.

И тот же Словарь дает следующее определение *этики*: «Раздел философии, трактующий вопросы морали и обязанностей человека».

Таким образом, следуя за Зевсом, Саватером и Словарем, дальше я буду говорить о политике как о деятельности, связанной с управлением общественными или коллективными интересами, и об этике как об **обязанностях** и **ноше**, которую должны принять на себя те, кто посвящает себя служению этой задаче. То есть о том, что следует понимать под этическим поведением в связи с политической деятельностью.

Напомню, что демократическое государство немыслимо без его конституционной основы, образующей политическую и организационную систему общества. В нем провозглашается разделение властей, признаются основные права и свободы человека и так далее. Все это суть важные и непреложные факторы, указывающие на различие между демократией и диктатурой. Но в то же время этого явно недостаточно, если мы не хотим подвергаться риску остаться в рамках формальной, пустопорожней демократии. И учитывая, что ее настоящее, а не только будущее, зависит в первую очередь от доверия граждан к существующей демократической системе.

Следовательно, демократия должна опираться не только на формальную основу, дающую ей жизнь (конституция и законы), но также на демократические обычаи и обязанности, которые нередко бывают не прописаны и формально не регламентированы, но являются не менее важными для функционирования системы. Лишь в этом случае будет сохраняться доверие граждан к системе, устанавливающей рамки для их сосуществования, а также в отношении лиц, которые принимают на себя ответственность за управление общественными делами и тем самым становятся видимым и представительным олицетворением ее институтов. При отсутствии же такого взаимодействия (которого в идеале никогда не бывает) доверие к демократической системе и ее институтам неизбежно ослабевает, подрывается, растет социальная пассивность, равнодушие и цинизм.

Воспрепятствовать тому, чтобы подобные негативные явления не распространялись в обществах с давней демократической традицией и не укоренялись в странах, лишь недавно пришедших к свободе, — такова великая ответственность, лежащая на тех, кто действительно верит в демократию и созидание на ее основе поистине свободного и ответственного общества.

Как этика соотносится с политикой?

Разумеется, этика должна присутствовать во всех сферах человеческой деятельности, включая политику.

Политик обязан соблюдать этические нормы поведения в своей профессиональной деятельности, так как она носит публичный характер. И граждане вправе всегда требовать от него соответствия между провозглашаемыми им политическими принципами и поведением в частной жизни.

Цель сохранения или достижения власти в условиях демократии отнюдь не оправдывает использования для этого любых средств, а тем более… направленных на дискредитацию оппозиции и недопущение ее к власти

То есть нелишне напомнить, что политик, избираемый гражданами или стремящийся к этому, не должен совершать шагов, дискредитирующих его как человека. Поскольку его личное поведение и последовательность в отстаивании своих идей служат ориентиром для других, возможным примером для молодежи и для граждан страны в целом. Это нелегкая ноша, однако, не следует забывать, что она принята добровольно.

И то же самое относится к сфере политической деятельности. В этой связи лично я, например, всегда отношусь с подозрением к тем, кто избирается под вывеской какой-либо партии, а затем становится перебежчиком, ставя добытое таким путем представительство на службу интересам другой партии или просто своим собственным. Такое поведение, на мой взгляд, не менее аморально, так как оно подрывает смысл востребованного голоса, доверие граждан к выборному процессу и уважение к демократическим правилам.

Так же противоречащими политической этике представляются мне и «противоестественные» пакты политических партий, забывающих о своих программных платформах, служащих опознавательными знаками для избирателей, с единственной целью завоевать определенные и фактически временные позиции в эшелонах власти. Подобная видимость политического прагматизма, сопровождающаяся к тому же не всегда пристойными личными поступками политиков, вызывает среди избирателей чувство отторжения и разочарования в демократической жизни. Не говоря уже о том, что этим часто пользуются противники демократии, заявляя, что «по сути, все демократы одинаковы» (подразумевается, в смысле их коррумпированности и неискренности), и призывают на выборах голосовать за тех, кто обещает навести порядок.

Поэтому имеет смысл изыскивать здесь формы, способные обязать политиков и общественных деятелей уважать нравственные принципы и ценности, присущие демократии. Или, другими словами, то, что мы называем обычно соблюдением правил общественной морали. Например, не так давно в Комиссии Европейского союза один из ее членов принял предложение о приеме на работу в международной компании, деятельность которой была связана с его компетенцией, что, естественно, вызвало громкий скандал, и, безусловно, заслуживает осуждения.

То есть я хочу сказать, что в современном обществе немало факторов, угрожающих политику, какую бы должность он не занимал. Но в чем нет никаких сомнений, так это в том, что оно не должно терпеть политиков и общественных

деятелей, чьи поступки и поведение противоречат этическим нормам и правилам при осуществлении их служебных функций. Если такое происходит, — это явное свидетельство кризиса, который может привести к власти любые антидемократические силы.

Именно поэтому меня так возмущают факты нередко откровенного восхищения в средствах информации людьми, которые добились успеха. Когда журналисты не задаются вопросом, как они этого достигли и насколько их интересы совпадают с интересами общества, и кто из мира политики тайно или явно стоит на службе этих самых интересов.

Но, ратуя за индивидуальное этическое поведение в политике, мы тем самым еще не исчерпываем наш вопрос. Это же требование следует распространить и на профсоюзы, на лица юридических профессий и другие организации, исходя из тех целей, во имя которых они были созданы, и не проституировать их особенно в момент принятия решений, имеющих внешние последствия и значение для отношений между партиями. Ибо ничто так не деморализует граждан, как зрелище политических партий и организаций, которые финансируются из сомнительных источников, то есть движимых интересами далекими от воли избирателей.

Ясно, что в условиях демократии чрезвычайно важны прозрачность и свобода информации. Лишь информированный народ способен объективно оценить поведение политиков и их ошибки. Свобода информации при плюралистичности самих средств информации — один из важнейших устоев демократии, и мы должны защищать его со всей энергичностью. Не забывая одновременно, что СМИ замалчивают порой интересующие нас факты. Чаще всего это объясняется тем, что прозрачность информации, которую мы считаем основополагающей, ставится под сомнение даже ответственными политиками.

Например, известно, что крупные лидеры послевоенного периода, несомненные демократы, разделяли концепцию об ограничении информации, полагая, что таким образом они обеспечивают лучшую защиту демократической системы. И это обстоятельство, наряду с существовавшим в то время уровнем развития технических средств, приводило к отсутствию информации у граждан относительно поступков тех или иных политиков. К счастью, ныне подобные факты скрыть от общественности труднее.

И последнее, на что я также хотел бы обратить внимание. Цель сохранения или достижения власти в условиях демократии отнюдь не оправдывает использования для этого любых средств, а тем более тех, которые предполагают совместные действия политических сил, групп масс-медиа и финансовых объединений, направленных на дискредитацию оппозиции и недопущение ее к власти. Эти методы не только противоречат политической этике, но и являются антидемократическими по сути, создавая благодатную почву для возможных более тяжких последствий для демократии. Те, кто поддается такому соблазну, мечтая о достижении власти, сползают по наклонной плоскости и неизбежно станут заложниками и соучастниками антидемократических действий, которые дезинформированная общественность не сможет оценить в нужный момент.

Этот опасный симбиоз между отдельными группами средств массовой информации и конкретными экономическими и политическими интересами был описан, в частности, Сержем Халими в его остроумной книге «Новые сторожевые псы» (Париж, 1997).

Не буду дальше останавливаться на этой теме, ибо это может увести нас в сторону от цели моих кратких размышлений. Отмечу лишь, что каждый раз, ког-

да ставится эта проблема, она наталкивается на барьер, именуемый свободой информации, которая будто бы безгранична и в то же время подвержена саморегуляции. Но так ли это — другой вопрос и другая тема для дискуссии, как бы она ни была для нас занимательна.

Заключительные размышления

Когда-то Макиавелли писал: «Всякому понятно, сколь похвальна в государе верность данному слову и способность жить честно, без хитрости. Однако опыт наших дней показывает, что именно государи, вершившие великие дела, придавали мало значения своему слову, хитростью умели ввести в заблуждение немало людей и в итоге превосходили тех, кто руководствовался в своих действиях верностью». Очевидно, что подобные взгляды отчасти и послужили почвой для проявлений нетерпимости вроде тех, что имели место в годы правления Савонаролы во Флоренции (1494–1498).

Совет Макиавелли являет собой пример того, что противоположно отстаиваемой мною позиции, хотя ему и продолжают следовать сегодня политики в самых разных странах. У меня же нет никаких сомнений в том, что он наиболее отдален от модели демократического общества, в котором мы стремимся жить. В битве за верховенство этики в политике, за торжество демократических принципов и ценностей в политическом действии, за соблюдение нравственных ценностей и обязательств человека по отношению к ближнему недостаточно лишь разоблачать кого-то или восхищаться. Как недостаточно и того, чтобы мы вооружились законами, позволяющими наказывать человека за правонарушения. Все это необходимо, но требуется и кое-что еще. А именно — воспитание человека в духе соответствующих ценностей со школьной скамьи и на всех последующих этапах его формирования как гражданина.

«Воспитание есть искусство по привитию людям с самого детства навыков и суждений, благоприятных для общества, в котором они живут. Это искусство упорядочивать чувства людей и направлять их на благо общества; искусство наполнения ума полезными истинами», — писал просвещенный баскский мыслитель Валентин де Форонда в книге «Письма о полиции» (Мадрид, 1820). То есть истинами, полезными как для самого человека, так и для общества. И самая полезная из них заключается в ясном понимании того, что демократия — ценность весьма хрупкая, но совершенно необходимая для свободной жизни. И поэтому ее защита требует, помимо прочего, политической активности, нуждается в доверии граждан. А для достижения этого необходимо, чтобы такие основополагающие и присущие демократии принципы и ценности, как солидарность, равенство, свобода, уважение права другого присутствовали в любых политических делах, а поведение людей, ответственных за их реализацию, отвечало этим принципам со всей последовательностью.

Этическое поведение во всех сферах общественной и государственной жизни необходимо прививать нашим детям не только силой личного примера, но также и в стенах школы, как непреложное требование для созидания и укрепления социально-политической системы, которая действительно достойна называться демократической.

Перевел с испанского
Александр Казачков

Сибирь выбирает свободу
Новая политика для российских регионов

Игорь Князев,
заместитель председателя Иркутского регионального отделения СПС

Говоря о периодизации освоения Сибири, можно выделить три основных этапа: приход казаков и прочих служилых людей на сибирскую землю в XVII–XVIII веках, ее промышленное освоение в конце XIX – начале XX столетий, индустриализация советского периода. То есть население Сибири складывалось исторически из потомков первопроходцев и переселенцев, а затем из собственно переселенцев, направлявшихся для освоения края. Именно это формировало особый характер и дух свободы сибиряков, подобно тому, как это происходило в Америке.

Я не случайно упомянул американский континент, так как в процессах колонизации Сибири и Северной Америки было много общего, связанного с тем, что человек и там, и здесь фактически ступал на свободную землю, чтобы начать свободную жизнь. С той лишь разницей, что, пройдя трудный путь освоения огромной территории, американские первопроходцы сумели при этом остаться свободными и способными к самоорганизации. А русские переселенцы всегда зависели от самодержавной, авторитарной власти. И эта их зависимость привела к абсолютно другому результату.

Чтобы убедиться в этом, достаточно проехать на машине 10–20 километров в сторону от любого областного центра Сибири. Кругом неухоженность, запустение, разруха, что является следствием государственной политики отстранения людей от земли и богатств края, проводившейся бюрократией до 1917 года и после. Когда население не имело права на самостоятельную миграционную и финансовую политику. В поездках по Иркутской области и сегодня складывается впечатление, что люди здесь не живут, а все еще отбывают наказание. Что вот, мол, прозвенит звонок, и все мы перейдем в какой-то другой комфортный мир, а пока все временно и нет смысла тратить силы на обустройство. Но звонок не прозвенит, и пора нам начать жить в режиме реального времени и реальных условий.

Одной из главных задач региональной политики можно поэтому с полным основанием считать именно такое изменение отношения человека к времени и месту своего проживания. Чтобы он вышел из небытия, в которое попал не по своей воле.

При этом в разгосударствлении, прежде всего, нуждается частная жизнь, поскольку тотальное огосударствление привело к всеобщему отторжению жителей Сибири от нужд и проблем территории, на которой они проживают. В результате чего часто они намеренно создают проблемные ситуации. Приведу показательный пример – лесные пожары.

Словно по команде, 20–25 апреля этого года в нашей области начал гореть лес. По всем телеканалам пошли сообщения о бедственном положении пожарных и о том, что им срочно нужно дать больше денег. Ситуация эта повторяется из года в год, но только недавно (хотя это уже давно не было секретом) ответственный чиновник, директор Голоустненского лесхоза на берегу Байкала, сказал публично, что причиной пожаров являются чаще всего умышленные поджоги.

Вот опыт моего хорошего знакомого. Он предприниматель, занимается лесом и сбо-

ром лекарственного сырья в Нижне-удинском районе Иркутской области. Причин поджогов, по его словам, две. Первая — предприниматели поджигают лес, после чего получают по очень низкой цене право на вырубку горелого леса. Это считается профилактической рубкой, древесину после пожара государство продает за копейки. Излишне говорить, что если сгорит 10 гектаров леса, то льготный билет выпишут гектаров на 500 (поди проверь в лесу, где кончается граница горелого участка). В общем, бизнес на поджогах очень выгодный и почти без риска. Без риска, потому что все заинтересованы в пожарах: бизнесмены, чиновники от лесоохраны, таможня и так далее. Правда, есть и издержки. Так, прошлым летом в Иркутской области в результате изменившегося направления ветра в течение нескольких часов полностью сгорело село Боровое.

Вторая причина — месть деревенского населения за невозможность рубить лес бесплатно для мелких хозяйственных нужд. Дошло до того, что местная власть отводит предпринимателям лесные угодья, вплотную прилегающие к деревне, и люди лишаются права даже собирать грибы и ягоды возле дома. Поэтому они поджигают лес по старинной русской привычке: если барин лютует, надо барина жечь. При этом региональная власть рассуждает о том, как надо тушить пожары, и критикует федеральное правительство за то, что у пожарных мало бюджетных денег — надо, мол, раз в десять больше, тогда будут тушить лучше. Думаю, эффекта от этого не будет, просто поджигать станут чаще.

Мой знакомый тоже, кстати, получил в аренду лесной участок. И сразу — после оформления документов на его участке вспыхнуло три пожара и еще два, пока он разбирался в ситуации. Но как только им было установлено, почему это происходит, он собрал всех жителей села и объяснил, кто он такой и зачем взял в аренду лес, сказал, где находится его контора и как она работает. После чего предложил всем желающим оформить у него в конторе бесплатное разрешение на сбор ягод, грибов и тому подобного, и продавать ему излишки собранных лесных продуктов, разрешил бесплатно рубить лес в небольших объемах для хозяйственных нужд, но рубить аккуратно, чтобы не страдал подлесок. А взамен попросил жителей следить за тем, чтобы в лесу не было чужих, дети не разводили костры, взрослые не загаживали лес и в случае пожара принимали экстренные меры. Результат — сегодня это самый преуспевающий предприниматель района, его зовут Анатолий Дмитриевич Голенков. За прошлый год на его участке (в отличие от соседских) не было ни одного (!) лесного пожара.

...Пройдя трудный путь освоения огромной территории, американские первопроходцы сумели при этом остаться свободными и способными к самоорганизации. А русские переселенцы всегда зависели от самодержавной, авторитарной власти

И, наконец, жгут лес охотники, подготавливая таким образом «прогляды» и поляны, где в сезон охоты можно стрелять зверя. Поскольку лес-то чужой, поэтому просто поджигают и уезжают, в надежде, что выгорит как надо. А если не как надо, то ничего страшного — ничье оно и есть ничье. А если государственное, то даже приятно — можно рассчитаться за пренебрежение и рабское отношение. Решение же этой проблемы простое — частная собственность на лесные и охотничьи угодья.

Часто можно услышать, что мы сказочно богатая страна, но почему-то очень бедно живем. Причина этого заключается, по-моему, в том, что огромная часть российского населения не кормит себя сама, а висит

на шее государства, которое в свою очередь боится раздать землю народу, как это произошло в США во второй половине XIX века. При этом речь не идет о разведанных месторождениях нефти или алмазов. Речь идет о земле и лесных угодьях. Огромные массивы этого богатства не используются.

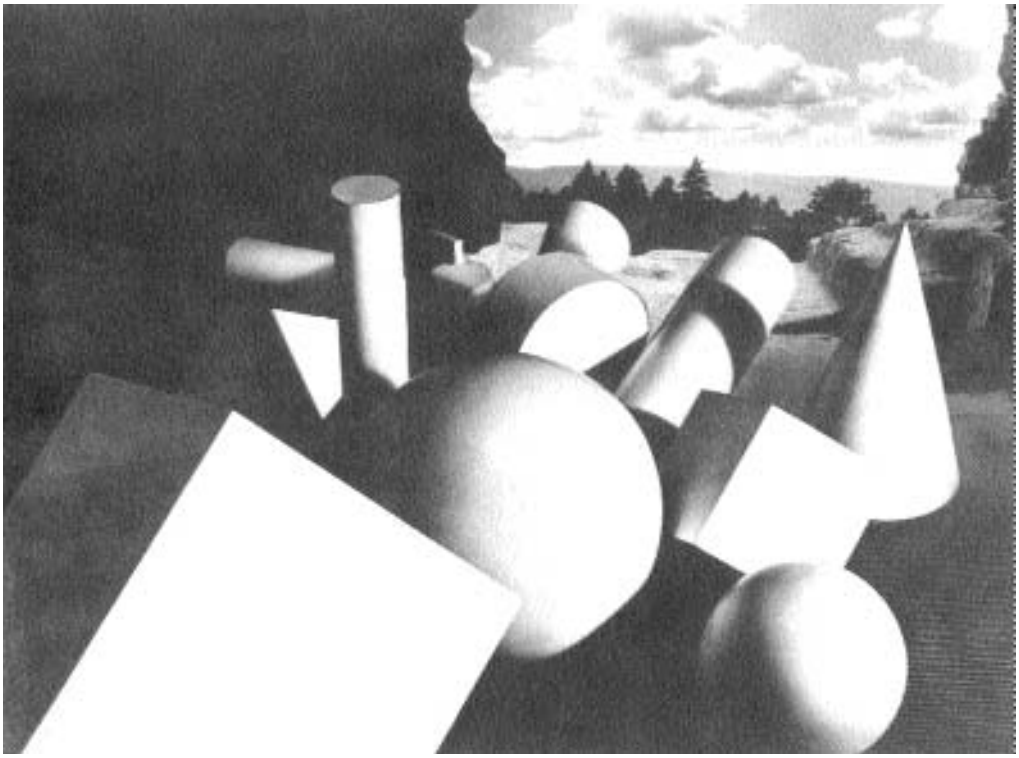
Никакую переработку и строительство заводов запретительные меры и повышение пошлин не стимулируют. Добиться создания новых производств можно только простым способом — передать в частную собственность, в том числе и лесные угодья. Тогда хозяину станет невыгодно вывозить кругляк, и он будет перерабатывать древесину и вывозить пиломатериал, а то и готовые столярные изделия. Объединяться в ассоциации, вести общую ценовую политику. Сегодня китайская «игла» наличных денег заставляет российского предпринимателя при каждой поставке соглашаться на снижение цены и для сохранения прибыли поставлять больший объем. То есть китайцы при каждой поставке увеличивают свою прибыль, а наш предприниматель, чтобы избежать увеличения себестоимости, дает больше взяток и больше ворует леса. До тех пор, пока все это государственное, а значит ничье, никаких предприятий строиться не будет, и лес будут красть в объемах, превышающих объемы официальной вырубки. В общем, бороться с воровством, бесхозяйственностью, низкой производительностью труда может только частный собственник. Государство в соревновании с ним заведомо проигрывает.

На мой взгляд, следует также вернуться к привлечению переселенцев в Сибирь, учитывая, что мы используем ничтожно малый процент земли и леса. Сейчас люди в Сибирь не поедут, что-бы купить землю. Ее у нас и бесплатно никто не берет, слишком много по этому поводу законов о том, что и как с ней надо делать, а что нельзя. Я же считаю, что лесные угодья и землю на расстоянии 50–70 км от города нужно раздавать в частную собственность без всяких условий и навсегда. Лишь тогда — чтобы работать, самим себя кормить и ни от кого не зависеть — поедут многие. Главное условие, повторяю, частная собственность на землю, предоставляемую бесплатно.

Еще один пример — из области охраны природы. В начале мая этого года по иркутскому телевидению прошел репортаж о том, как задержали охотника-бурята, добывшего несколько нерп на Байкале. В деталях показывали процесс его задержания, сопровождение бурята в тюрьму, выезд милицейского кортежа. Репортаж оставил очень тяжелое впечатление. Ничего лучше для иллюстрации собственного преступления органы правопорядка не придумали, заставив охотника рассказать о том, как он добывал своих нерп, когда, одевшись в маскхалат, несколько часов полз по льду, подкрадываясь к нерпе, как он стрелял, разделывал ее, скрываясь от посторонних глаз. А ведь его предки били нерпу и 100, и 1000 лет назад. Не знаю, какое наказание ждет охотника, но его глаза выражали явное недоумение и тоску. Сможет ли кто-нибудь объяснить ему, почему, живя в глухой деревне за 300 километров от областного центра на берегу Байкала, на земле своих предков, которую он считает своей, ему нельзя охотиться, чтобы не умереть с голоду!

Решение проблемы лежит на поверхности. Деньги для охраны природы и экологических целей надо направлять не в ведомства на содержание чиновников, а тем людям, которые живут этой самой природой. То есть, в том числе и охотникам-бурятам, живущим традиционным укладом, на разведение нерпы и уход за ней. Кто, как не люди, веками живущие на своей территории, знающие досконально ее животный и растительный мир, смогут обеспечить сохранение природы и экологии? Природе нужен рачительный хозяин, и задача власти не отторгать людей от природы, а помогать им в организации и создании нормальных условий существования.

Советский Союз был уникальным государством, в нем ничего нельзя было купить, но все можно было украсть. Сегодняшняя власть поддерживает фактически то же самое. Между тем, людям надо дать возможность легально пользоваться природным богатством. Хозяевами они станут очень быстро. Ведь государство не может возле каждой



Херберт Байер. Метаморфоза. 1936

нерпы поставить по милиционеру. Необходимо преодолевать практику социалистического отторжения человека от собственности, на которую он имеет полное право.

Формирование новой региональной политики напрямую связано с разгосударствлением частной жизни. Давно пора удешевить власть. Региональная власть должна самостоятельно определять потребность в чиновниках и службах. Например, служба судебных приставов. Сейчас ее управления создаются уже на уровне районов. Показателен в этом смысле пример З-кого района Иркутской области. Здесь при советской власти было два совхоза, магазин и железнодорожная станция. Сейчас и того меньше. Предприятий нет. А служба судебных приставов есть! Есть она на тот случай, что если кто-то обанкротится, чтобы была возможность изъять имущество банкрота. Правда, чтобы обанкротиться, предприятие еще нужно создать, а потом обанкротить. Но вдруг кто-нибудь создаст? А пока служба сидит и ждет. И сколько еще будет сидеть, никому не ведомо. А ведь это государственные служащие, здание, автотранспорт, льготы и так далее, и тому подобное. Между тем, для нужд области вполне достаточно оставить такие службы в крупных городах, где есть бизнес. А в сельский район, если там вдруг кто-то что-то создаст и обанкротится, раз в пять лет можно приехать на машине. Кстати, в каждом сельском муниципальном образовании есть у нас и районные суды. Тоже немало стоят! А начальство повторяет как заклинание: больше судей, больше зданий, больше денег. Но где их взять? Эти здания и главное – деньги?

Ситуация с милицией тоже симптоматична. Здесь проблема в организационном построении органов МВД. Милиция сосредоточена в крупных городах. А в деревнях и поселках участковых при этом не видят годами, и часто не знают, что они вообще существуют. На мой взгляд, охрана правопорядка должна быть публичной, когда каждый житель мог бы обратиться к участковому с просьбой, либо рассказать ему о том,

что людей беспокоит, о подозрительных людях или происшествиях.

Показательна в этом отношении ситуация с наркоманией. Как-то на депутатских слушаниях в Иркутской городской думе на вопрос, почему он не борется с наркоманией в Третьем поселке ГЭС, где чуть ли не в каждом доме торгуют наркотиками, начальник милиции ответил: если мы там их прижмем, они переберутся в другой район города. То есть получается фактически, что милиция не борется с преступностью только потому, что не имеет права расстреливать правонарушителей на месте без суда и следствия, а вот если бы имела, то боролась. Приехали, расстреляли и проблема решена, а раз нельзя, то пусть будут наркотики, зачем осложнять себе жизнь.

Необходимо разрушить монополию власти на местах. Сегодня в большинстве малых городов Сибири сложилась ситуация, когда мэр, прокурор, судья, начальник милиции и руководители предприятий десятилетиями бессменно занимают свои посты, стараясь при этом выстроить между собой родственные связи. И власть, которую так клянут граждане, не работает именно на местном уровне. Если такая монополия будет сохраняться, то перспектив у местного самоуправления нет. Единственный механизм ее разрушения — выборы, причем должностных лиц желательно избирать в разное время и ограничить сроки их пребывания во власти.

О социальной ответственности бизнеса. В начале 2003 года администрация Иркутской области бодро отчиталась о росте объема промышленного производства на 7 процентов, что значительно выше, чем в среднем по России. Однако из оценки социально-экономического положения области явствует, что одновременно произошло снижение жизненного уровня граждан, так как промышленные предприятия хотя и получили больший объем прибыли, но при этом уменьшились реальная заработная плата работников и доля отчислений в бюджеты. То есть налицо «ножницы», ход которых в ближайшее время станет критическим. Задача региональной власти — путем консультаций и договоренностей устранять подобные «ножницы».

Перечень названных тем, конечно же, не является исчерпывающим, но главное, я думаю, очевидно: нам нужно бороться за частную собственность на землю и лесные угодья, за самостоятельное формирование органов власти и создание условий для жизни свободного человека на собственной земле.

Сформулирую несколько задач региональной политики, решать которые предстоит региональным политикам и политическим партиям. Во-первых, населению сибирских регионов необходимо осознать себя общностью людей на основе их свободного выбора. Только идентифицируя себя с остальными людьми и местом проживания, историей края, человек становится патриотом, готовым к активному участию в общественных делах. Когда можно добиваться реальной самостоятельности региона в рамках федеративного государства. А именно — решая насущные проблемы территории, связанные с миграцией населения и разработкой природных ресурсов. При этом, создавая условия для более эффективной миграции, необходимо разрабатывать программы, в том числе и для ассимиляции приезжих из азиатско-тихоокеанского региона, открывая для них школы русского языка, а также облегчая процедуру предоставления гражданства. То есть, превращая ее из бюрократической в политическую.

Во-вторых, нельзя забывать о гражданском и политическом просвещении общества. Все предыдущие волны колонизации в России в основном были подчинены задаче экономического освоения Сибири. Сегодня перед нами стоит политическая задача, решить которую могут лишь политические партии, если они будут заниматься просвещением людей, вовлекая их в политический процесс. То есть, обращая внимание на реальные условия жизни и потребности населения. И им же необходимо заниматься отбором кандидатов на выборные должности, а затем вместе с обществом (после выборов) осуществлять контроль над их работой во власти.

CONTENTS

TO OUR READER 5

SEMINAR

Interdependence: Europe and the United States 7
Peter Mandelson

Discussion 12

Notes on the Seminar 23
Yuri Girenko

THEME OF THE ISSUE

Russia between Europe and America 27
Dominique Moisi

Only the «Club of Three» Can Render Europe United 32
Timothy Garton Ash, Michael Mertes, Dominique Moisi

Russia: New Security Paradigms 35
Dmitri Trenin

XXI CENTURY: CHALLENGES AND THREATS

Middle Eastern Democracy and the New Missionaries 40
Adam Garfinkle

On Globalization 45
Andrei Tsukanov, Ludmila Vyazmitinova

CONCEPT

Legal and Court Reform 49
Tamara Morschakova

DISCUSSION

Reform of Authorits? 54
Mikhail Krasnov

Political Institutions in Russia 59
Alexei Salmin

FREEDOM AND CULTURE

Our Present Dissatisfaction 65
Crane Brinton

NEW PRACTICES AND INSTITUTIONS

Lobbyism in the American Political System 71
Pola Frier

AN INDIVIDUAL EXPERIENCE

Igor' Knyazev: «We were striving for the better — and we succeeded!» 75
Zoya Yeroshok

IDEAS AND NOTIONS

Democratic Audit 77
Daniel Tarshis

FROM FOREIGN PERIODICALS

«Commentaire» 81
Jean-Claude Casanova

For the European View of Globalization 82
Pascal Lamy

OTHER COUNTRY

Elections Ukrainian Style: One More Time about the Most Important 88
Mikhail Afanasiev

BOOKS

Search for Identity 93
Irina Busygina

Regional Book Review 96
Aleksander Kapishin, Inga Starostina

Kontrapunkt 99
Aleksander Arkhangelski

OUR ARCHIVE

Ethics in Politics or On Necessity of Personal Example in Public Life 103
Alvaro Gil-Robles

NOTA BENE

Siberia Elects Freedom 108
Igor' Knyazev

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ
И СОВРЕМЕННЫЕ СМИ

СЕМИНАР
(Голицыно, июль–август 2003)

Наши авторы:

Александр Архангельский
Стивен Бартер
Гарольд Берман
Лорд Чарлз Гатри
Зоя Ерошок
Александр Зурабов
Наталья Лосева
Ирина Лукьянова
Виталий Найшуль
Ричард Перл
Йонас Риддерстрале
Владимир Рыжков
Александр Хрусталев

Подписано к печати 14.10.2003.
Формат 70×108/16.
Бумага мелованная.
Гарнитура NewBaskerville.
Усл.-печ. л. 7.25.
Тираж 1000 экз.
Заказ №

Московская школа политических исследований
121854, ГСП-2, Москва, ул. Большая Никитская, 44-2.
e-mail: msps@co.ru
http: //www.msps.ru

ЛР №00972 от 14.02.2000.
Отпечатано с готовых диапозитивов
в Московской типографии № 6 Минпечати РФ
109088, Москва, Южнопортовая ул., 24

ISBN 5-93895-049-X
9 785938 950498 >